РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
№63 1995 (II)

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

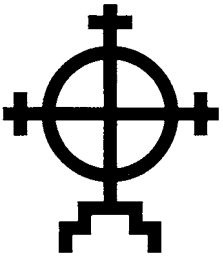
НЬЮ-ЙОРК • МОСКВА • ПАРИЖ

1995 (II) ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В ГОД № 63

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ



НЬЮ-ЙОРК • МОСКВА • ПАРИЖ

1995 (II) ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В ГОД № 63

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

1978	Журнал по благословению Русской Православной Церкви за рубежом был основан протопресвитером отцом Александром и К. И. Киселевыми, Н. Ф., И. Э. и А. Н. Федоровыми.
1978-1979	Главный редактор - кн. С. С. Оболенский, журнал печатается во Франции.
1980-1981	Главный редактор - Г. А. Хомяков, журнал печатается в США.
1982	Редакция: К. И. Киселева, О. П. Ильинский, Н. Н. Озеров, М. А. Холодная (главный редактор).
1994	Журнал, продолжая быть редактируемым в Америке, печатается по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в России.

Члены редакционного совещания:

В. И. Алексеев (США), М. Р. Гизетти (США),
прот. Д. Григорьев (США), З. Е. и Ю. П. Залесские (Франция),
Е. Н. Казанская (Австралия), А. А. Киселев (США),
А. Е. Климов (США), А. Р. Небольсин (США),
прот. В. Потапов (США), Г. А. Рар (Германия),
свящ. Н. и Н. Г. Семеновы (Франция), А. Н. Федоров (Франция).

Ответственный редактор № 63 – проф. О. П. Ильинский

Директор – И. П. Холодный

Помещенные в журнале статьи необязательно выражают взгляды редакции, считающей, что тема русского возрождения должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

При перепечатке материалов журнала "Русское Возрождение" просим ссылаться на источник. Рукописи не возвращаются, и по их поводу редакция в дискуссии не вступает.

Всю переписку, рукописи и подписную плату просим посылать по адресам:

За границей:

V. Rev. Alexander Kiselev
St. Seraphim Foundation
Russkoe Vozrozhdenie
53 Duane Lane
Demarest, N. J.
U.S.A.

В России:

Россия
117419 Москва
Донская площадь, 1
Донской монастырь
"Русское Возрождение"
Протопресвитеру о. А. Киселеву

© 1995 by Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc. (ISSN 0222-1543)

Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра.

Обложка - крест из церкви свв. апостолов Петра и Павла в Кожевниках (Новгород), 1406 г. Работа художника А. В. Русака

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА

Журнал "РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ" ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа.

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Все, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, - литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и все, что с ними связано и из них вытекает, - входит в круг интересов журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы - дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Изданию сочувствуют следующие русские церковные и общественные организации

Академическая Группа в США - Американско-русское просветительное Общество "Родина" - Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей - Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека - Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия - Кадетское Объединение - Комитет защиты гонимых православных христиан - Комитет объединения русских организаций в Лос-Анджелесе - Конгресс русских американцев - Национальная Организация Витязей - Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) - Организация Российских юных разведчиков - Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС - Общество "Отрада" - Общемонархическое Объединение в Монреале - Общество "Икона" в Париже - Православное Братство во имя Всех святых земли Российской - "Православное Дело" - Русско-Американское просветительное общество в Детройте - Женское общество помощи Австралийской Епархии - Русский центр в Сан-Франциско - Св. Серафимовский Фонд - Австралийско-Новозеландская Епархия - Ставропигиальный Св Троицкий Монастырь (Джорданвилл) - Союз русских инженеров - Св. Петропавловский кафедральный собор - Российское национальное объединение в Германии - Братство Святого Креста в Австралии - Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция - Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США - Фонд Царя-Мученика - Восточно-Американская и Нью-Йоркская Епархия - "Русский очаг", Аргентина - Толстовский Фонд - Ставропигиальный Храм Памятник Св. Кн. Владимира, Джаксон Н Дж - Церковь во имя Преп. Сергия Радонежского, Валлей Коттедж, Н. Й. - Храм Покрова Пресв. Богородицы, Скенектади. Н. Й. - Богоявленская церковь, Бостон. Масс. - Новое Дивеево, Спринг Валлей - Храм Покрова Пресв. Богородицы, Наяк. Н. Й - Церковь Преп. Серафима Саровского, Си Клиф. Н. Й. - Церковь Св. Иоанна Предтечи, Вашингтон. Д. К. - Церковь Св. Александра Невского, Лейквуд (Хауэлл). Н. Дж. - Успенская Церковь, Ричмонд Хилл, Н. Й.- Благовещенская церковь, Н. Й. - Флашинг, Н. Й. - Церковь Преп. Серафима, Нью-Йорк. Н. Й. - Представительство русских эмигрантов в Америке - Объединение галлиполийцев в Америке - Попечительство о нуждах Русской Православной Церкви Заграницей - Св Троицкая церковь, Астория - Св. Николаевский собор, Сиэтл - Церковь Всех святых Земли русской, Бурлингейм - Церковь свв. Петра и Павла, Санта Роза - Церковь преп. Серафима Саровского, Монтерей - Церковь св. Марка Эфесского, Розлиндел. Масс. - Церковь св. Симеона Верхотурского, Калистога. Калифорния.

Этот список будет пополняться по мере выражения желания других русских организаций в нем участвовать.

ИДЕЙНЫЙ СТЕРЖЕНЬ ЭМИГРАЦИИ

Эмиграция всегда ощущала себя носительницей русской идеи. Эта идея не есть идея политическая. В первую очередь она представляет собой результат тех размышлений о России, которые были характерны для русских мыслителей на протяжении веков. Идея эта, по сути своей религиозная, воспринимается эмиграцией в качестве основы при решении проблем русской культуры в целом.

В связи с этим естественно, что эта идея имеет совершенно определенную нравственную направленность. В наших размышлениях о России вопрос о нравственном самоопределении всегда занимал одно из центральных мест. Русская духовная культура вне проблемы нравственности и ответственности немыслима. Русская духовная культура всегда была для нас своеобразным категорическим императивом и способствовала нашему самоопределению и религиозно-нравственному самораскрытию. Когда из этого комплекса делались политические выводы, они всегда развивались совершенно неотделимо от этой общей программы и по отношению к ней они, при всей своей остроте и важности, имели второстепенное значение. Понять их можно только в этом контексте. Мы совершенно неотделимы от нашего прошлого - более того, оно в нас длится сегодня.

Мы вовсе не консерваторы, мы постоянно учитываем проблемы и трудности нашей современности, но на поводу у современности не идем, т. к. понимаем традицию как метод. Именно это обладание методом являет-

ся огромной исторической заслугой эмиграции и дает ей возможность говорить полным голосом.

На пути нравственного самоопределения и соответственной активной деятельности, безусловно, могут быть и бывали ошибки именно потому, что трудности, которые ставит перед нами наша современность, огромны.

Идеологический комплекс эмиграции развивался как организм, как цельность. Эта цельность нас воспитала. Таким образом, представить себе нашу жизнь в эмиграции ***вне*** *корней, с которыми мы связаны, совершенно невозможно. Эти корни не только религиозные. Они развивались в международном контексте. Наша православная идея была для нас методом подхода к тому иностранному контексту, в котором мы жили. Это давало нам возможность подойти к нему критически, но в каком-то смысле нас с ним объединяла. Таким образом, мы оказались в той самой ситуации, которая вообще была характерна для основной линии развития русской культуры. Ведь русская культура всегда оценивала тот международный контекст, в котором себя ощущала. В этом отношении мы считаем своими непосредственными вдохновителями таких исключительных людей, как Пушкин, Хомяков, Киреевский. Именно в них мы ощущали и свою совесть, и свое призвание. И возможно, именно существование в иностранной среде, и контакты, которые мы в этой среде имели, особенно обострили наше ощущение России и нашей ответственности перед Россией.*

Эмиграция всегда видела свою заслугу в том, что она, будучи носительницей русской традиции, жила в международном контексте, тем самым осуществляя органическую связь этих двух факторов, характерных для исторического развития России. Из этого единства мы и явились.

В современных условиях понятие "русская эмиграция" имеет для нас значение идеологическое и философ-

ское в первую очередь. Ни растворяться в иностранной среде, ни ставить свои идеи в зависимость от иностранной среды, в которой мы жили, ни отказываться от России в любых обстоятельствах жизни мы не хотели. Мы никогда не отделяли себя от России и трагически переживали ее оторванность от тех морально-религиозных и философских устоев, которые попали под удар Советской власти.

Журнал "Русское Возрождение" возник из необходимости для нас с возможной ответственностью закрепить, сформулировать и развить то, что мы получили от нашей русской традиции.

Этим мы надеемся внести свою посильную лепту в дело возрождение России, которое уже началось.

Пассивными мы оставаться не хотим.

Задача, которую мы на себя взяли, очень ответственна, но приближение к ней было прямым требованием нашей русской совести.

Мы посвящаем этот номер журнала всем оказавшимся за пределами отечества, но на протяжении более чем 70 лет стоявшим и стоящим лицом к России, хранящим ее духовные и культурные ценности, ее заветы и традиции - подлинным и достойным представителям русской эмиграции.

РЕДАКЦИЯ

Милица Холодная

50-ЛЕТИЕ ДОМА "МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРЯНИН"

15-17 сентября с. г. в Нью-Йорке был отмечен 50-летний юбилей основания русской гимназии Дома "Милосердный Самарянин" в Мюнхене. Со всего мира съехались бывшие гимназисты. Были молитвенно помянуты все бывшие учителя и сотрудники Дома, были прочитаны доклады, было показано видеообращение из Москвы к собравшимся отца Александра Киселева, была выставка фотографий тех лет, а также выставка академических, художественных, литературных и журналистских трудов бывших гимназистов.

Что же такое был Дом "Милосердного Самарянина"? Какими словами передать его внутреннюю сущность, ту роль, которую он сыграл в жизни людей, которые с ним соприкоснулись? Чтобы это понять, вернемся мысленно в эпоху тех дней и предоставим слово свидетелям.

"Столкновение двух материалистических идеологий было явлением более сложным и глубоким, чем столь привычное в мире национальное единоборство народов. Тут было дело не в борьбе "Германии" с "Россией" или "национал-социализма" с "марксизмом", а в одном Божием Суде над двумя лжерелигиями, лжемессианствами человечества, столь различными и **столь одинаковыми** в своем восстании против Божиего Духа... <...> И над тем, и над другим, и над многими свершился Божий Суд[1]".

---

[1] Еп. Иоанн [Шаховской]. **Письма о вечном и временном**. Нью-Йорк, 1960.

Кто только ни принадлежал к числу тех, над которыми совершился в то время Божий Суд. Безусловно, к ним относились и все мы - и собравшиеся, чтобы отметить 50-летие основания Дома "Милосердный Самарянин", и те, которых с благодарностью и любовью мы вспоминали. В этом мы полностью разделяли судьбу всего нашего многострадального народа. Наверное, справедливо будет сказать, что мы - в нашем уповании на Бога, в нашей реакции на пронесшейся над нами испепелевающей бури духовного уничижения и физического истребления, - как в капле воды, отразили то духовное просветление и исканиеи Бога, которое проявилось при первом дуновении духа свободы и стало характерным для русского человека в разгар войны и послевоенные годы.

Во времена разгула зла, полной своей брошенности, в отрыве от родных мест, родных людей человек обращался к Богу. Он искал утешения, защиты и окормления в лоне Церкви. Роль Церкви была решающей. Можно было жить в голоде и холоде, но нельзя было жить без Бога, без Церкви, невозможно было духовно выжить, не делая дела Божиего. Дом "Милосердного Самарянина" был нашим спасением, нашим деланием, нашим служением.

В 1947 г. в предисловии к отчету о деятельности Дома "Милосердный Самарянин", излагая мысли и чувства, которые, безусловно, разделяли все сотрудники Дома, отец Александр писал[2]:

"В предлагаемом отчете о возникновении нашего Дома и его жизни на протяжении первых полугора лет мы хотим показать не только его деятельность, но главным образом ту внутреннюю силу, из которой он создавался и рос. Не **наши-**

[2]Прот. Александр Киселев. Предисловие. Краткий отчет о возникновении и деятельности Дома "Милосердный Самарянин", Мюнхен, 1947.

ми достижениями мы хотим похвалиться, но воспеть "благодеющего нам Господа", Который невидимо, через наши слабые человеческие силы, дарует Свою помощь. Хотим показать, что возможно сделать с Божией помощью, которая и в немощи человеческой совершается.

В прилагаемом отчете мы описываем события, приводим факты, но не это самое главное. Важно не то, **что** делалось у нас, а важно то, **как** оно делалось. Можно сказать больше того - не то важно, что нам удалось сделать, а важно то, что мы хотели, что мы стремились сделать. Для христианского сознания всякое дело важно постольку, поскольку оно является средством для вечного спасения того, кто его делает, и того, для кого оно делается.

Самым ценным в жизни нашего Дома был тот момент, когда люди, оставшиеся после войны **буквально нищими**, не пошли искать в жизни своих личных выгод, а **поверили**, что, начав дело ради помощи ближнему, они получат несравненно больше внутреннего удовлетворения. Не дай нам Господь этой веры, не мог бы создаться наш Дом. Господь - Помощник и Покровитель человеку. Понимать это надлежит в том смысле, что к нашему человеческому дерзанию, началу прилагает Он Свою помощь, которая неизмеримо превосходит все наши старания. Так происходит на земле творчество человеческое.

Самое драгоценное - когда человек ощутит желание, ощутит необходимость служить Богу нераздельно и всецело. Не частичку своей жизни отдавая Богу, а другую оставляя **вне** Его, но всецело все изгибы и проявления жизни своей представляя лучам Его света.

Страшен симптом современности - распад, секуляризация. Жуткое расчленение атома началось с еще более жуткого расчленения человеческого духа. Этому распадению духа и жизни христианское сознание противополагает целостность, единство, воцерковление жизни. Только живя в Церкви, в ней питая корни своего сознания и мироощущения, человек обретает гармонию внутри себя, познает иерархию ценностей и нераздельно устремляет себя к Богу. Тогда дух Церкви проникает во все поры жизни данного человека, он сам воцерковляется и служит воцерковлению своего ближнего.

Это дивное дыхание Духа Господня было и в стенах нашего Дома. В лучших чаяниях наших мы этого больше всего желали, это было нашим устремлением.

Дело нашего Дома есть прежде всего желание **исповедовать нераздельность жизни** и попытка создать нечто на этом утверждении. Наше дело - это движение против общего течения, где Церковь хотя и почтенный, но все же лишь придаток к земным реальностям жизни. Это - стремление подчинить примату Духа и Церкви, насытить этим началом всякое наше дело, стремление воцерковить каждый наш шаг.

Насколько дал нам Господь осуществить все эти мечты - знает только Он один".

В самом "Отчете", который был составлен сотрудниками Дома, мы читаем и видим следующее:

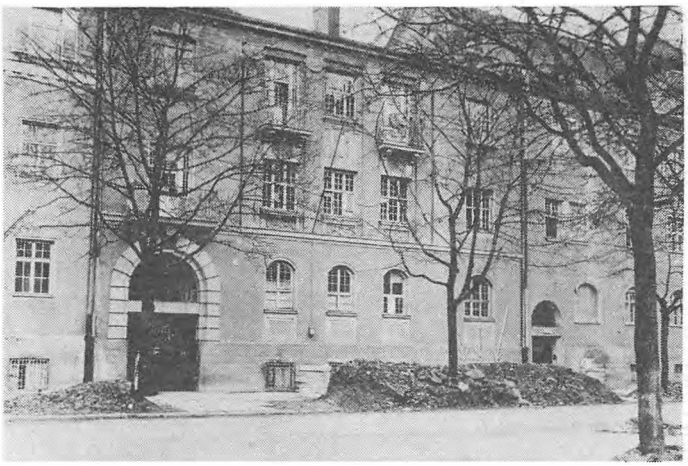
"В августе 1945 г. священник о. Александр Киселев получил от квартирной комиссии города Мюнхена полуразру-

Отец Александр Киселев, основатель и Директор Дома "Милосердный Самарянин"

шенный дом. Верхние этажи этого дома сгорели, нижние этажи были завалены битым кирпичом, обвалившейся известкой и всяким мусором. Крыша отсутствовала; потолки почти везде обвалились; во всем доме осталась только одна комната, в которой можно было укрыться от дождя; дверей и окон, как правило, не хватало. В общем, дом представлял собой полуразвалину. Этот дом раньше принадлежал гитлеровской юношеской организации и по окончании войны автоматически стал "беспризорным".

Создание такого учреждения, которое посвятило бы себя полностью работе с детьми и молодежью, являлось насущной необходимостью, т. к. школ не было и подрастающее поколение было всецело предоставлено самому себе, а пережитое и перевиданное за время войны, многолетние недостаточное питание, острая нужда, квартирный кризис и всеобщее падение нравов способствовали скорому разложению тех, кто должен прийти к нам на смену.

Отец Александр поставил перед собой задачу помочь русским детям и вырвать их из-под влияния улицы. В активе



Дом "Милосердного Самарянина" В Мюнхене

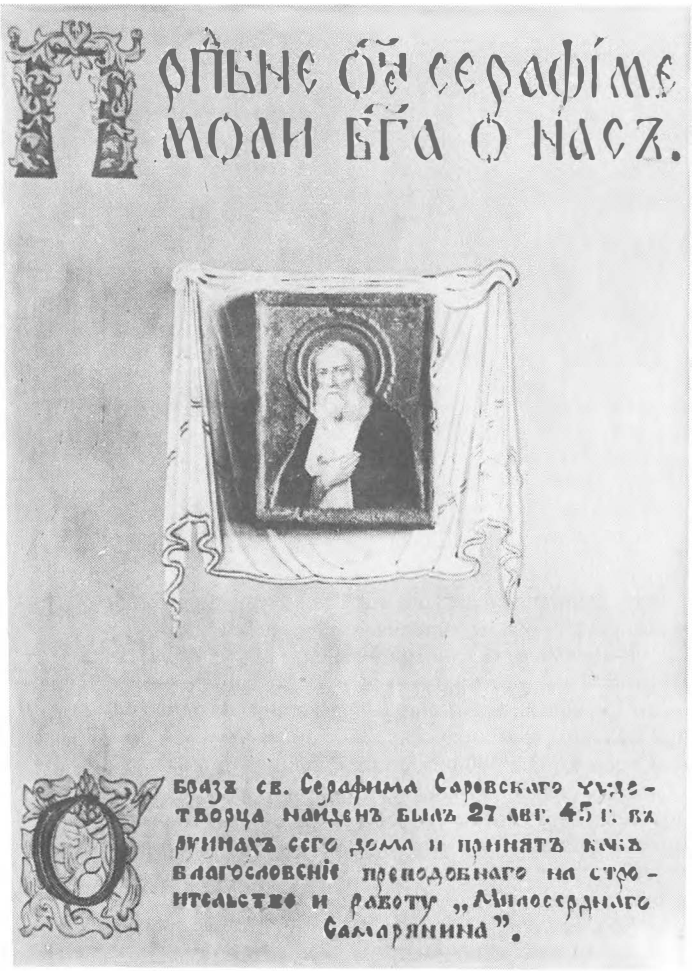
Идет починка Дома

у него были полуразрушенный дом, три добровольных помощника и никаких материальных средств.

В первый день занятия нами дома была сделана находка, в которой мы усмотрели чудесную помощь и благословение преп. Серафима Саровского Чудотворца. В одной из комнат при очистительных работах был найден образок св. Серафима Саровского и 200 немецких марок.

Нахождение православной иконки на чужбине, в руинах бывшего партийного немецкого здания в Мюнхене мы не могли считать случайностью и восприняли как Божие благословение на наше дело, а 200 марок найденных денег были первыми деньгами в нашей нищенской суме.

Бросая теперь, при составлении отчета, ретроспективный взгляд на пройденный трудный организационный период, мы видим ясно, что Господь не посрамил наши надежды и упования на Его помощь. Чтобы убедить читателя в этой мысли, мы решили подробнее остановиться на описании возникших трудностей и способов их преодоления.



"Образ св. Серафима Саровского чудотворца найден был 27 авг. 45 года в руинах сего дома и принят как благословение преподобного на строительство и работу "Милосердного Самарянина"

Сотрудники Дома "Милосердный Самарянин"

Павел Дмитриевич Ильинский - Директор гимназии и проф. Петр Николаевич Раевский - заведующий медицинской частью (амбулатория и курсы сестер)

Краткая история нашего "Дома" - многознаменательна именно в религиозном отношении.

Развернутая в хронологической последовательности деятельность нашей организации, неуклонный рост ее в глубину и ширину свидетельствует о несомненной помощи свыше и наполняет наши сердца благодарной радостью.

Мы счастливы сознанием, что в то время, когда рушатся все принципы устроения общественной жизни без Бога, наш скромный опыт построения Дома "Милосердный Самарянин" на принципах христианской любви оказался столь плодотворным.

Первые наши заботы были заботы в буквальном смысле слова о крове, т. е. о крыше.

В последних числах сентября мы оказались счастливыми обладателями "бецугшайна" (разрешения на право покупки) на толь и, получивши автомобиль для его перевоза, поехали на склад. Там мы узнали, что в последнюю ночь наш толь был кем-то украден, а другого на складе не было. Постороннему читателю трудно себе представить, что для нас тогда значило потерять толь. Ведь была осень, шли дожди и у нас всюду протекало, вплоть до первого этажа. Разрушались последние уцелевшие потолки - набухшая водой известка отпадала большими кусками. Где было достать новый толь? Это было почти невозможно в тогдашних условиях. Начались новые недели беготни с угра до вечера по американским офицерам, немецким учреждениям и остаткам разрушенных фабрик и наконец... привезен новый толь. К этому времени вся крыша была уже покрыта досками, на которые должен был быть положен толь. Доски ради экономии были положены не сплошь, а с довольно внушительными интервалами в надежде, что плотный и крепкий толь покроет эти провалы. С большим трудом мы получили гвозди и прибили толь. Он не оправдал наших надежд, и к весне в скромные хоромы 3-го этажа с картонными потолками хлынула вода. Починка крыши была трудной задачей и потребовала много длительных и самоотверженных трудов педагогов, врачей, поэтов и др. "неквалифицированных кровельщиков", не исключая и нашего духовного руководителя. Пока они занимались постройкой крыши, другая группа тружеников хлопотала о домашнем уюте внутри дома.

В первом этаже работы было меньше всего: там только отсутствовали двери и окна и обвалились потолки. В этом этаже устраивались комнаты для временного жилья. Нужно было подумать о самой необходимой обстановке и утвари.

Бытовые условия живущих были трудные. Кроватей не было. Спали на голых досках, подослав вместо матрацев несколько рядов газет. Но вскоре наши хлопоты о настоящих кроватях увенчались успехом: в одном из лагерей нам дали 10 тройных железных кроватей с тюфяками. За кроватями были получены кастрюли, кружки, тарелки с ложками.

Кухня переехала в подвал - бывшее бомбоубежище, и туда же перекочевала столовая. Здесь все было солидно и прочно и напоминало средневековый замок.

Вопрос с питанием сначала был труден и сложен. Семья наша постепенно разрасталась, а потому борщ делался все жиже, а порция картошки все меньше. Каким "рогом изобилия" показался грузовик, привезший нам однажды подарок от русских людей: мешок гороха, несколько мешков галет и муки, а главное, около ста буханок хлеба. Правда, хлеб был в пути больше недели и сверху позеленел, но это обстоятельство, конечно, нас ничуть не смутило. Мы обрезали плесень и ели хлеб. Хлеба можно было есть досыта, как это было хорошо!

Благодаря неуклонной энергии побеждались трудности, казавшиеся непреодолимыми. Дом постепенно восстанавливали, и 10 октября 1945 года в нем открылась русская гимназия в размере 2 классов.

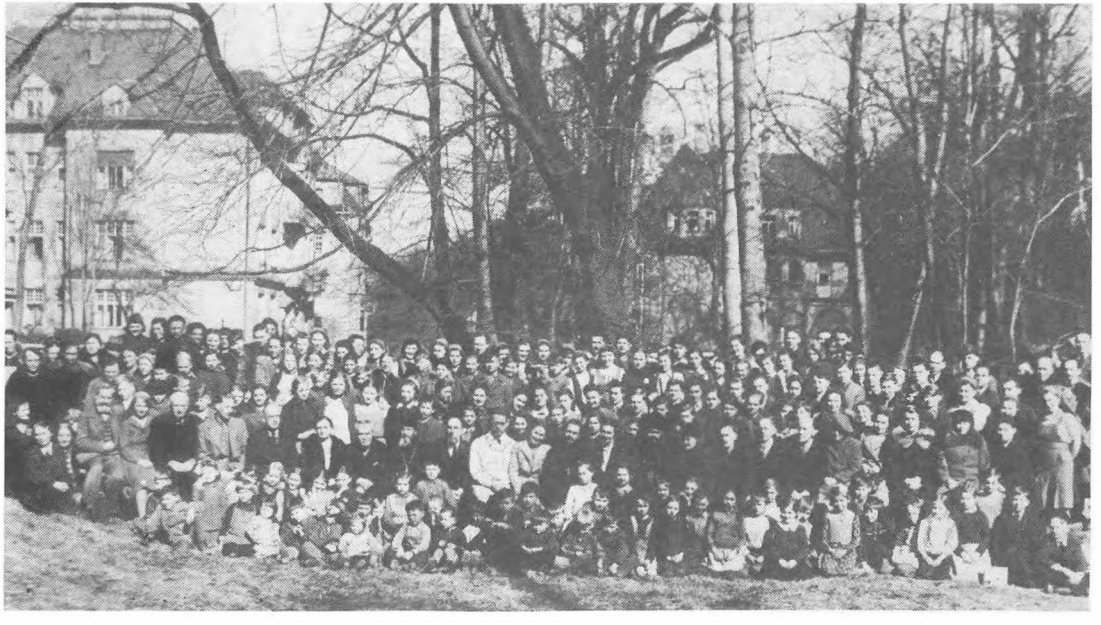
С этого времени прошло полтора года. Слабое, бедное начинание разрослось в большое православное - русское дело.

Сейчас в Доме работают: гимназия, детский сад, амбулатория, небольшая иконописная мастерская, отдел социальной помощи, отдел внешкольной работы с молодежью, издательство книг духовного содержания и учебников и книжный магазин.

Вот несколько отдельных цифр, иллюстрирующих то, что было сделано за этот год.

Гимназия, которая при открытии имела только 2 класса, насчитывает теперь: 4 класса начальной школы (дети от 6 до 19 лет), 7 классов гимназии и специальный класс, предназначенный для детей, знания которых резко не соответствуют их возрасту и в которых этих детей подготавливают в так назы-

Учителя и ученики, конец 1945 г.



Учителя и ученики, апрель 1946 г.

Один из старших классов

ваемом "ударном порядке". Всего в гимназии учится около 250 русских детей. Все ученики нашей гимназии получают горячий обед во время большой перемены. Благодаря поддержке УНРРА с февраля 1946 г. питание улучшено. Но не все ученики пользуются поддержкой (в настоящее время 50 проц. детей ее не получают) и, чтобы не делать различия между теми и другими детьми, Дом приобретает на собственные средства продукты питания и выдает одинаковый обед всем детям. Таким образом, за этот год было выдано 13 000 бесплатных обедов ученикам, не пользующимся помощью УНРРА.

Чем можно объяснить, что в течение одного года почти на ровном месте, без средств вдруг могла сложиться хорошо налаженная гимназия? Это объяснимо только той героической энергией, которую проявили педагоги, как муравьи созидая свое "детище". Разве педагог или другой любой сотрудник работал с такого-то по такой-то час? Нет, он работал столько, сколько было нужно и пока хватало сил. Мы не нанимались "служить" за определенное вознаграждение, а шли

Гимназический коридор-зал. Нас всегда учили верить в Бога, любить родину и знать русскую литературу

Один из младших классов

Все ученики получали горячий обед

создавать дело, которому отдавали душу, получая из своей кассы те крохи, которые она в состоянии была нам дать.

Вот пример: учительница поскользнулась и сломала ногу. Свезли в больницу, наложили гипс. После больницы с ногой в гипсе она едет не домой, а... поселиться в учительской, чтобы не пропускать уроков.

Такими жертвенными людьми созидался наш Дом.

20 декабря 1945 г. был открыт детский сад, в котором сейчас обучается 35 малышей под наблюдением опытных учительниц.

В апреле 1946 г. был организован отдел внешкольной работы с молодежью. Этот отдел провел летний лагерь на лоне природы, в котором приняли участие 130 детей.

В настоящее время внешкольный отдел ведет воспитательную работу с детьми в скаутских группах, в коих участвует свыше 100 детей. Молодежь старшего возраста

Педагогический состав

объединяется в евангельских и религиозно-философских кружках[3].

В декабре 1945 г. в нашем Доме была открыта амбулато-

---

[3]Из издаваемого в те годы в Доме "Милосердный Самарянин" "Вестника РСХД" (№ II за 1949 г.) можно почерпнуть более подробную информацию о размерах работы с детьми и молодежью:

Кружки - 4 по изучению Евангелия (2 в Доме, по одному в предместьях Пазинг и Гаутинг), 1 святоотеческий, 1 иконописный.

"Четверги" - лекции на различные темы из области православной культуры. Например: "0 молитве" - проф. И. П. Четвериков, "Преп. Сергий Радонежский" - прот. Г. Бенигсен, "В. И. Качалов" - С. Н. Дубровский, "Роль Иоанна Грозного в процессе русского социального развития" - проф. В. В. Леонтович, "Русское национальное самосознание" - проф. Е. Р. Кельзи, "Творения св. Отцов Церкви" - архим. Аверкий, "Жизнь Англиканской Церкви" - архим. Гермоген, "Проблема смерти в христианстве и медицине" - проф. П. Н. Расвский и прот. А. Киселев, "Русская икона" - В. Завалишин, "Происхождение атеизма и пути его преодоления" - проф. И. П. Четвериков, "Об о. Иоанне Кронштадтском" - игумен Георгий и др

Юношеский отдел - работа посвящена углублению религиозного сознания и церковной жизни русской учащейся молодежи. Были устроены две "елки" - детская и юношеская. Их посетило свыше 400 детей. Юные христославы посетили митрополитов Серафима и Анастасия, которым председатель Делового комитета О. М. Родзянко преподнес первый номер "Вестника".

Детская работа - по воскресным дням в 4 местах скопления русских эмигрантов ведется работа, кладущая начало религиозному воспитанию детей младшего возраста.

Съезды - "Доклады (Л. А. Зандер - "Идеология РСХД", проф. Ф. А. Степун - "Духовные истоки русской культуры", Г. Г. Габричевский - "0 религиозном и безрелигиозном творчестве", проф. И. П. Четвериков - "0 Церкви"), прочитанные на съезде были прекрасны, прения интересны и оживленны, семинары (Евангельский - о. Сергий Щукин, Литургический - о. архим. Аверкий и экуменический - Л. А. Зандер) содержательны и глубоки. <...>

Храм, как всегда, стал тем центром и источником благодати, которая всех соединяла воедино, сделала близкими тех, кто еще вчера не знали друг друга, сгладила все разногласия и противоречия. Чем дальше, тем больше чувствовалась эта радость оцерковления, в конце концов вылившаяся в затянувшуюся далеко за полночь исповедь всех участников съезда и общее причастие в последний день съезда".

Ретроспективно можно только поражаться, что было время, когда **такие** люди могли спокойно вместе говорить на **такие** темы, а потом объединиться в любви перед святой чашей. В страшные 40-е годы единство в любви было многим понятно и желанно. А сейчас, неужели мы не боимся забывать страшный урок тех лет?..

Работа в кружках

Работа с самыми маленькими

рия. Более нищенского "оборудования" чем то, которым была украшена наша амбулатория в момент своего открытия, вряд ли можно сыскать.

Вот результат ее годичной работы:

Амбулаторию обслуживают 4 профессора и 10 врачей по разным специальностям. За этот год зарегистрировано около 17 000 случаев оказания медицинской помощи как приходящим больным, так и на дому. Медицинская помощь оказывается бесплатно, принимаются лишь добровольные пожертвования. Кроме того, нуждающимся больным также бесплатно выдаются необходимые лекарства.

Но главное не в том, в скольких случаях была оказана медицинская помощь, а в том, что в жалких маленьких комнатушках (местонахождение амбулатории) все сильнее крепнет дух старых русских медицинских традиций. Дело врача и сестры есть дело **служения**! Старые профессора, часто многим жертвуя, урывают часы для консультации с молодыми врачами и передают им свой опыт и традиции. Наши врачи получают мизерное вознаграждение за свою работу, а консультирующие профессора и вовсе не оплачиваются. Амбулатория наша стоит горячим желанием русских медиков любой ценой сохранить за собой право служить медицине.

Возьмем пример: один из наших врачей живет в бараке, за несколько станций от города (в разбитом Мюнхене совершенно нет свободных комнат). Он получает 75 марок в месяц, а железнодорожный месячный билет стоит 35 марок. Как же живет этот врач?

В конце 1945 г. мы приступили к организации школы сестер-самаритянок. Задачей этой школы было воспитать молодых девушек убежденными православными работниками, могущими нести в жизнь наши идеи воцерковления и милосердия.

В этом начинании было нечто новое. С одной стороны, ставилась задача привить молодым сестрам лучшие старые сестринские традиции, с другой - закладывался новый тип сестер-самаритянок. Новизна его в том, что сестра-самаритянка **везде и всегда сестра**. Она не только тогда сестра, когда находится у больного, но всякий случай в жизни - объект для ее **христианского** служения. Это молодые жизнерадостные девушки, которых форма не сковывает, но углубляет. Они ни-

Сестры-самарянки

чем не связаны, кроме как сердцем, познавшим Бога и желающим на всех пугях жизни служить Ему. "Чадо, дай мне сердце твое".

Школу с успехом окончили 14 сестер, которые получили звание медицинской и социальной сестры, а также детской воспитательницы.

В конце 1946 г. нами была проведена, так наз. "финансовая неделя". Русская общественность широко откликнулась на наш призыв и вместо намеченных 32 400 марок было собрано свыше 45 000 марок, которые распределены были между амбулаторией, гимназией и отделом социальной помощи.

Благодаря собранным средствам нам удалось открыть отдел социальной помощи, снабдить его твердым бюджетом и дать ему возможность оказывать материальную помощь все более многочисленным нуждающимся русским. Но и до открытия отдела социальной помощи мы старались помогать нашим соотечественникам. За прошлый год Домом было разослано нуждающимся русским свыше 2000 вещевых и съестных посылок.

Социальный отдел

Издательский отдел

Кроме того, за это время нашей кухней было выдано около 2000 бесплатных обедов посторонним для Дома лицам. Был оказан приют на одну или несколько ночей более чем 600 путешественникам.

Наш издательский отдел выпустил за этот же период времени 26 книг. Наше издательство работает главным образом при помощи ротатора, через который прошло свыше 500 000 стр. духовной литературы и учебников. Неимущим книги высылаются бесплатно. Книжный магазин продает книги как нашего издательства, так и взятые на комиссию, иконы и кустарные изделия.

Вся вышеуказанная деятельность сосредоточена в одном четырехэтажном доме. В погребе находятся кухня, столовая, мастерская, пищевой и угольный склады и склад лекарств.

В первом этаже находятся церковь, амбулатория в 4 крохотных комнатках, отдел социальной помощи, детский сад, книжный магазин и канцелярия Дома. В этом же этаже живут еще 5 служащих.

Во втором этаже преобладает гимназия. Из 9 комнат этого этажа на долю гимназии приходится 7 - учительская и 6 классов. Из-за недостатка места учение проводится в 2 смены.

В третьем этаже три комнаты занимает издательство вместе со складом книг и экспедицией (издательство посылает много книг иногородним), одна комната отведена под общежитие сестер, а в оставшихся 7 комнатах живут служащие дома и их семьи - всего 29 человек.

Четвертый этаж сгорел и ни для жилья, ни для каких-либо других целей не годится. Но жилищный кризис настолько велик, что наиболее сохранившуюся часть его пришлось осенью домашними средствами приспособить для жилья. Иначе 7 человек принуждены были бы остаться на зиму в палатке во дворе.

Мы очень надеемся на то, что в этом году нам удастся в конце концов поставить постоянную крышу, отстроить четвертый этаж и таким образом увеличить жилищную площадь нашего дома. В настоящее время мы буквально задыхаемся в тесноте. В доме нет ни одного уголка, который бы не был каким-нибудь способом использован. Использованы даже коридоры, площадки лестниц и уборные. Трудность заключается не только в финансировании предприятия, т. е. отстройки 4-го этажа, но главным образом происходит из-за острого недостатка строительных материалов.

Церковь преподобного Серафима Саровского чудотворца в Доме "Милосердного Самарянина"

Таким образом мы живем и работаем. Но если нам удалось в таких неблагоприятных и "тесных" условиях добиться результатов, которым мы и сами удивляемся, то мы относим это только к помощи и небесному заступничеству нашего небесного покровителя преп. Серафима Саровского.

Если однажды Господь и отнимет у нас эту радость общей жизни и труда за то, что нерадивыми были мы Его рабами и не сделали всего, что могли сделать в данных нам условиях, то и тогда очень многие из нас будут благодарить Его за то, что дал Он нам познать сладость общего дела, и, где бы мы ни отказались, никогда не забудем того, чем согревалось сердце в стенах нашего дома"[4].

С тех пор прошло 50 лет... Кто тогда мог подумать, что мы, бывшие гимназисты, действительно "не забудем" и на пороге XXI века встретимся в Нью-Йорке![5]

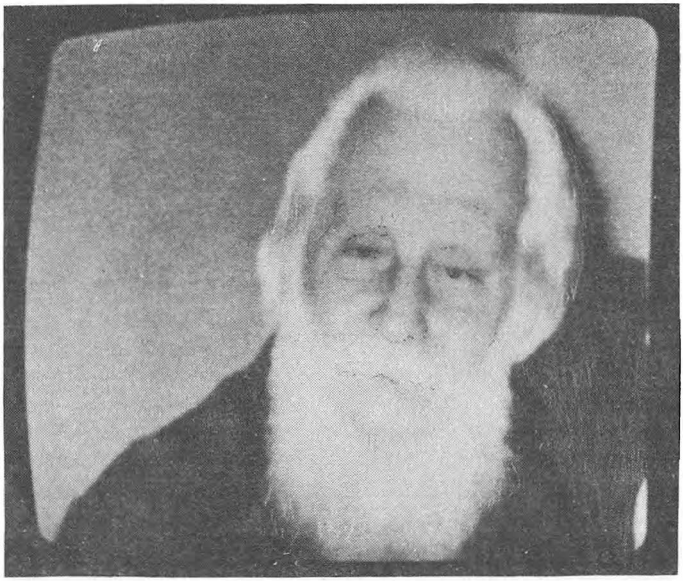
Началось все с радости, нет - с восторга встреч, узнавания (и неузнавания!) друг друга, личного общения, общих воспоминаний и восстановления временем расторгнутых дружеских отношений. С первого вечера все собравшиеся неустанно высказывали глубокую благодарность тем[6], кто не только вовремя подумал о том, что такую встречу надо устроить, но и прекрасно справился с задуманным начинанием. Все было превосходно организовано и предусмотрено: была молитва, было серьезное дело, были веселые воспоминания и даже танцы под музыку времен наших гимназических лет.

---

[4]Краткий отчет о возникновении и деятельности Дома "Милосердный Самарянин". Мюнхен, 1947.

[5]В газетах "Новое русское слово" (27 сент. 1995 г.) и "Русская мысль" (5-11 окт. 1995 г.) напечатан подробный репортаж Людмилы Оболенской-Флам.

[6]В инициативную группу вошли: Г. Месснер (блестяще руководивший проведением встречи), В. Коваленко (Иванова), В. Недо (Стрелкова), А. Лупенко (Коровко), Л. Мироненко (Помазанова), Е. Ильяхинская (Тевяшова), Г. Александрович, которым помогали И. Попова (Щербакова), В. Тремль и М. Холодная (Киселева).



Отец Александр обращается к бывшим гимназистам по видео из Москвы

Первый полный день начался молебном. Молитвенно вспомнили мы всех нас учивших, всех о нас заботившихся и своих бывших соучеников. Дважды к нам обращался отец Александр в сделанных Г. Мессне-ром и Г. Александровичем в Москве записях на видео. Батюшка сказал:

"Дорогие, милые моему сердцу "гимназисты"!

Пятьдесят лет тому назад все мы были людьми неопределенного будущего - Displaced Persons, т. е. люди, лишенные войной определенного местожительства.

И вот тут гимназия наша во главе с достойнейшим ее директором Павлом Дмитриевичем Ильинским и другими доблестными сотрудниками сыграла драгоценную роль, выраc-

тив пару сот девушек и молодых людей православного и русского самосознания.

Сегодня, 50 лет спустя, вы встречаетесь в качестве людей, между которыми градация - дети или молодежь - стерлась. Все вы - творческая русская интеллигенция. Вы принадлежите к числу людей, в руках которых - дальнейшие судьбы нашей страны.

Судьбы отечества, смею думать, решаются не торжественными юбилеями и бравурными парадами, а действенным служением России и верой в духовную сущность России, верой в Святое Православие, наконец, верой в самого себя не как единицу человеческого стада, а как личность, - личность, не только достойную именоваться русским, но и поступающую согласно этому высокому имени.

Примером, достойным подражания в этом, может послужить человек глубоко верующий и безотказно любящий свое отечество, образец величия русского духа - генералиссимус Суворов. Не с солдатами, а с русскими "чудо-богатырями" духа переходил он уходящие в небеса вершины Альп, спускался в глубины ущелья "Чертова моста" и спас армию, выведя ее непроходимой тропой. Постараемся глубоко прочувствовать его слова: "Я русский, и лучшего не чаю! "

...Итак, поздравляю вас, мои дорогие "гимназисты" с 50-летием нашей дорогой гимназии, о которой один из первых уехавших из Мюнхена в Америку писал:

"Долго будем вспоминать
Мауеркирхер штрассе 5".

Мне часто вспоминаются многие из ваших лиц и общие жертвенные старания ваши, так же как и "подвиги" отдельных из Вас...

Мне так дорого все связанное с нашим Домом "Милосердный Самарянин" в Мюнхене. Если благословит Господь, мы с вами еще такой же дом, но уже в первопрестольной Москве устроим!

Тем, кто еще не был в России, очень советую побывать - прочувствовать, ощутить невидимое и не отвернуться от многого видимого.

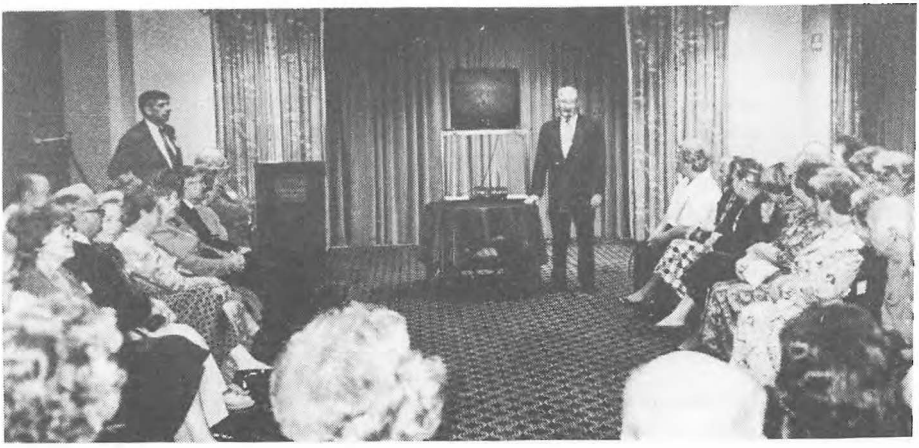
Обнимаю и целую всех, всех, всех дорогих и милых моих.

Да благословит всех вас Господь.

Поздравляет вас старый Батюшка и его больная Матушка".

Не в первый раз мы, собравшиеся, слышали призыв не забывать, а действенно любить святое Православие и свое отечество. Как радостно было бы всем в этом духе нас воспитывавшим слышать то, что говорили их бывшие питомцы - и кратко рассказывая о своей жизни и деятельности, и в более продолжительных докладах, из которых, перечислив их все, мы приведем полный текст только тех, которые непосредственно относятся к празднуемому юбилею.

Георгий Месснер - "Открытие и введение"



Георгий Месснер прекрасно организовал и провел юбилейную встречу

Ольга Раевская-Хьюз - "Что мне дал Дом 'Милосердного Самарянина":

Мое сообщение будет моей памятью о Мюнхене. Так как мы справляем 50-летний юбилей, то, думаю, что личные воспоминания вполне уместны.

Моя семья попала в Мюнхен в сентябре 1945 г. - мы бы-

ли вынуждены поспешно уехать из г. Ульма, где мы оказались после конца войны; уехали мы от стремительно нараставшей близости с репатриационной комиссией. Времени на сборы у нас не было, и уехали мы, как говорится, "в чем стояли". Это был канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, и мы отправились в церковь на Salvator Platz и попали к окончанию всенощной. Там мы встретили старых знакомых, которые пригласили нас к себе ночевать. Но они втроем ютились в маленькой комнатке и долго там оставаться было невозможно. Кто-то упомянул имя о. Александра Киселева, и что он получил в свое распоряжение дом, и что следует обратиться к нему. И мы отправились на Mauerkicherstrasse.

Здесь начинается целая цепь чего-то нового - первого опыта в моей жизни. Я никогда не видела такого молодого священника, тем более в таком "гражданском" виде и при таком нецерковном занятии. Когда мы нашли о. Александра, он - в самом затрапезном виде - сидел на корточках у стены дома в проезде во двор и починял протекавшую трубу. Они быстро сговорились с моим отцом и, видно, почувствовали взаимное доверие. С этого момента началась наша жизнь в Доме Милосердного Самарянина и совместная работа моего отца, доктора Петра Николаевича Раевского с о. Александром. Главным делом моего отца стало заведование медицинской частью, и в первую очередь организация амбулатории при Доме.

Мои воспоминания об этих годах, вероятно, будут отличаться от ваших - что-то меня не коснулось, чего-то я не заметила. Дом Милосердного Самарянина был для меня гораздо больше, чем только гимназия. Гимназия была частью - большой, важной и драгоценной, - но только частью того, чем был Дом, так как после первой встречи с о. Александром мы никуда не ушли, а остались в Доме и жили там до отъезда в Америку.

Это было необычное время: неуверенности в будущем, еще очень реальных страхов насильственной репатриации, материальной неустроенности и в то же время замечательной жизни, - жизни без ночных налетов и бомбардировок, жизни, в сравнении с недавним прошлым казавшейся более устойчивой. Вероятно, была в этом и чисто инстинктивная, животная

радость выживших. Отчасти благодаря этим совершенно необыкновенным обстоятельствам был необыкновенным и Дом.

Замечательным было то, что все начиналось здесь с самого начала. Вначале, если не ошибаюсь, на Доме даже не было крыши. Во всяком случае, протекал он до первого этажа. Никогда не забуду наш первый ужин в Доме - кислые щи, сваренные в металлической бельевой лохани, а варила их наша знакомая по Праге, Лидия Алексеевна Иордан, дружба с которой не прерывалась до конца ее дней. Тем, кто искал покоя, вероятно, было трудно, но тем, кто хотел и умел создавать, было раздолье. Запомнилось приветственное сообщение одной из самых юных насельниц Дома, жившей там уже до нас. "Живем как в раю, - сказала она, - едим американские пончики". Это детское сообщение хорошо суммирует необыкновенность времени и обстоятельств.

В Доме с самого начала была церковь. Имя преподобного Серафима, которому она была посвящена, не выбиралось, а было предрешено тем, что в мусоре от разрушенных и обрушившихся верхних этажей была найдена небольшая иконка преподобного Серафима. Церковь была в нижнем этаже, оборудовали ее - приспосабливали для богослужений, как и все в Доме, - своими руками. Для моих родителей это был еще один вариант - в новых условиях - устроения храма: они встретились в 20-е годы на церковной работе, в России, когда вновь открывались храмы, возвращавшиеся из так называемой "живой церкви" под омофор Святейшего Патриарха Тихона. В церкви Дома мама пела в церковном хоре и шила церковные облачения.

Началась работа в амбулатории; здесь тоже все росло и менялось, рос и штат персонала, росло число пациентов. Подбирались хорошие сотрудники. Упомяну Лидию Николаевну Месснер, должность которой называлась на мой нынешний слух архаичным словом "регистраторша". Ее выдержка и такт не давали множеству мелких недоразумений разрастаться до серьезных масштабов.

Кроме чисто медицинской работы амбулатории, значительным начинанием при Доме были курсы сестер милосердия. Подчеркиваю это название, так как курсы были задуманы не только и не просто как курсы медицинских сестер. Здесь, пожалуй, главной вдохновительницей была матушка

Отец Александр, матушка Каллиста - главная вдохновительница курсов сестер-самарянок. Старшие сестры - Екатерина Аполлоновна Банг и Фекла Богдановна Лопухина - и сестры

Каллиста Ивановна Киселева. Ее роль в создании и работе этих курсов была основной - у нее был талант незаурядного педагога, но главная ее сила была в чутком отношении к людям и в щедрости личных контактов. Не ошибусь, если скажу, что идея милосердия, заложенная в самом названии Дома, т. е. помощи не по долгу, не по службе, а по доброму влечению сердца, была не просто выставлена как красивое название, а воспитывалась и развивалась в студентках, которые скоро стали известны как сестры-самарянки. Этим, однако, не исчерпывалась работа в Милосердном Самарянине. Упомяну издательский отдел; детский сад; воскресные школы в лагерях беженцев на окраинах города и социальный отдел, помогавший нуждающимся, особенно тем, кто боялся регистрироваться как Ди-Пи (помню, как Екатерина Аполлоновна Банг, одна из руководительниц этого отдела, каждый вечер устраивала на ночлег многочисленных бездомных соотечественников, неизменно появлявшихся в Доме после окончания

рабочего дня, и наши классы превращались в своего рода ночлежный дом).

Занятия в гимназии начались той же осенью. Вначале было мало учителей и очень мало учеников, но их число росло буквально не по дням, а по часам. Директором гимназии стал энергичнейший Павел Дмитриевич Ильинский, прекрасно справлявшийся с непрестанными переменами в составе преподавателей и учеников. В моей жизни Богенхаузеновская гимназия - четыре учебных года - это был самый продолжительный период в одной школе и самый плодотворный. Здесь у меня наконец появились подруги и друзья, здесь я впервые почувствовала себя частью какой-то общности, которая стала мне своей. Упомяну здесь же летние лагеря. Опять что-то в моей жизни в первый раз. И опять ценный опыт общения.

Навсегда осталась благодарность учителям. Запомнились больше всего не "предметы" и не "уроки", хотя нет сомнения, что в то время это было главным, а то, что как-будто не имело прямого отношения к занятиям. Думаю, что это говорит о качестве наших преподавателей - они были педагогами в широком смысле слова, не ограниченными рамками своих предметов. Наши учителя были представителями тех русских педагогов, которые заботились не об узком образовании, а о всестороннем воспитании человека.

С благодарностью вспоминаю: учителя географии Юрия Александровича Таскина за то, что он отучил меня от вводных слов-затычек в устной речи, безжалостно передразнивая меня перед классом; учителя физики Якова Васильевича Буданова за то, что он научил меня отвечать на вопросы точно и кратко; Наталию Александровну Ильинскую, трудившуюся над моим английским произношением еще до начала гимназии; Вадима Александровича Беляева, нашего латиниста, первого учителя, назвавшего меня "на вы" и тем заставившего впервые подумать о себе как о взрослом человеке; Лидию Владимировну Тремль, как-то не на обычном уроке, а заменяя заболевшего педагога, так прочитавшую рассказ Толстого, что это запомнилось на всю жизнь...

Память о таких "мелочах", из которых складывается человек, можно было бы продолжить. Но я упомяну еще только одно имя - Александра Васильевича Пирожкова, препода-

вавшего математику в старших классах. Я никогда не чувствовала себя сильной в математике, поэтому доброта и внимание Александра Васильевича ко мне, перешагнувшие за пределы окончания гимназии и отъезда в Америку, были мне особенно ценны. У меня сохранилось несколько писем от Александра Васильевича. Поступая в университет в 50 г., я поделилась с ним своими колебаниями в выборе специализации. Его энергичное выступление в поддержку, как он выразился, "велений собственной души" сыграло свою роль в дальнейших переменах и поворотах моей профессиональной судьбы. Добрые слова Александра Васильевича, которого я бесконечно уважала и перед кем, зная свои скромные способности к математике, внутренне робела, имели для меня огромнейший вес.

Но Дом Милосердного Самарянина не был случайностью. Отец Александр и Матушка Киселевы создавали этот Дом, этот "Ноев ковчег" как воплощение своей идеи-мечты. В бюллетене Дома, под названием "Путь жизни", один номер

Осмысление девиза "За веру, за родину!" - национальные флаги перед походным храмом в летнем лагере

которого недавно попал мне в руки, отчетам руководителей о работе летних лагерей лета 47 г. предпослана заметка о. Александра. В ней осмысляется девиз лагеря: "За веру, за родину!". Говоря о воспитании молодежи, о. Александр пишет: "Мы хотим, чтобы наша молодежь восприняла веру не традиционно-формально, но увидела бы, что без Бога нет жизни. <...> За призывом к вере следует призыв к родине - к земле, на которой сразу же должно осуществляться делом то, что понято сердцем". Молитвенные взлеты - а при встрече с ближними только раздражение и осуждение - это, по словам о. Александра, "пустое благочестие". Цель работы с молодежью о. Александр определяет как борьбу с этим раздвоением: иногда пойти в церковь - отдать необходимую дань "общепринятой" религиозной жизни, а каждый день - будни - жить как все, т. е. совершенно безотносительно к каким-либо религиозным принципам. "Мы хотим утверждать противоположное - нераздельность жизни, устроение будней на основе христианских воззрений", - заключает свою заметку о. Александр. Думаю, что для него этот евангельский принцип был основой всей его деятельности. (Помню один его урок Закона Божия у нас в гимназии. Это было в самом начале, когда еще не было постоянного законоучителя, о. Аверкия. Может быть, это был его единственный урок. Думаю, что у о. Александра не было склонности к систематическому преподаванию - к классным занятиям. Но у него был и есть другой талант - вдохновлять и зажигать своим словом. И этот один урок я запомнила на всю жизнь. Говорил он на тему послания ап. Иакова - вера без дел мертва, - но говорил так, что нельзя было не почувствовать, что значили для него эти слова. Это было не ораторское красноречие, а свидетельство жизни - и в этом была его сила.)

В период между двух войн, т. е. в 20-е и 30-е годы, в эмиграции выросло Русское Студенческое Христианское Движение. Продолжалось оно и после второй мировой войны, но расцветом его были именно 20-30-е годы. Формально оно началось в Чехословакии, укрепилось во Франции и нашло себе необыкновенно плодотворную почву в - в то время свободной - Прибалтике. Может быть, Прибалтика оказалась особенно восприимчивой к Движению, потому что там была близка Россия; потому что там оставалось коренное русское

население; потому что там оказались старые русские монастыри: на территории Эстонии - Псково-Печерский и Пюхтицкий, а в Финляндии - Валаамский. Деятельность Движения заключалась в работе с молодежью - в работе студенческих кружков, молодежных лагерей и съездов.

Основной целью Движения было - и остается - воспитание верующей молодежи для служения Православной Церкви и для защиты веры и Церкви против атеизма и материализма. В годы воинствующего безбожия в СССР эта цель была весьма актуальна, остается она актуальной, увы, и по сей день. Движение всегда утверждало свою неразрывную связь с Россией, считало, что, как русские и православные, мы несем определенную ответственность за судьбы русского народа и Православной Церкви, где бы мы ни жили. Утверждая неотделимость русской культуры от Православия, Движение считало долгом своих членов хранение и продолжение этой культуры, а также свидетельство о России перед миром.

Те из руководителей Движения, кто остался в Прибалтике во время советской оккупации, были арестованы и расстреляны. Теперь благодаря открывшимся архивам КГБ стало известно, что единственное обвинение, от которого они не отказывались на следствии и которое послужило достаточным основанием для вынесения им смертного приговора, было обвинение в религиозном воспитании молодежи.

Я с Движением встретилась в стенах Дома Милосердного Самарянина, была на молодежном съезде летом 48 г., слышала знаменитых парижских профессоров Л. А. Зандера и о. Василия Зеньковского. Это было еще одно начало для меня, ценнейший дар, который я получила в Доме: цели Движения - стремление к преодолению разрыва между верой и жизнью и служение русской культуре - стали и остались основой моей дальнейшей жизни. В Доме и в работе Движения я встретила прибалтийских движенцев - ставших друзьями нашей семьи на всю жизнь - о. Георгия Бенигсена и о. Димитрия и Мариту Гизетти. (Для нас обстоятельства сложились очень благоприятно - в Америке и Бенигсены и Гизетти довольно скоро перекочевали на Западное побережье.)

Там же, в Доме, я слышала первый и единственный раз профессора Федора Августовича Степуна. В его книге воспоминаний, а также в статьях об эмигрантской литературе неод-

нократно встречается мысль о коренном различии между понятиями памяти и воспоминания. Если воспоминание - всегда о прошлом, которого не вернуть, и неизбежно клонится к сентиментальности, то память - о том прошлом, которое живет в настоящем, которое не глядит назад, а смотрит вперед. Эта мысль проф. Степуна была творческим откликом на эмигрантскую реальность: утверждение возможности творческой деятельности в отрыве от России. Думаю, что она применима к человеческой жизни при любых обстоятельствах, только в эмиграции разница между ними острее и резче. Для меня память о Мюнхене - о Доме Милосердного Самарянина - всегда была живой памятью, проросшей в мою калифорнийскую жизнь. В последние годы живой памятью о Доме Милосердного Самарянина стали знакомство и встреча с работой Сестричества Благоверного Царевича Димитрия при Первой градской больнице в Москве. В свете этой встречи работа в Мюнхене видится как идея, проба того, что - среди прочего - нужно для России: многообразная работа милосердия, выявляющая настоящее человеческое, т. е. образ Божий в человеке.

Обстоятельства сложились так, что по чисто личным причинам (в Мюнхен переехали наши близкие родственники) я много раз туда возвращалась. Мюнхен оказался единственным городом в моей жизни, куда я могла "возвращаться", как возвращаются в свой родной город. Это был заново отстроенный великолепный город. Но за блеском баварской столицы мне всегда виделся тот бедный, полуразрушенный Мюнхен нашего детства-отрочества-или-юности. К нему возвращал зеленоводный Изар и взлетевший на колонну Friedensengel, цветущие липы и Английский сад. Сам город возвращал памятью к тем годам, о которых вспоминаем сегодня. Всем вам, кто был частью нашей гимназии и того дела, что называлось ДОМОМ МИЛОСЕРДНОГО САМАРЯНИНА, этого неповторимого "котла", в котором - в большей или меньшей степени - варились мы все, - моя благодарность, благодарность, все возрастающая по мере того, как растет число лет, отделяющее меня от моей юности, от гимназии и от Дома Милосердного Самарянина.

Милица Холодная - "Сестры Милосердия":

"Когда весной этого года мы с Мариной и Чичем ужинали у отца Александра в Донском монастыре в Москве, Чич сказал замечательные слова. Он сказал: "Спасибо Вам, отец Александр, за то, что вбивали Вы нам в головы любовь к России". Вбивал это сознание в наши головы не один о. Александр. Любить Россию, верить в нее учили нас в семье, в церкви, в гимназии. Учили нас этому те, кто сам любил Россию и верил в нее.

Готовя отчетный материал о нашем юбилее для журнала "Русское Возрождение" я нашла на страницах "Вестника РСХД" описание того, как провожали уезжающих в Америку о. Александра и Матушку. В прощальный вечер, помимо воспоминаний вместе прожитого, высказываний благодарности и пожеланий доброго пути, как пишет "Вестник"[7], "...говорилось о будущей работе в Америке, а потом, даст Господь, и на родине...". Даже в страшные послевоенные годы, даже в печальный момент разлуки не покидала нас память о родине, вера в ее освобождение, в ее возрождение.

Мне было поручено сегодня сказать несколько слов лишь об одном из бесконечного числа конкретных примеров того, что "не тщетна была вера наша" - об Общине Сестер Милосердия имени святого благоверного царевича Димитрия".

(Далее докладчицей было коротко рассказано то, о чем пространно повествуется в номере 60-61 журнала "Русское Возрождение", куда и отсылаем нашего читателя.

Докладчицей был также роздан всем присутствующим листок, наглядно говорящий об идейной близости двух общин сестер милосердия и напоминающий о том, что "долг платежом красен".)

Георгий Вербицкий - "О работе в Боровичах"

Евгения Уртьева - "О скаутах в России"

Виктор Челищев - "Два года в России"

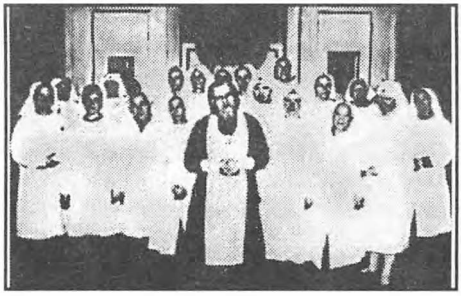
Екатерина Ильяхинская - "О работе организации "Дар жизни"

[7] "Вестник РСХД", V-VI, 1949, стр. 29.

Дело служения Богу и ближнему -
насаждение веры, надежды и любви -
наше общее дело!

Батюшка о. Александр Киселев с сестрами милосердия, Мюнхен

ТОГДА ПОМОГАЛИ ***НАМ...***



Батюшка о. Аркадий Шатов с сестрами милосердия, Москва

ТЕПЕРЬ МОЖЕМ ПОМОЧЬ ***МЫ...***

Прилагаю чек на сумму: $25__ $50__ $100__ $500__ $___
Чеки (Tax deductible) можно выписывать на:
ST. SERAPHIM FOUNDATION, INC.

Владимир Тремль - "Насколько Запад ускорил развал СССР"

Петр Колтышин - "О Комиссии, расследовавшей останки Царской Семьи"

Георгий Месснер - "О влиянии информатики на общество"

Олег Ильинский - "Обращение к бывшим гимназистам" и стихи:

"Друзья!

Осенью 1945 года в Мюнхене, так сказать буквально на камнях разбитой Европы, словно из ничего явилась православная Гимназия "Милосердный Самарянин". Она стала приютом, центром, больше того - идеей, объединившей в целеустремленной деятельности около 250 русских детей и около 30 педагогов. Сам этот факт был одновременно и насущной необходимостью, и реальностью. В тех исключительно трудных условиях русским детям была дана возможность учиться в русской среде и осознавать смысл своей русскости в контексте Православия. В то время возникновение Гимназии имело глубоко символический смысл. Объединение вокруг духовного центра помогло людям выжить. Гимназия объединяла в одном устремлении не только детей и молодежь, но и взрослых, соединяя всех как бы в одну семью. Дом "Милосердный Самарянин", созданный о. Александром Киселевым (мы помним, что в этом доме была найдена иконка преподобного Серафима Саровского - не чудо ли это?) давал нам и хлеб и кров. Но "не единых хлебом будет жив человек".

Сколько было тогда в Мюнхене русских людей - трудно сейчас учесть - очень много. И вот явился Дом "Милосердный Самарянин", само название которого воспринималось тогда и теперь звучит как символ активной помощи людям в беде и символ нашей религиозной правды. В доме наряду с нашей Гимназией существовали, как помните, церковь, школа сестер-самарянок, детский сад... Присутствие этого идейно-религиозного центра в Мюнхене почувствовали многие-многие русские люди, как связанные, так и вовсе не связанные с Гимназией. Почувствовалась твердая "русская" рука, не только готовая оказать всяческую помощь и поддержку. А

как нужны были русским людям тогда и поддержка и помощь! Ведь наше положение тогда в Мюнхене было очень и очень неопределенным: туг и сношения с немецкими властями, и с американскими, и защита от репатриации, не говоря уже о чувстве единения, о чувстве локтя. Объединение - через Церковь - было для многих важнее, чем всяческая внешняя помощь.

Вдохновляющая и организующая роль о. Александра была здесь решающей, и его облик тех дней у всех у нас в памяти. Именно на этом фоне и в этом контексте возникло то, что всех нас сегодня объединяет, - наша школьная жизнь, наши гимназические будни. Для многих из нас они имели определяющее значение. Мы получали знания. Мы получали перспективу высшего образования в будущем. Мы были защищены стенами Гимназии от внешнего мира, и мы получали возможность устроения в себе мира внутреннего - идейного самоопределения и осознания себя на том рубеже, где мы были поставлены: на пересечении России, жившей в нас, и Западного мира, в котором мы жили. Это положение заставляло нас постоянно вслушиваться в себя, как бы невольно создавать в себе тот синтез, который был вообще центральным в русской культуре. Чужое, преломляясь в нашей русской традиции и религиозной идее, переставало быть чужим и становилось органической частью нашего внутреннего опыта. Идея, которую раскрыла для нас русская школа, была просторна, свежа и дружественна по отношению к нашим иностранным друзьям. Православие открывалось нам во всей ширине и цельности своего идейно-религиозного содержания.

Как вы все помните, душой Гимназии был ее директор Павел Дмитриевич Ильинский, мой отец. Он отдавал себя Гимназии целиком. Подобранные им педагоги и сделали Гимназию тем, чем она для нас стала. А чем же? Да родным домом, вне которого мы себя не мыслили. Мы все помним Лидию Владимировну Тремль. Сколько умения, труда, таланта, педагогического опыта внесла она в дело нашего воспитания в качестве инспектора. Многих из наших учителей нет в живых, но никто из них не забыт. Подай, Господи, душам их вечный покой. Многие живы. Здесь нельзя всех их упомянуть, но все мы помним, чем мы им обязаны. Знания знаниями - это разумеется само собой. Я хочу сказать о том, сколь-

ко душевного тепла, чуткости, преданности делу вносили они в работу с нами! Нельзя выделить никого в особенности, но благодарность наша всем им огромна. Наше воспитание не ограничивалось школьными занятиями. Сколько было внешкольных кружков, лекций, экскурсий, артистических выступлений, школьных спектаклей!

Несли мы, гимназисты, и обязанности внешние: по всему городу покупали хлеб и отправляли в лагеря русских военнопленных - борцов Русской Освободительной Армии. Многие из них поплатились жизнью за свое героическое стояние и верность долгу перед лицом России и истории. А они в благодарность присылали в Гимназию елочные игрушки и разные поделки, которые мастерили сами. Их отклик был нам бесконечно дорог.

Гимназия была сплоченным организмом, жила единой жизнью. Она была для нас не только Россией, но и символом России. Эта сплоченность и объединила нас сегодня - через 50 лет! Полстолетия! Каждый из нас прожил долгую жизнь. И если начало этой жизни стало для нас особенно памятным, так ведь этому причиной наша школа. И за это мы сейчас имеем возможность выразить нашу глубокую благодарность отцу Александру, живущему сейчас в России, а в его лице - всем живым и умершим нашим воспитателям. Это - слова благодарности

"...Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым...".

Вы действительно хранили и сохранили в нас идею России. Спасибо!"

Благословение Божие в образе преподобного Серафима Саровского данное, смеем думать, на наше делание в Мюнхене, во время разъезда большинства из нас по разным странам прибыло в Америку с семьей отца Димитрия Гизетти. В Нью-Йорке был открыт храм имени Преподобного и при нем - Свято-Серафимовский Фонд, где на новой почве, в новых условиях продолжает делаться то же дело.

СПАСИБО от всех нас!

Почти три года тому назад, когда отец Александр и Матушка вторично поехали в Россию, Батюшка - на своей груди, в чехле, - доставил туда наш путеводительный образ. Стоит икона преподобного Серафима в Донском монастыре, в зимнем соборе, рядом с гробницей святого Патриарха Тихона.

Зайдите, помолитесь.

О. П. Ильинский

СТИХИ

Олег Павлович Ильинский родился в Москве в 1932 году. Во время войны, еще ребенком, попал на Запад, в Германию. Учился в Мюнхене в русской гимназии в Доме "Милосердный Самарянин", а потом в Мюнхенском университете. С 1956 года живет в США. Его докторская диссертация (1970) посвящена проблемам русского романтизма.

Самоопределение Олега Ильинского, твердо укорененное в русской культуре, взращено и вскормлено культурой всеевропейской, что дает ему свободу, право и возможность черпать из этого единого и безграничного источника.

Олег Ильинский - страстный путешественник как физически по земле; так мысленно и идейно во времени и пространстве. Его, как поэта, как тонкого знатока и ценителя искусства, вдохновляют красота природы, прекрасные творения рук человеческих, геройство человеческого духа. Они и явлены в его поэзии.

Суворов

История - зрачков орлиных
Удар. Столетний ломкий хрящ.
Седую прядь волос откинув,
Суворов кутается в плащ.
В резьбе морозного кристалла
Горнист сигналы подавал.
История пришла и встала,
Заняв альпийский перевал.
Пока рубили лед штыками
И бревна висли на шарфах,
История вмерзала в камень
И перемалывала шлак.
История, клубок империй,
Подруга памяти, эмир
Тех областей, куда, поверив,
Войдешь, как входят на турнир.
Взглянув с альпийского отвеса,
Увидишь все, увидишь всех,
История - железный Кесарь,
Как светел тяжкий твой доспех.
Здесь каждый шаг очеловечен
И в каждой выщерблине - знак:
Вот Альпы стергивают плечи,
Суворов встал на стременах.

Вечерний свет

Остоженка - как чутко осторожен
Вечерний свет - он, словно шелест уст,
Но мы сейчас его не потревожим -
Пусть будет раем и жилищем муз.
На сером камне позднее свеченье,
Какой-то нескудеющей Москвы -
Он будет в сумерках нащупывать значенья
Среди архитектуры и листвы.
Пенатам на алтарь и Мнемозины ради
В уюте комнат чудо сотворя,
Он нам раскроет школьные тетради,
Легенды и страницы букваря.
А если мы из шороха и ветки
Пространство, ритм и детство сотворим,
Он стройную покажет статуэтку,
Что нам когда-то создал пластилин.
И в комнатах, чуть золотом согретых,
Блаженно и, чем дальше, тем верней
Услышим осторожный скрип паркета
И синее движение теней.
А музыка живых припоминаний
Вернет нам, ничего не утая,
Поспешное, как шепот старой няни,
Движенье векового бытия.
Остоженка посмотрит светлым оком,
Улыбка в ней проглянет, а потом
Запрячется, как гусеница в кокон,
Чтобы вернуться краской и холстом.
Слова найдет и мелочи припомнит -
Как тополь пахнет, как звучат торцы,
И в вечном свете допотопных комнат
Соединит начало и концы.

1991

Архиепископ Казанский и Чистопольский Сергий (Владыка Сергий Пражский)

О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ

(Вместо предисловия)

<...> А "Русская Прага", то есть Прага сосредоточенной русской эмигрантской работы на фоне невероятной архитектурной красоты, с ее потрясающе величественными Храдчанами, дворцовым холмом над рекой и всей "Малой Строной" дворцов богемской знати эпохи Возрождения или Барокко, церквами и монастырями, с великолепными садами, общественными и частными, при дворцах магнатов! <...> Мой старый дядя (кузен моего отца), который почти всю эмиграцию прожил в Праге и был одним из вдохновителей и руководителей национальной - культурной и общественной работы русской эмиграции в Праге, дергал меня за рукав, когда мы проходили по этим старым улицам или улочкам мимо этих дворцов или остатков этих дворцов (где-нибудь внутри какого-нибудь фабричного двора) со словами: "Смотри, какой дворец, какая изумительная литая чугунная решетка!" <...> И на фоне этой величественной красоты и этой насыщенности историей и старой культурой <...> - на фоне этих скрещивающихся влияний (итальянского Ренессанса, германского Средневековья) создался уютный, скромный по внешности, но чрезвычайно плодотворный и оплодотворенный оазис русской культуры в эмиграции, русской научной, воспитательной профессорской деятельности и прилежной студенческой работы, русской церковно-общественной жизни.

Центрами этой работы были: русские приходы, возглавляемый святым старцем - епископом Сергием Пражским - Русский Профессорский Дом, Кондаковский Семинар по изучению древнецерковного искусства Православного Востока и ряд отдельных личностей, действующих уже не

только как ученые-исследователи и как преподаватели молодежи, но и как духовные воспитатели подрастающих поколений, отдавшие себя на служение русской культуре в эмиграции и идее Свободной России. Из деятелей Русского Профессорского Дома назову наугад - и в первую очередь - Павла Ивановича Новгородцева, одухотворенного борца за права духа и неутомимого борца против марксизма, и историков: двух братьев Вернадских, Максимовича, Пушкарева, историка русского языка академика Кульмана, автора замечательной книги о Гончарове проф. Ляцкого, философа проф. Лапшина, специалиста по Достоевскому проф. Бема, проф. Ломшакова, знаменитого исследователя древнерусского и византийского церковного искусства проф. Кондакова и потом молодого доцента из его семинара (теперь известного профессора Кембриджского Университета) Н. Андреева, молодого историка (исследователя русской монархической идеологии XVI и XVII вв.) доцента Мстислава Шахматова и т. д. Я назвал лишь некоторые имена - или особенно известные, или тех, с которыми я встречался в Праге. А в центре всей этой жизни стоял человек, имевший силу ***духовно*** *пригреть, укрепить, наставить и направить на духовное служение Богу, людям и будущей России, человек, оставивший незабвенный след в знавших его людях - уже названный выше епископ Сергий Пражский. Какая покоряющая, активная, смиренная, веселая доброта! В голодное время он поднимался рано-рано и шел с мешком на рынок, покупал полный мешок овощей и фруктов, варил свеклу и картошку у себя дома, а потом в том же мешке на спине разносил вареную картошку, томаты, яблоки, груши по больницам - своим всеми заброшенным клиентам, молодым и старым, и подкармливал их. Навещал он и одиноких больных стариков на их квартирах.*

По вторникам он устраивал чайный прием у себя в своей комнате (она уже и спальня, и приемная). Тут стояли под прямым углом два довольно длинных стола, за которыми усаживалось человек 20-25. Около двухсот человек перебывает за день. Тут были и пироги, и многочисленные сорта варенья. Ему это привозили или присылали из деревни, и он все

"скармливал", особенно угощал он голодающих - стариков, учащуюся молодежь. Как он молился в церкви! - и сам был такой некрасивый, и слуха никакого, а молился так, что люди плакали и находили утешение. У него была даже своя излюбленная идея - впрочем, глубоко евангельская - о благодати общения.

Другими носителями этой благодати общения были: очень близкий друг епископа Сергия князь Петр Дмитриевич Долгоруков, тоже человек безграничной доброты и активного милосердия, так же, как и его жена, княгиня Антонина Михайловна. От них веяло теплотой и светом. "Наши святые князья", как называли их в Праге. И они усиленно подкармливали приходившую к ним к чайному столу учащуюся молодежь - пирогами, которые им посылала из деревни та прежняя молодежь, которую они прежде подкармливали за таким же чайным столом.

Таким же центром притяжения для русских людей была и Ольга Михайловна Врангель. Она хлопотала за находившихся в особенно тяжелом материальном положении (у нее были некоторые связи и огромная энергия), мирила или старалась примирить разные церковные направления или юрисдикции. Она сияла тихим светом доброты, простоты и скромности (при очень большом уме и сердечном такте - "уме сердца" и подлинном чувстве юмора).

И многих из тех, кого я встречал, можно бы было назвать. Я назвал тех немногих, воздействие которых было более широким. <...>

Вот эти семена истинного христианства сеялись в Праге - и епископом Сергием с его замечательными сотрудниками о. Васнецовым (сыном художника), и архим. Исаакием, и П. И. Новгородцевым, и проф. Кондаковым, и многими другими - в сердца русского молодого поколения, собиравшегося здесь из разных стран. Великое дело сделала Русская Прага. Не могут эти семена пропасть бесплодно.

Проф. Н. С. Арсеньев,
"Дары и встречи жизненного пути"

Христианская жизнь есть хождение во свете. За серостью нашей жизни мы не видим и не сознаем себя в полноте нашей миссии на земле, в полноте данных нам от Бога дарований, не сознаем даже самих себя. Дарования нашей души остаются у нас неиспользованными. Мы кажемся себе никчемными и других считаем такими же, меряя их по себе, и говорим: "Мы - маленькие люди, обыкновенные. Где уж нам что-либо сделать! Только бы кусок хлеба заработать". Это умаление себя часто ослабляет нашу волю к действию, между тем, как мы ни малы и слабы, каждый из нас имеет свою миссию. Каждый человек в мире имеет свое назначение, **является посланником Божиим на земле**. Для Господа нужна каждая душа, и каждый ответствен за свою жизнь и не избавлен от ответственности за других. Не в малости нашей дело, а в нежелании взять на себя ответственность. Мы часто говорим: "Это не мое дело - пусть уж другие стараются. Моя хата с краю". Такими словами мы перекладываем свою ответственность на других. Перекладывая же ответственность на другого, мы как бы тем самым перекладываем и вину тоже на другого, отчего возникает осуждение, которое ведет к разделению.

Общаясь друг с другом, мы можем раскрыть себя или в худшую, или в лучшую сторону. К сожалению, мы обычно не вскрываем света и добра, в нас обретающихся. Мы часто сами не знаем ценностей нашей души, и от этого ложится на душу некоторое помрачение.

Ведь для выполнения нами своего назначения, для раскрытия нас самих, надо, чтобы открылись наши внутренние очи: только тогда мы увидим в душе те ценности, которые закрыты от нашего внутреннего ока. Надо самим открывать в себе эти ценности и помогать другим раскрывать их. Особенно надо подчеркнуть значение последнего: помогая другим открыть себя, мы сами открываемся себе в своей глубине. Этим именно и полезно общение с другими людьми: оно является для нас школой нашего спасения, школой нашего духовного напряжения. Избегать общения с людьми для христианина не всегда полезно.

В одиночестве человек становится почти всегда беден. Чем больше он будет отделяться от людей, тем более он будет сам беднеть. Живя в одиночку, мы как бы отрезаем себя от общей жизни, от жизни целого организма и в этой самости засыхаем, так как не питаемся тогда соками общей жизни. Через общение же с людьми происходит извлечение нераскрытых сил человека: через соприкосновение сродных начал силы эти приходят в движение. Общение с людьми обогащает, таким образом, нашу душу, она расцветает через полноту нашего сближения с другими людьми. Каждый человек индивидуален, но может восполнить в себе недостающее через общение с целым организмом человечества. Люди - цветы Божии. И надо, как пчела, уметь собирать мед с этих цветов, обогащать себя индивидуальностью других и свою индивидуальность раскрывать для других.

Иногда общение нам бывает трудно, но мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг. Человек, общаясь с другими и творчески преодолевая разделение, раскрывает свои ценности, обогащается сам и тем самым обогащает других. Каждая ведь встреча может дать нам очень много. Если быть внимательным к окружающим нас

людям, то непременно унесешь богатство, отыщешь ценности - свет и добро. В каждом человеке есть прекрасное, и только наша греховность не позволяет нам видеть это. Обычно мы только внешне прикасаемся друг к другу и не даем себе труда добраться до подлинной сущности человека. Мы не раскрываем человека с душевной стороны во всей его полноте. Мы встречаемся с Иваном, Петром, Марьей, Дарьей и в большинстве случаев расцениваем их неправильно, рассматривая их чисто внешне. Мы говорим: "Тот симпатичный, а этот нет". Часто, видя какие-нибудь недостатки человека, мы сторонимся его, принимая то, что не существенно для него, за его истинную действительность и, не пытаясь даже добраться до сущности, осуждаем его, чем отделяемся друг от друга, не пытаясь преодолеть то, что разделяет нас. Мы привыкли общаться с людьми нам приятными, когда в нас есть естественное расположение друг к другу. Встречая же малейшее препятствие при общении, мы не употребляем воли для преодоления его. Поговорить с человеком, к которому имеешь предубеждение, нам очень трудно, но именно это затруднение нам и надо преодолеть. **Господь хочет собрать нас воедино, лукавый же старается отделить нас друг от друга.**

Через преодоление разделения мы опознаем друг в друге то единое, что у нас от Бога, что составляет нашу силу, что дает нам благо жизни - благобытие. Грех разделил весь род человеческий. При победе в себе греха люди взаимно приближаются, так как возвращаются к изначальному своему состоянию общности человеческой природы - единого организма. Грех же обкрадывает человека. Не преодолевая того, что нас разделяет, мы видим не подлинную жизнь каждого человека, а личину его, которую мы неправильно принимаем за действительность. Наша разделенность, наша самость искажает нашу жизнь.

Нередко мы должны для общения с людьми побороть в себе некое неприятное чувство, пересилить себя, совершить некоторый подвиг, побороть свою неприязнь, что является уже доброделанием или добродетелью. В самом деле, это есть наша задача каждого дня для каждого из нас. Общительность есть дарование Божие, а из необщительного себя сделать общительным ради пополнения своей скудости есть подвиг.

Иногда мы видим, что в рядовых людях вдруг открываются необыкновенные ценности при каких-нибудь чрезвычайных событиях, как, например, война или какое-нибудь иное бедствие. Зачем же ждать этих чрезвычайных событий, чтобы узреть добро в человеке? Относясь творчески к жизни, мы всегда можем его выявить, надо только постараться выйти из инертности и преодолеть разделение. Преодолевая это разделение между собой, люди начинают ощущать единство жизни, которое дает им благо, несет радость, блаженство. Через преодоление разделенности мы как бы входим внутрь друг друга, примером чего может служить дружба. Про таких людей говорят: "Они живут душа в душу". Только через преодоление того, что разделяет нас, является перед нами полнота жизни.

Нам обычно кажется, что наши встречи с людьми случайны. Конечно, это не так. Господь ставит нас друг около друга в семье, в обществе, чтобы мы один от другого обогащались, чтобы, прикасаясь друг к другу, люди трением возжигали блестки света. Господь говорит: "Вот тебе задача. Я поставил тебя с тем или иным человеком. У тебя в сердце есть талант, которым я наградил тебя, раскрой его". Господь, посылая каждую душу в жизнь, оделяет ее каким-нибудь талантом и дает ей арену для действия, для расцвета ее духовной жизни. И так как каждый человек духовно неповторим, то, если его духовное богатство не будет выявлено, это будет смерть духовная, исчезновение света Бо-

жия в данной точке бытия. Поэтому каждый должен заботиться о своем духовном мире, чтобы дать свету Божию в нем засиять, а не исчезнуть. Отчего не хотим мы, как бы медлим использовать силы, которые находятся в нас? Через борьбу с грехом в нас самих мы освобождаем начала добра в себе и этим можем сами творить новую жизнь, сокращать зло на земле, сокращать прежде всего зло в самих себе. Малейшее усилие с нашей стороны разряжает нашу инертность, пробуждает дремлющее в нас добро и выявляет его.

Каждому даны свои таланты, каждого Господь спросит: "Почему ты не сделал того, что должен был сделать?" Задача каждого в своей жизни - раскрыть и умножить талант, данный ему Богом. Обыкновенно говорят: "У меня нет никаких талантов", имея в виду талант ученых, художников, общественных деятелей... Но гораздо важнее таланты сердца, которыми Господь наделил каждого человека, как, например, приветливость, чуткость, сострадательность. Раскрытие этих талантов как природных свойств нашей души - в наших руках. Эти наши таланты, конечно, раскрываются лишь через живое общение с людьми. Мы должны поэтому научиться извлекать ценности своей души через близость к тем людям, с которыми нас поставил в жизни Господь. Мы вообще ведь соединены различными нитями друг с другом, и нам надо через эти нити создавать общность и единство в нашей жизни.

Наша задача в жизни может быть сформулирована как искание общности в жизни с людьми, с которыми мы связаны. Больно сознавать, что много людей жалуются на одиночество. Обособленность от других действительно угнетает человека, а единение, наоборот, дает бодрость, так как человек чувствует, что он в мире не затерян. **Единение между людьми есть нить, переброшенная от земли к Небу, к Богу, к Единящему центру.** Единство, исходящее от сердца одного к сердцу друго-

го, имеет в себе направление к единому центру - к Богу, ибо единение между людьми и есть жизнь, разделение же есть смерть. Единение между людьми несет нам благо, которое дает нам радость жизни. Это есть закон жизни, отступая от которого люди должны страдать неминуемо. Мы все созданы по образу Божию. И это значит, что образ Божий и есть то, что нас **единит**. Сближаясь, можно постепенно достигнуть единомыслия, единодушия, единоволия - того единства, о котором Христос сказал: "Яко же Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут" (Ин. 17, 21). А мы даже не считаем долгом искать в серости людской жизни того, что у нас от Бога, что на самом деле могло бы нас сблизить. Разделенность мы принимаем за подлинное бытие и не употребляем усилия, чтобы преодолеть эту разделенность. А состояние разделенности лишает нас возможности находить радость в повседневной жизни, мешает нам раскрыться и выявить свои ценности.

Мы все ждем радостей извне, а того, что есть в нас самих, мы не замечаем. Мы потому и окутаны тьмой - и внутри, и во вне.

В каждом сердце надо искать клад. Клады ищут часто, но не душевные, а надо искать душевный клад. Могут спросить: "Зачем?" Ответим: "Чтобы обогатиться".

Мы видим в людях только внешнее и берем от них внешнее и не замечаем клада, лежащего в каждом, не ищем этого клада. Надо искать талант сердца - этот клад есть источник блага. Но как это сделать? Для этого **нужны напряжение и труд**. Без труда, говорят, и рыбку не вынешь из пруда. Если и великие таланты, получив дар от Бога, должны трудиться, чтобы был соответствующий плод, то тем более это верно для обыкновенных людей.

Подходя к человеку, будем вглядываться в его сердце, которое есть центр человека. Христос сказал,

что все исходит из человеческого сердца: "Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе; а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое" (Лк. 6, 45). Доброта сердца есть дар Божий. Ее можно удесятерить, на доброте сердца легче построить добродетель. Иоанн Златоуст говорит: "Не в том чудеса, что делаем великие дела, а чудо то, когда злой превращается в доброго", ибо тогда побеждаются уставы естества, совлекается ветхий человек и созидается новая тварь через борьбу с грехом. Борясь с грехом, человек совершенствуется, т. е. становится тем, что его роднит с Богом. Человек, побеждая грех в себе, открывает этим лучшие стороны своей души, чем в то же время вскрывает и в другом человеке клад, о существовании которого тот и сам даже не подозревал.

При грехе человек как бы боится другого человека, не ступает радостно по земле. Он думает про себя, как бы ему не встретиться с тем или иным человеком... Побеждая же грех, человек подходит легко к другому человеку и заражает его добром.

Господь прижимает нас друг к другу, как, например, в изгнании, а мы не сближаемся, не ищем божеского друг в друге, а только все ссоримся и отделяемся друг от друга. Мы не раскрываем своего капитала, тогда как этот капитал, раскрытый через общение, своим единством может приблизиться к единству ума, воли и чувства. Это клад душевный, обретение которого прекратило бы наше разделение. Найдя этот клад, мы будем черпать из него силы для жизни. Если этого не сделаем, Господь посечет нас, как смоковницу бесплодную.

Когда мы пребываем в добром общении с людьми, мы освещаемся искорками света, уносим с собой что-то невидимое, чем и живем. Господь посылает нас в мир, чтобы выявить свои богатства. Если мы по крупинкам соберем открытые нам добро и свет, то и это уже будет много. Если будем собирать крупинки света,

то в этой атмосфере пропитаемся и сами светом, и тогда произойдет вспахивание нашего окаменевшего сердца. Отыскивание этого света и есть процесс нашего спасения. Здесь важен уже процесс самого искания, так как это уже есть момент духовного просветления. Красота искомого тогда наполняет красотою нашу душу.

Вот пришла благая мысль отыскать клад в своей душе, и в поисках его мы неминуемо будем выдергивать плевелы из своего сердца. Момент исторжения греховных терний из нашего сердца и очищение его и дает нам ощущение подлинного блага, дает нам радость жизни. Это благо есть ступень к обители лицезрения Бога, момент нашего духовного роста - блаженство. В Евангелии: "...чистые сердцем... Бога узрят" (Мф. 5, 8). Такими отдельными моментами человек как бы вдвигается в вечность, утверждается в вечности, уготовляя себе уголок в обители, которая есть свет, идущий от Света светов.

Когда в общении с людьми возникают затруднения, когда лукавый производит бурю в нашем сердце и там водворяется темнота, надо обращаться за помощью к Богу, призывая имя Его мысленно. Это есть момент духовный. Вот человек одержим некоей страстью, он движется как бы механически и может, находясь в темноте, наговорить много глупостей, которые внесут неминуемое разделение. Надо скорее хвататься за то, что внесет свет во тьму, т. е. за Господа. Обращенностью к Богу, этим творческим актом, человек призывает свет, и этот свет от Бога идет в его сердце, т. е. сам Господь нисходит в сердце и своим присутствием все там освещает и начинает там царить. Этим обращением к Богу, творческим словом к Воплотившемуся Слову, собирается свет и начинается парение Божие, которое уничтожает разделение. Тогда в сердце обитает Бог. Тогда тьма преодолевается и это преодоление вводит нас в иную область бытия - новую радостную жизнь.

Архимандрит Тихон (Белавин)*

О ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ

(Вместо предисловия)

Почти сто лет прошло с того момента, когда впервые было произнесено и напечатано публикуемое ниже слово Святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, "О подвижничестве". Святитель создал его в возрасте около 30 лет, то есть совсем молодым человеком, будучи в сане архимандрита ректором Холмской Духовной семинарии. (Слово было напечатано в журнале "Странник" в 1897 году.) Внешним поводом для этой работы послужили недоуменця, возникшие в сознании и сердцах людей того времени, о жизни святых подвижников - их ухода от мира в пустыню, образа жизни. Как всегда и всюду и в своей жизни, и в словах, Святитель Тихон нашел мудрые, простые, всем доступные и понятные ответы.

Многое в жизни отшельников для человека недуховного кажется лишь внешним и потому бессмысленным. Для Святителя Тихона, с детства познавшего трудность и радость христианского подвига, отшельничество есть путь и итог долгой и трудной борьбы с бесами.

Удел святых подвижников - не только внутренняя борьба, не только лишения и отсутствие того, что обычно называется жизненными благами, но и бесконечные нарекания и упреки той части народа, которая считает себя наиболее передовой и образованной. "Удивляться ли, что и св. подвижники испытывают ту же участь от людей, которые, невзирая на свою скудость и

* Будущий Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон.

слабость понятий о предметах духовной жизни, берутся судить и отвергать то, чего и сами не понимают. Еще Апостол Павел сказал, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием и не может разуметь, ибо о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). Кто ж судит духовно, тот не затруднится приложить к святым подвижникам слова того же Апостола: по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли скитались в милотях и козиих кожах, терпя недостатки, скорби и озлобления, те люди, которых весь мир не был достоин (Евр. 11, 37-38)".

Прошло почти сто лет, как это все было сказано и произнесено. И сегодня наше общество наполнено пороками и недоумениями. И сегодня всем нам слова, произнесенные Святителем Тихоном, служат полезным вразумлением и помощью в нашей полной соблазнов жизни. Взять хотя бы следующие слова: "Подвижники идут не против природы и ее законных требований, а против ее расстройства и особенно против развращенной воли человека, неспособной держать его при удовлетворении потребностей в должных границах, что в природе человеческой есть расстройство и что с ним нужно бороться, это едва ли требует подробных доказательств".

Своею жизнью Свя́титель Тихон показал и доказал, что то, что он говорил и писал в слове "О подвижничестве", он усвоил глубоко своим христианским сердцем и осуществил в жизни, что вся его жизнь, все его служение - это подвиг, это подвижничество во славу Спасителя нашего и Его Святой Церкви. На какое бы место промыслом Божиим Святитель Тихон не был поставлен, подвиг его служения был воплощением тех слов, с которых он начинает свою статью: "Жизнь их (подвижников. - С.Б.) теперь всецело управляется духом. Всякое слово их, всякий взгляд, каждое действие, мысли, чувство - все это проникнуто духом, который все земное преобразует в духовное во Христе и приносит обильный плод духовный:

любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22-23)".

Подвиг служения Святитель Тихон нес не только в России, но и в далекой Америке. Сам Святитель эмигрантом не был, но православным переселенцам в США и Канаде он был любящим и мудрым отцом. О том, что это было именно так, свидетельствуют два документа:

I - речь, произнесенная Святителем Тихоном в декабре 1898 года в Сан-Франциско при его вступлении на Северо-Американскую кафедру, и

II - отрывок из сборника статей, изданного в 1922 году в Нью-Йорке, "Ко дню 25-летия в архиерейском сане Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Тихона. 1897 г. - 19 октября 1922 г."

I.

РЕЧЬ
Его Преосвященства, Преосвященнейшего Тихона, Епископа Алеутского и Аляскинского при вступлении на архиерейскую кафедру.

Декабря 1898 г. в Сан-Франциско

При настоящем первом пришествии моем к вам, возлюбленные братья, припоминаются мне слова, сказанные некогда Господом через пророка Осию: ***Не мой народ назову моим народом и не возлюбленную возлюбленною*** *(2, 23). Эти слова относились к язычникам и означали то, что, когда многие во Израиле, Богоизбранном народе Божием, не познали Христа, тогда Господь открылся не вопрошавшим о Нем (Рим. 10, 20; Ис. 65, 1), и призвал в Церковь Свою язычников.*

По неизреченной милости Божией в Церковь Христову были призваны язычники, населявшие пределы Аляски и Алеутских островов; они были оглашены и просвеще-

ны светом веры Христовой Валаамскими иноками, которые первые здесь посеяли семена евангельского благовестия. После них святое дело их продолжали преемники-пастыри и архипастыри Алеутские, и наипаче от них Протоиерей Иоанн Вениаминов (впоследствии Иннокентий, Митрополит Московский) и мой предместник Преосвященный Николай. ***Иже бысть муж силен и словом и делом.*** *Волею Божиею призван и аз, недостойный, к апостольскому служению здесь, и вот ныне и я* ***не мой народ назову моим народом и не возлюбленную возлюбленною.*** *Доселе мы были чужды друг другу и не ведали один другого - отныне самим Господом мы становимся в тесную связь, во взаимные отношения епископа к пастве и паствы к епископу. В святоотеческих писаниях отношения эти приравниваются к брачным и епископ считается женихом, а паства - невестою его. И, как муж любит жену свою до того, что оставляет отца своего и матерь и прилепляется к жене, сродняется и сживается с нею, так и епископ должен возлюбить свою паству; и, как жена повинуется мужу, так и паства должна повиноваться своему епископу. Понимая так отношения епископа к пасомым и будучи обручен алеутской пастве, я покинул любезную родину, свою престарелую мать, близких и знаемых мне, милых сердцу моему, и отправился в страну далекую к вам, людям мне неведомым, для того, чтобы вы отныне стали* ***Моим народом и моими возлюбленными.*** *Отныне свои помыслы, свои заботы направляю на вас и на ваше благо, отныне свои силы и дарования посвящаю на служение вам. С любовию прихожу к вам, братие, - прошу и меня принять с любовию. Моя любовь будет выражаться в заботах и попечениях о вас, в служении вам; а ваша любовь должна проявляться в послушании мне, в доверии ко мне и в содействии мне.*

Слово о содействии направляю прежде всего к ближайшим моим сотрудникам, пастырям церкви Алеутской. В сию страну вступаю я впервые, мало зная ее. Вы

же трудитесь здесь давно, раньше меня: многие из вас сроднились с нею, а иные и родились в ней. Уповаю, что в предстоящем служении моем вы окажете мне великую услугу своим знанием сего края и людей его, своим опытом, явитесь для меня воистину СОТРУДНИКАМИ, мужами совета и разума.

О содействии и сотрудничестве мне прошу не только пастырей, но и всю мою паству возлюбленную. Церковь Христову св. Ап. Павел мудро сравнивает с телом, а в теле не один член, но много (Кор. 12, 14), и сии имеют не одно и тоже делание (Рим. 12, 4), но каждый свое: око - свое, рука - свое, и каждый член необходим и не может обойтись без другого, все они пекутся друг о друге, и нет распри в теле (Кор. 12, 21, 25, 26); так и вы, братие, ТЕЛО ХРИСТОВО И УДИ ОТЧАСТИ (ст. 27). И КОМУЖДО ВАМ ДАДЕСЯ ОБЛАСТЬ ПО МЕРЕ ДАРОВАНИЯ ХРИСТОВА (Евр. 4, 7), ДАДЕСЯ К СОВЕРШЕНИЮ СВЯТЫХ, В ДЕЛО СЛУЖЕНИЯ, В СОЗИДАНИЕ ТЕЛА ХРИСТОВА (ст. 12). Посему вы с истинною любовию возрастайте в Того, Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством ВСЯКИХ ВЗАИМОСКРЕПЛЯЮЩИХ СВЯЗЕЙ, ПРИ ДЕЙСТВИИ В СВОЮ МЕРУ КАЖДАГО ЧЛЕНА, получает приращение для созидания самого себя в любви (ст. 15-16). Еще св. Златоуст говорил: "Не слагайте все на духовных: вы и сами много можете, вы знаете друг друга лучше нас..." Посему и вы, братие, назидайте друг друга: ВРАЗУМЛЯЙТЕ БЕЗЧИННЫЯ, УТЕШАЙТЕ МАЛОДУШНЫЯ, ЗАСТУПАЙТЕ НЕМОЩНЫЯ, ДОЛГОТЕРПИТЕ КО ВСЕМ: БЛЮДИТЕ, ДА НИКТОЖЕ ЗЛА ЗА ЗЛО КОМУ ВОЗДАСТ, НО ВСЕГДА ДОБРОЕ ГОНИТЕ ДРУГ КО ДРУГУ И КО ВСЕМ (Сол. 5, 14-15). БОГ ЖЕ ВСЯКИЯ БЛАГОДАТИ, ПРИЗВАВЫЙ ВАС В ВЕЧНУЮ СВОЮ СЛАВУ О ХРИСТЕ ИИСУСЕ, ТОЙ ДА СОВЕРШИТ ВЫ, ДА УТВЕРДИТ, ДА УКРЕПИТ, ДА ОСНУЕТ, ТОМУ СЛАВА И ДЕРЖАВА ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ (1 Пет. 5, 10-11).

II.

"<...> Управление Архиепископа Тихона Северо-Американскою епархиею справедливо отмечено на памятной доске в Кафедральном Соборе как "благостное святительствование". Все действия его и все личные отношения к людям были проникнуты благостию и потому о нем мы храним священную память как о мудром Архипастыре, исполненном чистой, глубокой Веры, заботливом начальнике, твердом руководителе, кротком наставнике, авторитетном собеседнике, счастливо сочетавшем открытую для всех доступность с сохранением присущего ему достоинства. Мы видели перед собою не только Архиерея, но и человека ко всем доброго, снисходительного, к себе строгого, искреннего и терпеливого, часто покрывавшего нетерпение других. Все чувствовали себя одинаково близкими к своему Архипастырю и дорожили его к себе близостью. Создалась дружная миссийная семья, получалась дружная общая работа и служба для каждого была приятным бременем долга. Так пробыл Святейший Патриарх ТИХОН во главе Американской епархии в сане Архиепископа до Марта месяца 1907 года, когда Он уехал на новую свою кафедру в город Ярославль, старейшую и виднейшую епархию в России.

Американская паства искренне и глубоко полюбила Архиепископа Тихона, и его перевод отсюда отозвался тяжелою скорбью в ее сердцах: она лишалась Архипастыря, всецело отдававшего себя пастве. Пожалуй, в этом и заключается разгадка той глубокой и тесной общности, какую мы видим и поныне между американскою паствою и ее бывшим Архипастырем, Святейшим Патриархом ТИХОНОМ. Из Его образа жизни в Америке видно было, что Он жил и дышал заботами о своей епархии, ее благоустройству и благополучию Он все свои силы отдавал. Личного "я" в отдельности от трудов на пользу Церкви у Владыки Тихона не существовало. Во всем служении

Патриарха в бытность Его Архиепископом С. Американским сквозила высокая христианская настроенность души, заметная покорность и преданность Промыслу Божию, безукоризненная нравственная возвышаемость над окружающим миром и вместе с тем снисходительное приближение к требованиям современной жизни и построение церковных перспектив в соответствии с ними. В Америке Владыка Тихон был силою, которая действовала во всех и через всех, гармонично соединяя индивидуальные силы каждого работника с привходящими в него влияниями и руководством Архипастыря. Он уехал отсюда, оставив неизгладимое впечатление от своей личности.

Укажем здесь на одно обстоятельство из жизни Святейшего Патриарха, имевшее место во время Его путешествия по Аляске в 1899 году, обстоятельство по-видимому незначительное, но глубоко верно характеризующее Его личность, как это очень удачно отмечено было тогда спутником Его Святейшества при путешествиях по епархии Протодиаконом Петром Поповым, ныне ключарем Кафедрального Собора. Преосвященному, тогда епископу, Тихону и о. Попову нужно было вернуться из селения Тайукак в Кенай на пароходе, который стоял в 4 милях от этого селения и имел выйти рано утром следующего дня, для чего Владыка и о. Попов пришли раненько на берег. "На берегу никого, кроме нас, не было, - пишет о. Петр, - все спали. Долго нам пришлось ходить по бараборам и искать гребцов. Наконец, гребцы нашлись, оставалось подыскать лодку. Здесь-то мы и встретили большое затруднение: на берегу хотя и было несколько лодок, но все они оказались испорченными, кроме одной, самой маленькой, устроенной только для двух пловцов. Положение наше было ужасно! Но ехать нужно было, и вот Владыка, осенив себя крестным знамением, первый отважился сесть в эту "душегубку" с одним хромым гребцом. С первым валом оттолкнуло их от берега, и они легко понеслись по высоким волнам... С глубоким замиранием

сердца следили мы за движением лодки, которая то поднималась, то опускалась в пучине морской! Через несколько времени лодка эта благополучно возвратилась, оставив Владыку на пароходе. Следовала очередь за нами... Страх и ужас овладел нами. Мы видим, что здесь, как всегда и везде, Владыка Тихон остался верен себе - всецело и всего себя предавать в руце Божии, и эта покорность воле Божией ярко проходит через всю жизнь Патриарха.

За время служения своего в Америке Святейший изъездил ее, как говорится, вдоль и поперек. Дважды посетил Аляску и был во всех там приходах и миссионерских станах, в иных из которых не было Архиерея после приснопамятного Иннокентия, просветителя Аляски, Митрополита Московского. Посетил Канаду, и образовавшиеся в ней приходы ежегодно были им посещаемы. Много было фактов во время этих путешествий, которые воочию свидетельствуют, что жизнь Патриарха Тихона была сберегаема особым Промыслом Божиим для блага Церкви. <...>"

С. Беляев

"К именам многих св. подвижников (Антония, Евфимия, Феодосия, Иоанникия, Арсения и др.) Церковь присоединяет название "великий". Хотя в гражданской истории об этих "великих" людях и не упоминается, однако название это дано им Церковию по праву. Главное величие человека заключается в силе его духа, и такое величие и проявляли в себе подвижники. Это - люди, которые избирают себе единую цель жизни, единый путь - Христа. Все свои стремления, помыслы и деяния они направляют к тому, чтобы приготовить своего внутреннего человека ко вселению в него Христа. Снедаемые желанием Божественного, распаляемые стремлением к истинному свету и вечной жизни, они оставляют все, что может задержать их на избранном пути. Чтобы жизнь их не прониклась суетою, удаляющею от Христа, чтобы предметы земные не овладели их сердцем, они оставляют шумный свет и удаляются в пустыню, но так как "от себя никуда не уйдешь" и, следовательно, и в пустыне у человека могут из сердца исходить "помышления злая", то подвижники ведут упорную и ожесточенную брань с нечистыми помыслами и распинают плоть свою со страстьми и похотьми. В этой борьбе ветхий, плотский человек, тлеющий в похотях прелестных, умирает, и в них обновляется новый духовный, созданный по образу Божию. Жизнь их теперь всецело управляется духом. Всякое слово их, всякий взгляд, каждое действие, мысли, чувства, - все это проникнуто духом, который все

земное преобразует в духовное во Христе и приносит обильный плод духовный: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22-23).

Такова внутренняя сторона жизни святых подвижников. А вот несколько черт из их внешнего быта.

Подвижники жили в безлюдных пустынях, в дремучих лесах, в глубоких пещерах и на бесплодных скалах. Нередко лет 30-40 и больше они не видели ни одного человека. Впрочем, многие из них, избегая совершенного уединения, жили по два, по три и в недальнем расстоянии друг от друга. В субботние и воскресные дни они сходились в одно место для пения псалмов и по целым ночам стояли на молитве. Если и вступали в беседу, то вся беседа их состояла в ведении вопросов касательно внутреннего состояния их духа; все разговоры ограничивались взаимными наставлениями, как в том или в другом случае хранить свое сердце, как вести борьбу с искушениями, как умножить труды и подвиги. После недолгих свиданий, опять отходя на безмолвие, они погружались в созерцание, с глубоким вниманием следя за всеми своими мыслями и чувствами и стремясь достигнуть состояния бесстрастия. Для этого они соблюдали строгий пост и обрекали себя на разные лишения. Многие из них в продолжение сорока дней не вкушали пищи. Были добровольные страдальцы, которые носили тяжелые железные вериги. Иные в самый жаркий полдень выходили к болотистым местам и отдавали там пить кровь свою лютым мухам африканским. Некоторые, испытывая сильные искушения, зажигали костер сухих ветвей, повергались в огонь и спрашивали себя: "Горячо ли?" - и сами отвечали: "Горячо, помни же огнь геенский и бойся греха". Постом и трудами они до того иссушали плоть свою, что на иных оставались одни кости да кожа. Платье их от долговременной носки само спадало с плеч, и от-

шельники нередко оставались без покрова под знойным небом Африки и под холодными и сырыми ночами Азии.

Вот против этих телесных подвигов и восстают по преимуществу противники подвижнического жития. Тело, говорят они, творение Божие, дано человеку самим Богом; следовательно, удовлетворение телесных потребностей так же законно и необходимо, как и душевных потребностей, и о теле нужно столь же заботится, как и о душе, ибо только в здоровом теле может быть здоровый дух. А подвижники вместо этого всячески изнуряют свое тело.

Но ведь тело хотя и творение Божие, однако взято Богом из персти земной, тогда как душа есть дыхание Вседержителево, и в ней-то и заключается образ Божий и величие человека по сравнению с прочими тварями. Посему странно уравнивать в правах дух и тело, тело только орудие души, и о нем нужно заботиться лишь в той мере, насколько оно необходимо для деятельности духа: на удовлетворение телесных потребностей нужно смотреть как на средство, а не как на цель, иначе попечения о плоти превратятся в похоть (Ним. 13, 14). Если древние и говорили, что только "в здоровом теле здоровый дух", то не нужно забывать, что изречение это принадлежит язычникам, которые принижали дух и возвышали плоть; да и означает, собственно говоря, то, что в здоровом теле и дух здоровый, т. е. крепкий, мужественный, а вовсе не то, чтобы в здоровом теле находились глубокий ум, отзывчивое и доброе сердце, горячее религиозное чувство и т. п. качества духа, столь ценные для христиан.

Итак, упрек подвижникам, что они заботятся больше о душе, а не о теле, только делает им честь: об этом должен заботиться и всякий истинный христианин. Неосновательен упрек и в том, что они в своих подвигах идут против своей природы телесной и ее законных потребно-

стей. Один подвижник (преп. Пимен) сказал: "Мы научились умерщвлять не тело свое, но страсти, живущие в теле". Подвижники идут не против природы и ее законных требований, а против ее расстройства и особенно против развращенной воли человека, не способной держать его при удовлетворении потребностей в должных границах; что в природе человеческой есть расстройство и что с ним нужно бороться, это едва ли требует подробных доказательств. Все в природе, говорит Преосвященный Амвросий (Ключарев) в слове об аскетизме, имеет нужду в пище и питии, но один только человек обращает и то и другое в наслаждение, доходящее до страсти, и утучняет себя пищею и питием до потери здоровья и самообладания. Все в природе имеет нужду в отдыхе и сне, но один человек обращает сон в негу, просыпает срок, назначенный для деятельности. Все живущее в природе имеет инстинкт продолжения рода, но один человек обращает этот инстинкт в источник пороков и болезней. Итак, ужели не нужно умерщвлять плоти, иссушать в ней почву, на которой может возникнуть и разрастись нечистое семя греха?! Всякая уступка в пользу плоти сопровождается вредом для духа. Имея это в виду, подвижники едят и спят мало, чтобы не дать отучнеть и отяжелеть телу и не развести в нем гнезда лености и сладострастия, чтобы не сделать из него гнилого болота, из которого непрестанно поднимались бы в область духа вредные испарения праздных и нечистых мечтаний и вожделений. В видах воздержания подвижники суровую пищу предпочитают роскошной и лакомой и остерегаются употреблять вино, которое волнует кровь и возбуждает страсти. Они избегают зрелищ, игр, праздных бесед и развлечений, потому что все это прерывает строгое настроение ума, расслабляет дух, наполняет воображение и память пустыми образами и воспоминаниями. Они отрекаются от имений, от супружества, чтобы житейские заботы не связывали их в служении Богу.

Говорят, все это еще более или менее понятно. Но зачем жесткие власяницы и тяжелые вериги? Зачем столпы и многолетнее стояние на них? Зачем жизнь под открытым небом, лежание на голой земле, питание травою и кореньями? Зачем непрестанные коленопреклонения и всенощные молитвословия?.. Но ведь сильные и застарелые болезни и врачуются сильными средствами. Мудрено ли, что ревнители духовной чистоты в борьбе разгоревшегося духа с застарелыми греховными навыками и страстями, и особенно в начале этой борьбы, прибегали к сильным средствам и нередко чувством боли и телесных страданий отвлекали свое внимание от приражений греховных. Только тот, кто не принимался за борьбу со страстями, не знает, каких усилий и подвигов стоит эта борьба.

Противники подвижнического жития любят говорить еще: зачем подвижники убегают мира? Легко спасаться в пустыне, где нет ни искушений, ни соблазнов, ни развлечений, ни забот. Гораздо бо́льшая награда была бы им, если бы они спасались среди шумного мира.

Из высказанного видно, легко ли спасаться в пустыне, где подвижники вступают в брань не с плотию и кровию только, но с миродержателями тьмы века сего, с Духами злобы поднебесной (Еф. 6, 12). **А лучше, говорит св. Иоанн Лествичник, иметь борьбу с людьми, нежели с бесами, потому что люди хотя иногда ожесточаются и не покоряются, но потом опять смягчаются и повинуются; бесы же никогда не перестают против нас злобствовать и неистовствовать. Что же касается обещания большей награды за спасение в мире, то тот же св. Иоанн Лествичник приписывает такие слова и мысли внушению искусителя, который хитрым обещанием больших наград хочет отвлечь нас совсем от пути спасения**[1]. Истинно

[1] Монашеская жизнь по изречениям св. отец, вып. 1, 6.

подвизающиеся заботятся не о наградах, а о том, чтобы очистить себя от страстей. Само собой разумеется, что можно и в мире спастись: немало святых, которые, живя в мире, угодили Богу. "Сосчитай, - говорит Преосвященный Гермоген (Добронравин), - если можешь, угодивших Богу в мире и в уединении, и ты увидишь, что в пустыне больше угодников Божиих"[2]. И это понятно, - в мире так много суеты и крушения духа, так много случаев и поводов привязываться к земле и забывать о Небе! Что же странного в том, если святые подвижники покидали шумный мир и стремились уединиться. Насколько уединение важно для сосредоточенной и внимательной деятельности, это, думается, легко понять. Ученик, когда хочет основательно приготовить урок, уходит от семьи в уединенную комнату, ученые и художники, когда берутся за работу, требующую напряжения духа, любят уединяться до совершенного отчуждения от всяких шумных развлечений и глубокомысленные ученые труды свои и художественные произведения выносят из тиши уединения, а отнюдь не среди шума толпы и суеты общественной жизни. Насколько при этом они стремятся к полной сосредоточенности и стараются избегать даже незначительных впечатлений, видно из того, что некоторые философы имели привычку даже днем заниматься с закрытыми ставнями при свете лампы. А о Декарте сообщают, например, что он имел привычку, обдумывая философские вопросы, лежать в постели по 1 часу в сутки, и притом с опущенными шторами и закрытыми ставнями, потому что в этом покойном положении ум его был деятельнее и сильнее, нежели когда его развлекали внешние впечатления[3]. Если даже отвлеченное мы-

---

[2] Минуты паст. досуга, 11, 25.
[3] Прав. Обозр. 1877 г., декабрь, 647.

шление требует такого уединения от внешних впечатлений, то тем более потребность в этом должны чувствовать подвижники.

Умное созерцание Божественного, к которому они стремились, требовало полного удаления от мирских соблазнов, безраздельной сосредоточенности духа, совершенной нерассеянности его. А все это возможно в обществе лишь на самое короткое время и мимоходом, в полном же своем виде оно возможно лишь в удалении от общества. Это и побуждало подвижников к уединению, к отшельничеству из мира. И вот подвижник оставляет мир и идет в пустыню, так как в ней позднее может разгораться его пламенная любовь к Богу. **Как рыба может жить только во влаге, так и монах может жить и возрастать только в пустыне, говорит св. Антоний Великий. В пустыне все располагает отшельника к богомыслию. Ясный день, который в мире так часто манит людей на гулянье и развлечения, пустыннику говорит о любви Отца Небесного, иже солнце Свое сияет на злые и благие (Мф. 5, 45). Лес, вода, птицы, звери - все это располагает его к служению Богу. Он смотрит на деревья и думает: "Эти деревья растут все выше и выше от земли; мне ли, созданному Господом для Неба, пресмыкаться сердцем по земле?" Смотрит на ручей и думает: "О, если бы и моя жизнь текла так мирно, так светло, как течет этот ручеек! О, если бы камень преткновения и соблазна не возмущал души моей, как не возмущают ручейка камни, лежащие на дне его!" Смотрит на птиц небесных, слышит, как они с раннего утра до позднего вечера поют песнь своему Создателю, и думает: "Я ли, ради которого Слово Божие стало плотию, я ли перестану возносити слово хвалы и благодарения своему Творцу, Промыслителю и Искупителю?"**[4]

---

[4] Еп. Гермоген (Добронравин), Минуты досуга, т. 11, 33-34.

Есть и еще возражение, которое часто приводится противниками иноческого жития. Говорят, что подвижники, как и все иноки, - эгоисты, люди, которые заботятся только о своем спасении, которые ради своего блага уходят из мира и покидают общество, не хотят быть полезными для него; они - мертвые члены рода человеческого.

Отчего же, однако, мы не считаем эгоистами и не осуждаем, а, напротив, относимся с глубоким уважением к ученым труженикам, которые, ради служения своей науке отказываются от мира, его удовольствий и радостей, от шумных светских собраний и зрелищ, становятся чуждыми житейским хлопотам, заключаются в свой ученый кабинет и там свободно, без помех предаются своим любимым научным занятиям. Ведь отреклись же они от мира? И, однако, сам мир признает, что они приносят ему пользу ученьми трудами. Пользу приносят ему и святые подвижники. Правда, они отрекаются от мира, умирают для него, чужды его жизни и интересам, но каким? Они умирают для зла, в котором лежит мир; они становятся безучастными к тому, что мешает служению правде и истине: к мирскому стяжанию, к честолюбивой погоне за внешними достоинствами, к похвалам и оскорблениям. Так, когда однажды к Арсению Великому пришли сказать, что ему досталось большое наследство, он ответил: "Скажите, что Арсений давно уже умер для мира". А о Макарии Египетском рассказывают, что он велел одному своему ученику идти на кладбище и там сначала поносить мертвецов, а потом хвалить их. Когда ученик возвратился, Макарий спросил его: "Что тебе сказали мертвецы?" "Ничего", - ответил тот. "Так и ты будь мертв: когда злословят тебя - молчи и не сердись; когда хвалят - не превозносись, будь как мертвый - и спасешься".

Вот в таком смысле подвижники отрекаются от мира, а не в том, чтобы порывать всякие, хотя бы и нравст-

венно благодетельные, связи с людьми. Отшельники приносили и приносят миру великую пользу. Находясь в пустыне, они служат спасению и благоденствию мирских людей, во-первых, своими горячими молитвами за мир. Люди мирские, постоянно занятые мирскими заботами, по недосугу, а чаще по рассеянности духа с трудом располагаются к молитве и потому имеют большую нужду в молитвах других за них. Подвижники, освобожденные от многих земных забот, молятся не о себе только, но и о ближних и своими чистыми молитвами низводят на грады и веси благословение и милость Божию и отводят от них удары праведного суда Господня. Правда, многие из нас, по своей привязанности к чувственным и земным благам, не ценят и не понимают значения для мира молитв святых подвижников, но ведь и слепорожденные не ценят и не понимают, что такое солнечный свет, и, однако, он нимало не теряет от этого своей ценности.

Подвижники, далее, своею строгою, святою жизнию, своими мудрыми наставлениями производят самое благотворное влияние на людскую нравственность, светильник не остается под спудом, а ставится на свещнике, чтобы светить людям (Лк. 11, 33), и не может град укрытися, вверху горы стоя (Мф. 5, 14). Отшельники покидают мир, но сам мир ищет их. К ним стекаются алчущие и жаждущие правды. Они ждут от подвижников наставления и вразумления, и не вотще бывают их ожидания. На первый взгляд вам не кажется в речах старцев ничего необыкновенного, но вы слышите проповедника, отрекшегося от мирского, кому не нужны более ни слава мира сего, ни его богатства, ни удобства жизни, ни все то, что обыкновенно побуждает людей льстить, лицемерить, скрывать истину. Перед вами учитель, который тяжелыми подвигами своей жизни и непрестанною борьбою со своими страстями и похотями уже вполне утвердился в том, чтобы служить одной только правде и говорить ее в глаза

каждому, не боясь ни прещений, ни угроз, ни наказаний. Пред вами говорит человек, достигший высокой степени нравственного совершенства, по справедливости называемый "ангелом во плоти". Ему известны все тайные изгибы души человеческой. Слово его проникнуто духом и жизнию, исполнено благодати; наставления его проверены продолжительным опытом собственной жизни. Неудивительно посему, что наставления подвижников производят чудеса нравственного обновления людей и что люди жаждут слов "учителей благих". К подвижникам (и древним - Антонию, Феодосию, Пахомию, Макарию Египетскому, и русским - Феодосию, Сергию Радонежскому, Тихону Задонскому, Амвросию Оптинскому) со всех сторон стекаются толпы народа, и не простецов только, но и знатных, и ученых; около них поселяются сотни учеников. И вот пустыня процветает, безлюдное место дает бытие многолюдному селению. Образуется монастырь, который нередко устрояет на свои небогатые средства больницы, странноприимницы, школы, а в годины общественных бедствий и сам жертвует всем, и других располагает к тому же и является оплотом веры и опорою отечества (как, например, Троице-Сергиева лавра в Смутное время). Если люди, преданные чувственному и земному, не могут понять духовных благ, оказываемых миру подвижниками, то пусть они оценят хотя бы эти видимые и открытые благотворения отшельников. Если мир и это отвергает, то он отвергает свою собственную пользу.

Можно ли после этого говорить, что подвижники - мертвые и бесполезные члены общества, что они заботятся только о своем спасении и не проявляют любви к ближним? Ведь признаем же мы их достигшими высокой степени нравственного совершенства. А разве мыслимо было бы это совершенство, если бы у них не было такой важной добродетели, как любовь к ближ-

ним. Для кого эти рассуждения покажутся малоубедительными, тот пусть послушает примеры.

Один подвижник, преподобный Агафон, до того любил ближних, что если кто, войдя в его келью, останавливал внимание на какой-нибудь вещи, то преподобный умолял его взять ее себе и не отпускал до тех пор, пока тот не исполнял его просьбы. Он до того любил людей, что иногда говаривал: "О если бы я мог отдать прокаженному свое здоровое тело". И это не были одни только слова. Вот, например, какой случай был однажды с ним. Шел он из пустыни в город для продажи небольших сосудов его изделия. На пути встретил он прокаженного, который сказал ему: "Старец, снеси меня туда, куда ты идешь". Агафон донес его до города. Но тот велел ему положить его на том месте, где будут продаваться сосуды. Когда преподобный продал один сосуд, прокаженный сказал: "Отдай мне деньги". Агафон отдал. То же повторилось при продаже и остальных сосудов, так что все деньги перешли в руки прокаженного. Когда преподобный начал собираться в обратный путь, прокаженный сказал: "Снеси меня туда, откуда взял". Старец покорно принес его на прежнее место. Тогда прокаженный сказал ему: "Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле" - и стал невидим, ибо это был ангел Божий.

О другом подвижнике, преподобном Серапионе, рассказывают следующее. Однажды ему нужно было идти в Александрию. Время было холодное. Бедная одежда едва прикрывала изнуренное подвигами тело старца. Но вот идет ему навстречу нищий, который, не имея одежды, весь дрожит от холода. "Как, подумал Серапион, - я монах и подвижник - останусь в одежде, а этот нищий брат мой будет умирать с холода? Не осудит ли меня Господь на Страшном суде, если я не окажу теперь помощи?" С этими мыслями старец тотчас снял с себя одежду и отдал ее нищему. Нагой, сел он у

дороги, держа в руках единственную теперь свою собственность - небольшое Евангелие. Скоро показался один путешественник, знавший Серапиона. Увидя его в таком положении и думая, что его ограбили разбойники, путник с сожалением спросил старца: "Кто так безжалостно раздел тебя, отче?" "Оно меня раздело", - отвечал Серапион, указывая на Евангелие.

В другой раз Серапион встретил человека, которого заимодавцы мучили за долг, тогда как он подпал этому несчастию без вины и имел многочисленное семейство. Сердце человека Божия не вытерпело при виде страдальца: он немедленно продал в уплату долга и ризу свою, и Евангелие, а сам нагой пришел в свою келлию. "Где же риза твоя, отче?" - спросил его ученик. "Я послал ее вперед, - отвечал старец, - туда, где всем нам кроят и шьют платье". "А где же твое Евангелие?" - "И оно теперь там же". Ученик изумился и выразил сожаление. "А не оно ли, - сказал старец, - постоянно твердило мне: продай все и раздай Христа ради нищим. Теперь только я прав пред ним, когда не пожалел и его!"

Тот же Серапион, услышав об одном человеке, что он благочестив, но держится манихейской ереси, оставил любимую пустыню, пошел и нанялся к этому человеку в работники и служил ему до тех пор, пока не убедил его оставить ересь[5]. Бывали и такие старцы, которые даже продавали себя, чтобы выручить другого из беды.

Да и вообще многие пустыни процветали подвижниками, подобными Агафону и Серапиону; часто ли в мире встретишь подобную любовь?

---

[5] То же делали и другие подвижники. Так, преп. Пафнутий (Гераклейский), услышав о некоей великой грешнице Таисии, губившей и себя, и других своею красотою, покинул пустыню, явился к ней и умолил ее оставить путь греха. Рассказ об этом, исторически искаженный, передается во французском романе "Александрийская куртизанка", который в переводе на русский язык был приложен к "Историч. Вестнику" за 1891 г.

Но довольно. Думается, что сказанного достаточно, чтобы видеть всю высоту и величие подвижнической жизни и всю несправедливость нареканий на нее.

Великое часто подвергается насмешкам и порицанию со стороны людей мелких. Удивляться ли, что и святые подвижники испытывают ту же участь от людей, которые, невзирая на свою скудость и слабость понятий о предметах духовной жизни, берутся судить и отвергать то, чего и сами не понимают. Еще Апостол Павел сказал, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием, и не может разуметь, ибо о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). Кто судит духовно, тот не затруднится приложить к святым подвижникам слова того же Апостола: по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли скитались в милотях и козиих кожах, терпя недостатки, скорби и озлобления, те люди, которых весь мир не был достоин (Евр. 11, 37-38).

Проф. И. А. Ильин

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В РОССИЮ

(Вместо предисловия)

С благодарностью и гордостью должны русские люди вспоминать имя проф. Ивана Александровича Ильина, скончавшегося (21 декабря 1954 г.) на чужбине в швейцарском городе Цюрихе.

Проф. Ильин родился в Москве в 1882 году. С такими сотоварищами по московскому университету, как Б.П. Вышеславцев, он был учеником профессоров П.И. Новгородцева и кн. Е.Н. Трубецкого.

Еще будучи молодым доцентом, почивший философ был очень ценим серьезной частью студенчества за мастерскую постановку и хрустально-прозрачное освещение труднейших вопросов сознательного идеалистического жизнепонимания. Своему священному воспитательному призванию Иван Александрович оставался безупречно верен и тогда, когда его родной университет попал под власть темного материалистического варварства.

Проф. Ильин был в числе тех, кто в 1922 году был выслан за границу. Первоначально он устроился в Берлине, где вместе с Н.А. Бердяевым и Б.Н. Вышеславцевым положил начало Религиозно-Философской Академии, а затем обосновался в Швейцарии.

"В наше время безбожники размножились, - писал Иван Александрович, - и перешли в наступление именно потому, что так называемые "религиозные" люди рассеяли и растеряли подлинность и силу религиозного опыта. Настоящая религия не есть дело одного церковного стояния, но дело всей жизни и всего творчества". В этом замечательном умении словом будить дремлющее религиозное сознание состоит бессмертная, патриотическая и общественно-воспитательная задача профессора И.А. Ильина.

Мне хочется еще добавить и сказать о том большом впечатлении, которое произвела на меня встреча с И.А. Ильиным в ранней моей молодости.

Это было приблизительно в 1935 году в Нарве, где моя жена и я жили первые годы нашего супружества. Я - только что кончивший Рижскую семинарию юнец и молодая Матушка - студентка медицинского факультета Юрьевского университета.

Город Нарву на две части делит река Нарва. На противоположных берегах стоят две крепости: шведская и русская - Ивангород. Вряд ли где-нибудь Восток и Запад сошлись так близко и так сурово смотрят друг на друга глазами своих бойниц. Каждая из сторон олицетворяет свой особый мир, иллюстрируемый архитектурой своих крепостей. Я служил тогда в старой церкви Ивангородской крепости, стоявшей с времен Ивана III... Однажды моя Матушка после богослужения задержалась в храме, куда вошли дама и господин. "Наверное, немцы", - подумала она. Но они заговорили по-русски, задавая ей много вопросов об архитектуре храма, иконописи, истории, на которые она с чувством превосходства знатока отвечала и объясняла... Когда они уже шли по мосту на другой берег, незнакомец извинился, что забыл назвать себя. "Разрешите представиться, - сказал он, - профессор Иван Александрович Ильин"... Жена моя потом говорила, что когда узнала, что тот, кого она, думая, что говорит с иностранным туристом, только что поучала, был известный профессор Ильин, то от стыда не знала что и делать. Дома мы спешно созвали несколько друзей, чтобы выпить чашку чая со знаменитым Ильиным. С благодарностью вспоминаю, что и за этот короткий час Иван Александрович нашел слова, которые укрепили нас в нашем православнорусском сознании.

Вот одна из его многочисленных статей, в которых глубоко и сильно звучит одна тема: любовь к России, вера в Россию.

Протопресвитер Александр Киселев

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом; а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским - значит не только говорить по-русски. Но значит воспринимать Россию сердцем, видеть любовию ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара свободы и самостоятельности на земле. Быть русским - значит созерцать Россию в Божием луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее, как одну

из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским - значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что "в Россию можно только верить", ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божиим, в Божиих дарах утвержденная и в Божием луче узренная, есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его омолитвенный быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге - ее сердце, ее государственность,

ее историю. Мы должны по-новому - духовно и религиозно - осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божиими мерилами; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию - значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание от этих корней. Если мы в это верим, то никакие "провалы" на ее пути, никакие испытания ее сил не могут нас страшить. Естественна наша неутихающая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке:

"Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу"... И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории - от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова "Праведников" и "Инженеров-Бессребреников"; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукого, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника - Митрополита Петербургского Веньямина.

Россия есть прежде всего живой сонм русских

правдолюбцев, "прямых стоятелей", верных Божией правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по-Божьи побеждает одним своим деланием строить Россию, одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался обнять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: "Побойся Бога!", а укоряя, произносит слова: "Бога в тебе нет!" Ибо имеющий Бога в себе носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благороднейшие основы всякого жизненного служения - священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение, исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанного на Зерцале: "Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением". Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божие. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей - и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали Русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства; а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую ду-

шу - вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику: "Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?" Творческая государственность требует еще мудрости сердечной и вдохновенного созерцания, или, по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронования Императора Александра II, она требует "наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычнаго, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости".

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию - значит принимать эти глубокие и великие традиции - ее воли к качеству, ее своеобразия и служения, укореняться в них и уверенно строить на них ее возрождение.

И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому, что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубине нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и

экономически объединив одну шестую часть земной поверхности;

и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен - разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов ("Герой нашего времени", глава I - "Бэла");

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар;

и не только потому, что он, не защищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, - язык, о котором Гоголь сказал: "Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи"... ("Выбранные места из переписки с друзьями". 15. 1); и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий "собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов" (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству - ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность - в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы - отойти в глубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями и отстоять свое место под Божиим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если однажды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее в Боге и видим ее такою, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним

прошлым этот срок "выпадения" или "провала" не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божиему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

Выражаем свою глубокую благодарность Глебу Александровичу и Софии Васильевне Рар за их многолетний и самоотверженный просветительный труд, который очень многим открыл возможность расширить круг знаний и понимания исторических и современных вопросов русской церковной и общественной жизни.

РЕДАКЦИЯ

СООБЩЕНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПОЛОЖЕНИИ ЦЕРКВИ И СОБЫТИЯХ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

Составитель: *Г. А. Рар*
Почтовый адрес:
G. A. Rahr
Hauptstrasse 80 A
85399 Hallbergmoos
Allemagne

Дорогие друзья!

"Сообщения", которые я составлял в течение нескольких последних лет, в прежнем оформлении больше выходить не могут. Главные материалы "Сообщений" заимствовались мною из газет и журналов, поступавших в отдел периодики библиотеки Радио "Свобода". Ныне радиостанция и ее библиотека переезжают в Прагу, и газеты будут поступать туда.

Е. В. Зеленский, редактор Информационного Вестника русско-американского общества "Отрада",

выразил готовность восполнить возникающий информационный пробел. Евгений Васильевич намерен возобновить и продолжить выпуск "Сообщений" в виде периодического приложения к издаваемому им "Информационному Вестнику".

Прошу всех, кто желает и впредь получать информацию, которую он до недавнего времени черпал из "Сообщений", списаться об этом с Е. В. Зеленским по адресу:

Mr. Eugene Zelensky
PO Bpx 3746
Kingston, NY 12401
USA
Телефон: (914) 658 8956. Телефакс: (914) 658 3256

Передавая эстафету, выражаю уверенность в том, что распространение неискаженной и неприкрашенной информации в виду прямых выдержек из современной российской печати поможет нашей ответственно мыслящей церковной общественности найти пути содействия тому, чтобы не лег на нас тяжкий грех раскола и отказа в помощи Матери-Церкви в ныне переживаемые трудные времена. Протрем духовные очи. Сбросим шоры. Сорвем ярлыки несправедливых обвинений. Разберемся в том, что творится. Да поможет нам Господь Бог!

М. Н. Соловьева

ОТЧИЙ ДОМ

(Вместо предисловия)

4 декабря 1994 года умерла Мария Николаевна Соловьева, глубоко ценимый постоянный автор "Русского Возрождения" [1] и совершенно необычайный человек, поражающий своей внутренней собранностью и тем, что о всех и о всем она говорила почти весело и только хорошее. А в жизни ее было все: эмиграция и возвращение, ссылка и высокое признание ее научной деятельности, горечь потерь и умиротворяющий поэтический дар и всегда неизбывная любовь к России.

Посылая нам в редакцию биографические данные о себе, Мария Николаевна писала, что родилась в эмиграции, в китайском городе Чанчунь. Среднюю школу окончила в Ходженте (Таджикистан), геологический факультет Среднеазиатского университета - в г. Ташкенте. О том, что произошло между этими событиями, можно судить по ее стихотворению "По скованному морозом городу чужому..." (см. ниже). Она писала, что работала геологом в Ташкенте, что принимала участие в научных экспедициях в Тянь-Шане, Северном Памире, пустыне Кызылкум, в Арктике, а также в северных и центральных областях России. Затем Мария Николаевна жила и работала в Москве, где многие годы одна ухаживала за смертельно больной, прикованной к постели матерью. На 40-й день смерти матери, в день Введения в храм Пресвятой Богородицы, с любовью и честью донеся до конца свой тяжелый жизненный крест, она мирно отошла ко Господу.

[1] См. "Русское возрождение" № 55-56 и № 57.

Мария Николаевна не считала себя поэтом, для нее стихи были просто одной из форм ее жизни, необходимой "отдушиной". Но "...вдумчивость и глубина миропонимания, наконец, религиозное осмысление жизненных впечатлений..."[2] делают ее литературное творчество изумительно тонким и чутким выражением как собственных, так и чужих переживаний (например, "Парафраз", см. ниже).

Знать Марию Николаевну, иметь возможность послушать ее была великая честь, большая радость и захватывающе интересно.

Поздним ноябрьским вечером 1994 года мы уходили от нее с баночками клюквы и новыми стихами. Мы не знали, что больше ее не увидим. Вечная ей память!

Н. В. Корниенко и М. А. Холодная

I

Вхожу в Отчий дом,
Минуя десятилетия
Скитаний по черному свету.
Вхожу,
ломая
запреты.
Звоню, в парадном обрушивая тишину.
Вхожу.
В комнате угловой киот,
И лампада неугасимая памяти
Швыряет меня в невосстановимое,
Когда не в райских кущах,
А в этом доме жили,
Когда не про нас "в рассеянии сущие"
говорили.
Последняя из гнезда родного
Касаюсь половиц Отчего дома.

[2] Там же.

II

Елка от Деда-Мороза
В серебряном инее блесток,
Пахнущая снегом,
С мерцающей Вифлеемской звездой.
В сплетениях веток
Ангел с раскрытой книгой,
Балерина в немыслимом прыжке,
Хлопушка и арлекины
На тоненьком радости волоске.
Там терем под ватной крышей,
И бусы в бриллиантовых искрах,
И трепетный свет свечей...
Я рисую далекого детства картины
На размытом песке.
В них закаты и солнца восходы,
И заморские города,
И дедушка жив мой,
И еще не пришла беда.

III

Суждено было дважды
Проститься с отчим домом.
Первый раз - в городе за кордоном.
Теперь - с домом окнами на Неву,
Где стены с досками в память
Некогда живших,
Что грезятся мне, чьей судьбой живу.
В этой квартире, где прежней жизни обличье,
Громадная зала,
И девичьи лица все в вальсе кружат.
А за окном - в черных бушлатах -
Красногвардейский отряд.
В доме этом все тлен и вечность,
Но елку украсят и нынче, в сочельник,
И будут с нами тени блокадных ребят.
А с портретов глядят родные,
Но молчит тети Оли рояль.
Суждено было дважды
Проститься с отчим домом.
Первый раз - в городе за кордоном,
Теперь - с домом окнами на Неву.

IV

Как птица, что, повинуясь зову,
В древний пускается путь,
Я возвращаюсь
к старому гнездовью.
Каликой перехожей неузнанной пройду,
Скорбного нашего дома
Порога коснусь.
Птицей, что, повинуясь зову, -
К родимому гнездовью.

V

Опадают деревья.
В золоте отчеканенные
Маленькие солнца - листья
Падают на остылую землю.
Пахнет горькостью винной
Прибой из листьев у обочин дорог и дворов.
Я с рассветом холодным
Всякий раз прихожу в этот мир впервые.
Восстаю ото сна.
Иду по лесам в золотом огне солнцепада.
Осень, осень...

VI

Единственный на белом свете дом,
Куда мечталось возвратиться,
Где парусников белокрылье
на полотне, что в раме золотой.
Там марши дребезжат старинные часы,
Там так сияют арки окон,
Но тем, кто в этом доме жил,
Давным-давно к нему
Заказаны пути.
Ведь только ветрам на круги своя,
единственным, дано вернуться.
Родимый дом,
Родимая земля
Их только памятью могли коснуться.

VII

Полегли в могилы
В стране света - чужбине,
Далеко от земли, что вспоила, вскормила,
Что целую жизнь снилась.
Как хотелось с ветром вольным
Полететь в родной город,
Коснуться стен отчего дома,
Войти и стать на пороге...

Мне дороже сокровищ мира
Образок, что бабушка подарила,
С ликом юного святого -
Целителя Великомученика Пантелеймона -
Пусть хранит от боли, от мора...
Но молю святого:
- Не исцеляй меня, всемилостивый,
От боли моей беспощадной
По канувшей в Лету России,
По отчему дому,
По родным, в "рассеянии сущим",
От памяти, что - русские.

1992 г.

Я - эхо тихое
Разлук с родимым краем,
С родимыми, которых я не знаю,
Чьи жизни, как моя, обагрены бедой.
Не ведаю, кто жив, кто похоронен...
И где...
Зову и жду, хоть затерялся след.
Но горний свет
В опору мне,
И мне в обереженье.
И мрака - нет!

1993 г.

Мы были так одиноки...
Другом был лишь папин знакомый.
Китаец. Му-Вин. Володя.
Он приходил в гости
Поговорить с папой по-китайски.
Коле он пересказывал сказки
Еще эпохи Мин,
Рисовал забавные персонажи
Классического китайского театра.
В тридцатых же не стало ни Коли, ни папы,
В тридцатых дети в один день взрослели,
В сороковых уходили в солдаты
И рано седели...
Я с детства была одинока
И часто в ненастье
Доставала рисунки китайских театральных героев
И пересказывала сама себе
Эпохи Мин сказки.

1990 г.

"Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту".

Н.В. Гоголь

По скованному морозом городу чужому
Извозчик вез нас в предписанный кем-то
Пункт пребывания - синоним преисподней ада.
В ларьках в каленый мороз торговали квасом,
И все пили его из глиняных стаканов,
А я, фантазерка, вкушала
Из дедовского бокала,
Где на массивном стекле протерты силуэты оленей.
И приветственно маленький олененок
Цокал хрустальным копытцем,
Разглядывая меня сквозь оснеженные ветви.
А в городе чужом восходило утро.
Синие струйки дыма истаивали в небо.
И выстраивались вдоль тротуаров очереди за хлебом.
Старый, седой извозчик, бывший профессор права,
С облучка оглядывался на нас и почему-то плакал...
И молчали мама и папа.

ВЕНОК

I

Смиряясь, твержу:
- Да будет вовек осиянно
Все, чем живу.
Боль, что завещана мне
В награду,
Свято храню.
И память
О тех,
Что страдали на этой земле,
Изгнанниках ада,
Сгоревших в кромешном огне
Тоски и боли
Об отчем доме,
По отчей земле.

1986 г.

II

Эту скорбь, что завещана Вами,
Принимаю, как дар.
Гениальный, до последнего вздоха русский,
Живший среди нас,
Говоривший с кем-то по-французски,
Читавший газеты,
В которых ни слова об Орловской губернии.
Все знавший
Всего беспощадней о жизни,
Что не вернуть вовек,
Нам завещавший и мрак и свет.

1986 г.

III

Вздувает ветер паруса портьер,
Струится свет зеленый
Сквозь стекла квадраты.
А в зале настежь двери на балкон...
О, милые, родимые пенаты.
Идешь в поля,
Где в трауре земли
Уж зеленей дороги пролегли,
А облаков плывут нагроможденья,
И леса даль в лиловом озареньи
И первозданна в мире тишина.

1986 г.

Ах, Мценск, где непролазны грязи.
Лучи дорог за горизонт,
За городскими огородами
Полей струящийся простор.
Здесь по ночам в окне повиснет
Провинциальная луна,
И даже в нашем шумном веке
Здесь тишина.
Здесь чай нетороплив под липами,
Когда весна,
Здесь под печальным низким небом
Снега, снега...
И все мне любо в зимнем Мценске -
И скрип полозьев, и тоска,
И благовест далекой церкви.
Земля моя...

ПАРАФРАЗ

Шел второй год изгнания. В Париже, в лето 1922-го стояла нестерпимейшая жара. На рю Жак Оффенбах день-деньской билось о нагретые тесные стены эхо рожков автомобилей и криков продавцов газет. Новостей было много, и газеты стремились поспеть за ними.

К вечеру квартиру на пятом этаже в доме номер один по рю Оффенбах заливало тревожным светом каждый день сгоравших закатов; потом в остывающем небе начинали гоняться стаи черных кладбищенских галок. Точь-в-точь как когда-то в Васильевском... Там, рядом с погостом, был молодой березовый лес, за которым, и чуть правее него, поляна, спускавшаяся прямо к оврагу, где начиналась тихая, поросшая глухой крапивой по обвалистым берегам, самая недосягаемая теперь речка.

- Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой жили в то время, не вернется уже вовеки.

Ах, как пели косцы в этом лесу, легко и "бездумно лишая его густых трав и цветов...".

Коли лучше найдешь - позабудешь,
Коли хуже найдешь - пожалеешь!

Какая неистовая радость рвалась, летела навстречу высокому, таявшему в синей бездонности небу. Не верил, не мог верить певший в то, что "...все пути мне, молодцу, заказаны...".

Вот уж и в комнатках на рю Оффенбах раздались, раздвинулись стены и нет их, чужих, оклеенных по чьему-то вкусу веселеньким ситцем обоев. И звенит, и бьется над березовым лесом и поляной, сбегающей к оврагу:

Закатилось солнце красное за темные леса,
Ах, все пташки приумолкли...

И оплакивает себя человек, всей душой не веря в эту скорбь, откуда ни пути, ни дороги:

- Ты прости, прощай, родимая сторонушка, потому что нет ему, поющему, разлуки с его родиной...

И сам Бунин знал и всем сердцем верил, что, "куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг - беспредельная родная Русь...".

Давно погасли последние всплески заката. Под окнами на рю Оффенбах зажглись фонари, упала тьма кромешная на далекую поляну, и только маленькая полоска света над тем местом, где только что страшно сгорело солнце, напоминала об ушедшем дне.

Еще одном дне в этом, втором году изгнания...

В. Белов

ПО МОТИВАМ СЕРБСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Кажется, даже славянофилов "острый галльский смысл и сумрачный германский гений" интересовали больше, чем сама славянская история и славянская культура. Если это так, то что же там говорить о ярых поборниках европоцентризма? Или о наших так называемых Западниках и их марксистских продолжателях, семьдесят лет распоряжавшихся воспитанием юношества.

Впервые о прекрасной и трагичной сербской народной поэзии я услышал на лекции проф. Артамонова, будучи студентом Литературного института. Кровавая и неизбывная драма Косова поля во многом перекликается с битвой на Куликовом поле. Русский фольклор, исключая, может быть, "Сказание о Авдотье Рязаночке", отозвался на Куликовскую битву эпической суровостью и былинной сдержанностью. В них, как мне представляется, нет таких поразительно горьких образов, которые сквозят в сербском фольклоре времен турецкого ига. И совсем не случайно эти образы настигли таких разных людей, как Мериме и Пушкин.

Житейская суета вроде бы навсегда заслонила от меня сербские народные песни. Но однажды проф. Белградского университета Радмило Мароевич подарил мне свою книгу, в которой он рассматривает специфические вопросы ритмики в переводах сербской народной поэзии, сделанных Александром Христофоровичем Востоковым. Сличая след в след за Мароеви-

чем тексты Востокова с подлинными, я вдруг почуял профессиональный интерес... И вот, может быть, излишне самонадеянно предлагаю читателю два своих стихотворения, написанных по мотивам сербских народных песен.

Разумеется, этот интерес возник у меня на фоне нынешней югославской трагедии. Я восхищен мужественной борьбой сербов, окруженных со всех сторон врагами. Мне стыдно за предательство сербов нашими новыми властями.

Ниже мы печатаем стихи В. И. Белова "По мотивам сербских народных песен". Высоко оценивая стихи, мы, однако, не можем согласиться с автором в его оценке традиционного отношения русской мысли к сербскому народному эпосу. В данном случае Пушкин с наибольшей чуткостью подошел к этой теме в "Песнях Западных Славян". Отношение русской традиции к сербам, вопрос очень сложный, как и современная сербская трагедия.

РЕДАКЦИЯ

Братья Якшичи*

I

Где ангелов хор неустанно поет
В лазури небесного края,
Серебряный месяц замедлил полет,
Дневную звезду упрекая:
"В какой же нужде иль потребе
Два дня тебя не было в небе?"
Денница - звезда говорила в ответ:
"Тому и сама я не рада,
Что встретила дважды я Божий рассвет
В пылающем небе Белграда!
Едва от стыда не сгорела дотла,
Такие в Белграде творились дела..."
В самой середине недружеских стран,
Справляя отцовскую тризну,
Родимые братья Димитр и Богдан
На две поделили Отчизну.
И рощи и пни по зеленым полям,
И храмы, и крепости - все пополам!

* Братья Якшичи - национальные герои сербского эпоса.

2

Не ведают братья, ни тот, ни другой
Стремленья к отцовскому злату,
Но сивый соколик да конь вороной
Нужны были каждому брату.
Понурились лошадь и птица,
Нахмурились братские лица.
Свое старшинство вспоминает Димитр,
Хватаючи плетку воловью.
А младший - охотник. И тем знаменит.
Глаза наливаются кровью:
"Плетьми и жену не научишь.
Не дам! Ничего не получишь".
Под утро, покуда Богдан в полусне,
Димитр снарядился в долину,
Гарцует у дома на черном коне
И кличет жену Ангелину:
"Жена! Ты Богдана отравишь,
Иль дом мой навеки оставишь!"
Проснулся и гневно затряс клобуком
Привязанный за ногу сокол.
Но кто Ангелину облил молоком,
Димитра гранатовым соком?
Небесная тайна сокрыта...
Вдали простучали копыта.

3

Кукует кукушка в зеленом саду,
Вещает сердечную стужу.
За что Ангелина попала в беду?
Верна она Богу и мужу.
Теперь ей одна лишь дорога,
Где нету ни мужа, ни Бога...
С отцовскою свадебной чашей в руке
В подвал Ангелина ступила.
Ей чудится свадебный звон вдалеке.
Спаси ее крестная сила!
Запенилась чаша червленым вином
И в жмурки играет с неверным огнем.
В покои к Богдану невестка идет,
Не чуя дверные пороги,
Десницу целуя, вино подает
И падает деверю в ноги:
"О, брат богоданный, в сиянии дня
И ночью храни тебя Боже.
Отдай мне, Богдан, вороного коня
И сивого сокола тоже.
Одни соколиные крылы
Меня заслонят от могилы!"

4

Невестке подарены птица с конем,
Златая не принята чаша...
Светлее под вечер степной окоем,
Темнее древесная чаща.
Комарики около уха,
В суме ни пера и ни пуха.
И зрит златоперую утку.
Соколик летит, как полуночный тать,
Он роет и пенит озерную гладь.
Но малая утица смело и зло
Сразилась в буране игристом...
Сломала десное соколье крыло
И прочь улетела со свистом.
Богатый наряд полетел сгоряча
Под ноги коню с удалого плеча.
Закат отгорел за холмистой грядой,
Лесная затихла округа.
Охотник плывет и плюется водой,
Спасает крылатого друга:
"Цела ли, мой сокол, твоя голова?"
И сокол пищит виновато:
"Цела. Да крылу без второго крыла
Все то же, что брату без брата".
И краткая мысль про Богдана
Сверкнула как сталь ятагана.

5

Не черная молния выбила гром,
Не серая плачет волчица,
То Якшич Димитр на коне вороном
Себя проклинает и мчится.
На самом виду у Белграда
Коня охладила преграда.
Пощады не велено ждать от судьбы
Под властной рукой человека...
Заржал вороной, поднялся на дыбы.
Гремит переправа Чекмека.
Речная хозяйка, волною звеня,
Сломала передние ноги коня.
Зарделся восток широко и светло,
Взрывается в крепости кочет.
Снимает Димитр дорогое седло,
И конское горло клокочет.
Померк фиолетовый глаз Боронка,
Уносит кровавую пену река.
Димитр, не тужи о коне вороном,
Страшнее сердечная рана,
Ты видишь, жена не покинула дом
И значит сгубила Богдана...
Димитру на свете не хочется жить,
Жена из Белграда навстречу бежит.
Слезами блестит на Дунае струя,
Морава притихла и Дрина.
“Мой ладо, тебя не послушалась я,
Прости, - говорит Ангелина. -
Я брата зельем не травила,
Я брата с тобой помирила”.

Девушка и солнце

Кто это в поле, как дома позорится?
Тих и безоблачен день.
Красная девица с солнышком ссорится,
Тень наводя на плетень.

Тешится, что ли, чужими побасками,
Чешется ль злой язычок?
“Солнышко! Я тебя краше и ласковей!”
Солнце на небе - молчок.

Думает солнышко: “Пусть перебесится”.
И уплывает в зенит.
“Краше звезды я и белого месяца!” -
Голос девичий звенит.

Солнце стыдливо проходит сторонкою,
Новый крадется рассвет.
“Господи, с этой пустою девчонкою
Не было сладу и нет”.

“Чадо! - Господь успокаивал солнышко, -
Светлое, тужишь о чем.
Каждую травку и каждое зернышко
Греешь ты жарким лучом.

Что ж ты укрылось за тучами хмурыми,
Выгляни к девице вновь,
Выкрась лицо ее пятнами бурыми,
Выбели черную бровь”...

Татьяна Ильина

ВЕСНА

Папку с рукописями Татьяны Ильиной предоставила редакции "Русского Возрождения" ее многолетний друг и коллега по университету Татьяна Николаевна Мурзина, которой мы выражаем свою глубокую признательность.

Об авторе известно немного: родилась в Советском Союзе, в годы войны оказалась в Германии, в конце сороковых годов эмигрировала в США. По образованию - химик, была профессором Университета Штата Майн. Похоронена на русском кладбище в штате Вермонт.

Содержание полученной нами папки - опыт собственной жизни в очерках и рассказах, которые Татьяна Ильина написала за годы своего пребывания в Америке.

Из весьма значительного количества материала и очень широкого диапазона тем для этого номера журнала мы отобрали два рассказа, точнее, может быть, просто два сюжета, написанные доныне неизвестным в литературных кругах автором.

Да будет ей легка чужая земля в далеком Вермонте и да будет помянуто имя ее в любимой ею России.

РЕДАКЦИЯ

"Смерть можно будет побороть
Усильем воскресенья".
Пастернак

По крутым временам, когда везде подстерегают злоба и ужас, трудные случаются весны: безжалостные, лютее лютой зимы. Как обычно, торжественна и прекрасна синь неба, в оврагах покрытые трогательным пухом гибкие ветви вербы, и пенье ручьев, и манит даль подсыхающей дороги, но все это - милое и памятное - подобно родине и детству, не в радость. Еще хуже - от воспоминаний о невозвратном лишь сильнее одолевает уныние.

Так было первой весной войны, когда казалось, что смерть взяла власть над миром и ее могуществу не будет конца. В городе открывались заколоченные двери церквей, шли великопостные богослужения. Становясь на колени, люди просили о терпении и любви и чтобы взят был от них гибельный дух уныния.

Прежде в городе были три церкви. Одну еще в начале 30-х годов, сорвав купол, превратили в клуб железнодорожников. Другую переделали в театр. И только старинный, XV столетия собор, закрытый в последнюю очередь, постигла лучшая участь. Он остался снаружи совсем нетронутым, как стоял пять веков, с куполами и даже с крестами на них. Разгрому подверглась лишь внутренняя часть его: был уничтожен иконостас и все иконы, разграблена церковная утварь, разбито паникадило, снизу на стенах - где легче достать - была уничтожена и осквернена древняя роспись. Около двух лет в соборе держали сваленные за негодностью старые автомобильные шины.

Когда в городе появились немцы, жители выкинули шины, алтарь отделили занавесками, принесли из дому иконы, кто-то сколотил престол, кто-то вытесал крест... В Великом посту в соборе возобновились богослужения. Служили только днем в силу необходимости - многие жили далеко, с девяти часов начинался полицейский час, была взорвана электростанция, и город оставался без света, да и свечей для храма было негде достать.

Застоявшийся запах резины так и не выветрился и наполнял все углы. Тонули в полумраке ободранные стены. Древние лики печалились со сводов. Поблескивало осколками паникадило... Людей приходило много - приходили свои, но приходили и немцы. Русские крестились, громко вздыхали, иные плакали. Немцы сразу вытягивались во фронт и так, неподвижно, простаивали до последнего возгласа. Собор, без счету видевший тоску и скорби, и в эту годину лихолетья опять помогал человеческим душам.

Батюшка отыскался в пригороде - его вовремя скрыли, потому уцелел.

"Да как же я? - возражал он сперва, - разве я могу? Девятый десяток доживаю, сами посудите. Ноги еле держат, и в голове другой раз вроде туман... Конечно, все эти годы, что жил потайно, и крестил, и венчал. Что ни попросят, бывало, всякую требу... как же! Но теперь совсем уж ослабел. И одно дело, знаете, дома - иное в храме. Прямо скажу - опасаюсь. Выйдешь со Святыми Дарами, а ноги-то подкосятся - что тогда? Страшно!"

Но посмотрел на понурившиеся головы, и сверкнуло что-то в старческих глазах, и согласился. "Пойду".

И стал служить ветхий, весь белый от многих лет отец Николай, начав с трудных служб великопостных. Все выходило у него хорошо и благолепно, так хорошо, что забывались и нищета храма, и бури моря житей-

ского за его стенами. Одного не мог отец Николай - класть земные поклоны. Огорчался этим. Воздев слабые руки, говорил: "Господи и Владыко живота моего..." - и плакал, и вся церковь как один человек плакали вместе с ним. А проповеди говорил просто - будто и не проповедь, обыкновенный разговор. Очень всем нравилось. Послушаешь - тихо станет так, спокойно. И кажется, что в целом мире тоже тишина и покой.

Отошли шесть покаянных недель, и настал радостный день Ваий - "пальмовых ветвей" - Вербное Воскресенье. К празднику готовились, раздобыли даже немного свечей. На дворе с утра светило яркое солнце, его лучи, дробясь в цветных стеклах окон, загорались алмазами на окладах икон, на новой ризе отца Николая, осыпая серебром "барашки" приготовленной к раздаче вербы. Подрагивали огоньки свечей, падали желтые капли, от них сладко заносило воском, и казалось - нет больше отвратительного запаха шин.

Народу было почти полная церковь. Отец Николай дочитывал Евангелие, когда в открытые двери вошла группа в человек восемь - десять очень молодых юношей и девушек. Пошептавшись в углу, они быстро протолкались вперед и втиснулись между стоящими за миропомазанием и вербой. Получив по веточке, они исчезли, но через минуту снова появились в веренице медленно продвигавшихся к середине храма молящихся. На них обратили внимание, стали присматриваться. С новой вербой в руках они сбились в кучку за дальней колонной и после короткого совещания вынырнули в общей толпе уже в третий раз. Теперь вели себя развязно, усмехались и даже делились вполголоса впечатлениями.

- У тебя только три? А у меня пять!..

- А мне сразу три дал...

Задуманное бесчинство выходило как нельзя лучше. Удача придавала духу...

- Опомнитесь, как не стыдно! - сказал кто-то вы-

сокому пареньку в пиджаке и обмотанном вокруг шеи форсистом шарфе, который, не переставая глупо улыбаться, усерднее других пробивал себе дорогу. Парень глянул дико и еще крепче прежнего заработал локтями. Шарф размотался, задел концом горящую свечу, вспыхнула бахрома... Когда в людях создается напряжение, достаточно любой причины, чтобы произошел взрыв. Молодые безобразники, зная, что обратили на себя внимание, чувствовали себя напряженно.

- Ай! - вскрикнул парень. Его товарищи не видели в чем дело, они только слышали крик.

- Ай! - визгом ответил девичий голос... и они кинулись куда попало, без цели, без смысла. Кого-то сбили с ног. Зашатался подсвечник, посыпались на пол прутики вербы... На минуту смятение сделалось общим. Не растерялся один отец Николай - обеими руками он поднял высоко над головой Евангелие и пошел в алтарь. Шел, и перед стариком расступались люди, и к людям возвращалось присутствие духа. Мужчины, взявшись за руки, оградили цепью середину храма; затеявшая бесчинство компания была оттеснена; вслед за тем их не стало.

Наступило трудное молчание. Все ждали выхода священника, его слова. Всем казалось - оно прозвучит обличительно, грозно, и ни в чем не повинным придется слушать с трепетом. Случившееся - наглая комсомольская выходка - обладала трагическим смыслом. Восемь месяцев не было уже в городе комсомола, не было пропаганды безбожия, но они и отсутствуя продолжали руководить молодыми душами... Что могло быть хуже? Разве это не призрак гибели - неминуемого конца?!

Все опустили головы, когда отец Николай вышел на амвон, чтобы говорить. Но он и не начал еще, только вздохнул глубоко, только перекрестил дрожащей рукой широким русским крестом притихших людей, как

им сделалось понятно, что они ошиблись, со страхом ожидая горьких укоров и угроз. Люди тоже вздыхали, поднимали глаза. А старик говорил; как всегда просто, но всякому казалось, что слышит ответ на собственные сокровенные мысли, что один этот ответ правильный.

Он говорил:

"Думаете - кончено? Слишком глубоко проник яд, смертельно отравлена Россия, нельзя помочь? Что мы здесь, в этом изувеченном храме, жалки и ничтожны? Что наша попытка возродить прежнее будет предана забвению, потому что нет больше веры? Что ужасно, но она убита! Так думаете вы... Но вы забыли главное: кроме жизни и смерти, есть еще то, что важнее и жизни и смерти, - чудо Воскресения. Почему вы испугались смерти? Не бойтесь - ее свирепость свидетельствует о ее же слабости. Не перед весной ли разыгрываются наиболее жестокие бури? Юные разрушители, кинувшие вам в сердца семена отчаяния, - такая буря. Это гибель? Нет! Разбудите в себе силу веры в чудо, и злые семена не прорастут, и увидите - нет смерти! Увидите удивительное: кто отрекался - поклонится, кто хулил - подымет, сохранит...".

В этот праздничный день весеннего солнечного неба и ужасов войны люди в занятом немцами городе уходили после обедни в древнем разграбленном соборе задумавшись. День прошел, а за ним другие дни, другие весны... Умер отец Николай, не стало многих. А те, кому написано было на роду пройти через трудные годы, увидеть, узнать, как на родной земле разгорается и побеждает казавшаяся уже убитой жажда чуда и вера в чудо, как склоняют головы хулитель и отрекшийся, - те часто вспоминают давнее Вербное Воскресенье - запах шин, редкие огоньки свечей, рассыпанную по полу вербу... печаль и растерянность... и бодрящие слова старого священника о победной силе воскресения.

СЛУЧАЙ С ХИРУРГОМ

Посреди комнаты на носилках лежал покрытый фланелевым одеялом высокий худой человек. Его глаза запали, нос заострился, и все лицо, без кровинки, казалось лицом мертвого. Из-под одеяла выглядывал ворот форменного френча с красным кантом: лежащий был энкаведист.

Около носилок стояли двое в таких же френчах и фуражках: один - старший чином и летами, с серебром на висках, другой - молодой.

Старший откинул одеяло. У человека на носилках френч был на груди запачкан кровью, с левой стороны в сукне чернело небольшое отверстие.

Иван Андреевич опустился на колени, расстегнул пуговицы и поднял глаза на ординатора - тот торопливо подал ножницы. Доктор разрезал ставшую коробом от запекшейся крови рубашку и приложил ухо к груди казавшегося мертвым человека. Выслушав, встал, осторожно натянул одеяло на прежнее место.

- Он жив. Но огромная потеря крови. Кроме того, пуля, по-видимому задела...

Старший с седыми висками резко прервал:

- Мне незачем знать, что она там задела. Спасти можно?

- Нужна немедленная операция. И переливание крови. Гарантировать благополучный исход я не могу.

- Немедленно оперируйте.

* * *

Человек с седыми висками прошел по комнате и остановился у окна, за которым уже серело утро. В кабинете они были только вдвоем. Иван Андреевич, все еще в халате, сидел у стола. Он очень устал: трудная операция, бессонная ночь, огромное нервное напряже-

ние выжали из него все силы; возвратясь из операционной, он почувствовал, что с трудом держится на ногах, и сразу же сел.

Энкаведист отошел от окна и сел напротив.

- Вот что, доктор, - в его голосе тоже прозвучало утомление ("и он устал", - деревянно подумал Иван Андреевич) - слушайте, пожалуйста, внимательно, это важно... в частности, для вас самого: этого человека надо спасти. Понимаете - надо. И я поручаю его вам. Теперь так: придя в сознание, он, наверное, будет пытаться срывать повязки, убить себя каким-нибудь способом... Если ему удастся, ответите вы. Дальше. Вы никуда не выйдете из больницы, пока больной будет здесь, пока не поправится настолько, что мы сможем его увезти. Никуда не выйдут и люди, помогавшие вам оперировать, молодой доктор и сестра. Ответственность за точное выполнение всех моих распоряжений возлагаю опять-таки на вас. Вам все понятно?

- Все.

- Хорошо. У вас есть семья?

- Да, жена и дочь.

- Вы позвоните жене сейчас, в моем присутствии. Скажите ей, что должны неотступно находиться при тяжело больном и домой приезжать в течение нескольких дней не будете. Вы сможете говорить с женой при мне каждый день, чтобы она и вы не волновались.

- А мой ординатор?.. Сестра? Они тоже семейные.

- Что разрешаю вам, разрешу им. Позовите их. Кстати, все вы должны подписать эту бумагу... что обязуетесь молчать об этом больном и вообще... Да, еще одно: в палате я устанавливаю стражу. Часовой будет сменяться каждые шесть часов, четыре раза в сутки.

Энкаведист с седыми висками уехал с первыми лучами солнца. Когда за ним закрылась дверь, ординатор участливо наклонился к продолжавшему сидеть за столом хирургу.

- Иван Андреевич, вам надо отдохнуть. Ложитесь, постарайтесь поспать немного. Мы с Ольгой Николаевной присмотрим за ним... Если будет нужно, мы вас разбудим.

Иван Андреевич посмотрел ему в лицо и невесело улыбнулся.

- Спасибо, голубчик, хорошо, я лягу... Спасибо. Вот так история, Виктор Ильич...

- А вам известно, кто он...

- Нет, конечно.

- Сам начальник НКВД.

- Почему вы так думаете?

- Я не думаю, я знаю. Мне его как-то наш парторг Никитин показывал. Мы вместе по улице шли, где НКВД, а этот, что вы оперировали, в автомобиль садился... Мне Никитин и сказал, кто он. Я его сразу узнал, только принесли... у меня память на лица хорошая. Оттого и шуму столько.

- Стрелялся?..

- Понятно. Теперь повсюду чистка идет, и в партийном комитете, и в исполкоме, везде люди в трубу летят; у них - тоже. А такому попасть в подвал похуже, чем нам, грешным... Наизнанку, говорят, выворачивают. Вот и пустил пулю, да сплоховал маленько...

Иван Андреевич поднялся и пошел к дивану. Ординатор вышел. Но доктору не удалось заснуть - от усталости сна не было. Он провалялся около часа, встал и пошел в палату, где лежал стрелявшийся чекист. Там, в углу у окна, маячил дежурный часовой, около койки стоял ординатор. Больной находился между жизнью и смертью двое суток. В ночь на третьи ему полегчало.

Все время, пока чекист был при смерти, хирург чувствовал, что и его собственная жизнь висит на тоненьком, готовом оборваться волоске. Это ощущение изменило в Иване Андреевиче не только душевное со-

стояние, но и пути мышления, и даже потребности тела - подобным образом меняется блестящая и гладкая поверхность металла от пролившейся на нее крепкой кислоты... Стали странно ненужными сон, еда, питье; отодвинулись куда-то далеко и радости и заботы. Мысли? Их, в сущности говоря, почти не было - он думал только о пульсе, температуре, кислороде... Это было отупение, как от сильной боли, - высшая форма напряжения, которую в состоянии выдержать человек.

Третью ночь, когда чекисту сделалось лучше, Иван Андреевич тоже не спал. Он придвинул свое кресло к койке и просидел около больного с полуночи до рассвета. На стене напротив под матовым белым колпаком тускло горела небольшая лампочка; за спиной в углу на стуле безмолвно бодрствовал часовой. Изредка он шмыгал носом, поскрипывал туго затянутый пояс, звякали кольца, к которым прикреплялся ремень винтовки.

Стрелявшийся лежал пластом. В полумраке лицо его казалось составленным из одних острых углов - подбородка, скул, носа, надбровных дуг - и продолжало быть мертво-песочным. Но дыхание стало заметнее, ровнее, пульс прощупывался уже легко - смерть отступала, побеждала жизнь.

В начале третьего больной с усилием двинул головой и открыл глаза. В его взоре сверкнуло проснувшееся сознание. Первые несколько мгновений им владела одна лишь глубокая радость жизни - она зажгла улыбку в глазах этого возвращенного к существованию человека и отразилась такой же улыбкой у другого, в кресле напротив... Но вслед за этим заработала память, пришло понимание. Искра радости потухла, сменившись жестокостью, как в глазах у затравленных зверей. Он напряг силы, чтобы рвануться... хирург перехватил намерение, не дал ему осуществиться - вскочил, взял больного за плечи и прижал их к постели. Теперь они

снова смотрели в упор друг на друга, но были уже враги. Часовой тоже встал и подошел к койке. Все молчали. Чекист заговорил первым:

- Уберите руки. Я буду лежать тихо.

Иван Андреевич медленно отпустил его плечи и выпрямился. Чекист спросил:

- Я в больнице? Вы доктор?

- Да.

- Вы спасли меня от смерти?

- Да.

Он скривил рот. Иван Андреевич случайно взглянул на стражника, у того на лице был страх... Чекист закрыл глаза и больше не двигался и не говорил.

Доктор подождал немного и произнес, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже:

- Теперь вам надо поесть. Я распоряжусь...

- Я не стану есть.

- Это необходимо...

Он не ответил. Доктор нажал кнопку звонка; когда вошел ординатор, отвел его в сторону и тихо сказал:

- Сейчас же позвоните... вот номер и фамилия... Доложите: пришел в себя... Только сейчас же.

Энкаведист с седыми висками приехал через несколько минут, приказал всем покинуть палату и остался вдвоем с больным. Выйдя, обратился к Ивану Андреевичу:

- Все в порядке: будет есть. Кормите получше. Не забывайте - вы за него отвечаете по-прежнему... теперь, когда опасность миновала, даже больше. Понимаете? А часовой пусть сидит около кровати, не под окном. Я уже велел ему.

Утром больного кормили, а Иван Андреевич стоял рядом и смотрел. До сих пор этого чекиста, безмолвного и неподвижного, он воспринимал как сложную задачу, как трудное испытание не только своих знаний и способностей, но и сил, выдержки в двойном поединке со смертью: за порученного ему умирающего

и за самого себя. Вид больного, его человеческая оболочка мало занимали доктора - не все ли равно, какое тело, если в нем с минуты на минуту грозит погаснуть неверный огонек жизни?.. Теперь огонек окреп и разгорался - на койке лежал живой человек... существо, которое совсем недавно и, возможно, в течение многих лет без страха посылало на пытки и мучительную смерть сотни людей, но в страхе кинулось искать выхода в пуле, как только угроза тех же пыток и мучений встала перед ним самим. К внешности такого существа уже нельзя было относиться безразлично. Хотелось знать, что за внутренний мир скрывает эта внешность? В какой мере она его отражает?

Иван Андреевич старался ответить себе на эти вопросы, но не мог. Человек, лежащий перед ним на больничной койке, ничем не выделялся среди тех многих людей, с которыми доктору приходилось встречаться ежедневно. Он был худ и, как большинство тяжелобольных, вид имел утомленный и равнодушный. Вспышка жесткого страха, зажженная проснувшимся сознанием, погасла и больше не возобновлялась. Теперь он смотрел с однообразной тупостью, изрядно только морщась, когда что-нибудь причиняло неудобство или боль. Такой остановившийся взгляд в палате хирургического отделения не редкость.

Нет, решительно ничего необыкновенного или значительного не было в наружности этого человека, ничто не говорило о его жестокости и преступности. Одно лишь: больной кого-то напоминал доктору, и это было неприятно. Кого?.. Иван Андреевич не отходил от больного целый день и все время тяготился навязчивой мыслью: на кого похож он, этот человек?

Вечером после ужина чекисту умыли лицо и руки и надели свежую рубашку; он устал и лежал, безжизненно вытянув поверх простыни исхудавшие коричневые руки, упершись взглядом в какую-то точку у

себя в ногах. Потом глаза его стали тускнеть, сужаться и сомкнулись. Иван Андреевич осторожно подошел к кровати: виски чекиста блестели от крупных капель пота, дыхание было ровным - он спал.

Доктор вдруг почувствовал: ему тоже безумно хочется спать. Он позвал Виктора Ильича, попросил не отлучаться из палаты и пошел к себе. В кабинете он опустил шторы на окнах, закрыл на ключ дверь, разделся и вытянулся под одеялом.

"Не надо думать. Необходимо отдохнуть. Да и о чем, собственно, думать? Все просто: чекист, мучитель. Инквизитор".

И, вопреки только что принятому решению, неожиданно сильно подумал: "Великий Инквизитор?.."

Но тут же с иронией спросил себя: "А разве у Великого Инквизитора могли быть такие вихры? Такие широкие скулы?.. Он, у которого в 90 лет не угасла огненная искорка, блеск в глазах, допустил бы к себе малодушество самоубийства?.."

Доктору стало смешно и досадно. Что за чепуха! Такие, как этот на больничной койке, обязательные сейчас в каждом городке его страны, самая глубокая и обыкновенная обыденность. Такие не задумываются над трудным вопросом, кому следует служить, не умерщвляют плоть в пустыне, чтобы достичь совершенства во имя любви к человечеству. Они - грязная накипь в котле человеческих страстей, мерзкое уродство - только всего.

Возникнувшее предположение показалось нелепым и по другой причине: Иван Андреевич никогда не тянулся к Достоевскому, а в "Легенде о Великом Инквизиторе", вернее, в отношении к ней самого Достоевского никогда не мог разобраться, да и не находил нужным.

Доктор принадлежал к числу людей простых душой, прямых и здоровых в мыслях. Он любил жизнь и

человека, ее проявление, а скверное, низменное в человеке всегда представлялось ему незначительным по сравнению со стремлением к любви, свободе и добру, которые, верил он, присущи человеку при его появлении на свет и служат бесспорным доказательством существования Бога и Его благой сути. Кто Он, где Он, Бог, - над всем или во всем, в каждой песчинке, - этого, считал Иван Андреевич, человеку, очевидно, не дано знать, и это его не тревожило, не вызывало сомнений и чувства безвыходности.

С детства Иван Андреевич привык верить в Бога старыми словами, что Он Тот, "Кого никто постичь не мог, Кто все собою наполняет", сияя в людях "величеством своих доброт". Этим, думалось ему, исчерпывается все. Так подумал он и сейчас. Привычная мысль успокоила. Мягкая пучина долгожданного крепкого сна наконец открылась и сразу же сомкнулась над сознанием.

* * *

Перед рассветом пошел проливной дождь, и его шум разбудил Ивана Андреевича. Он проснулся с радостным ощущением бодрости и лени во всем теле и продолжал лежать, прислушиваясь к частым звонким ударам дождевых капель о жесть сточного желоба. Кап, кап - стучали капли - кап-кап-кап, кап... От мерных звуков наплывал полусон, а в нем возникали неясные образы, что-то давнее, позабытое.

...Старый сарай, лопухи у входа. Тоже дождь, ливень и капли, как сейчас: кап-кап-кап... кап. И он - мальчишкой, Ванюшкой, с другим мальчиком схоронились от дождя. Другой - извозчиков Филька, высокий, худой, вихрастый... Ах, вот что! Вот на кого похож этот чекист, на Фильку! Ясно. Потому и неприятно.

Странный, нехороший был этот Филька. Никогда потом не встречал Иван Андреевич человека, на-

столько лишенного своего, собственного. Все, что говорил или делал этот мальчик, было повторением чужих слов и зависело от чьих-то желаний. Натвердят ему: надо бить Сережку, чтобы не ходил на нашу улицу, он черный - значит, цыганенок, а все цыгане - воры. И Филька безжалостно колотит Сережку, который вовсе и не цыган и ни разу в жизни ничего не украл. Правда, Сережке достается и от других, но те поколотят и бросят, жаль станет или просто надоест, а Филька будет упорно продолжать издеваться над несчастным черномазым ребенком до тех пор, пока в дело не вмешается посторонняя воля и не повелит Фильке оставить в покое свою жертву. При этом, однако, оказывается, что Филька уступает новому влиянию нелегко, не сразу: он упрям, усвоенную привычку возводит в принцип...

За такое противное сочетание внутренней пустоты с упрямством к Фильке относились с презрением и не любили его. Даже Филькина мать постоянно жаловалась на сына соседкам и на весь двор ругала его дубиной и иродом. Извозчик, Филькин отец, занимался им мало; однако в начале гражданской войны они вместе исчезли. "Революцию пошли делать", - говорили про них без особого одобрения на улице. Отец не вернулся, а Филька в скором времени опять объявился, но уже в новом виде: при нагане, с красным бантом на гимнастерке и рассказами о каких-то страшных неправдоподобных боях, в которых будто участвовал и отличился храбростью.

Слушали Фильку одни подростки, да и те иронически посмеивались, а все прочие жители событием вообще не интересовались. Потом Фильки не стало. Больше о нем Иван Андреевич не слышал.

...Чекист очень напоминает Фильку: такой же высокий, худой, те же светлые вихры, грубые скулы. Глаза?.. У этого серые с голубизной, у Фильки, кажет-

ся, были карие... Впрочем, уже забыл, может быть, и нет. Еще кажется - у Фильки был шрам на виске, у этого лоб чистый... Был шрам или нет?.. Э, стоит ли думать так много? Филька не Филька - все равно.

Доктор встал, оделся и пошел в палату. Чекисту явно становилось лучше. Кончился осмотр, за ним - завтрак. Опять - безразличный взгляд, бессильные худые руки, резко темнеющие на белой простыне. Теперь он часто закрывал глаза и подолгу оставался так, но не спал. Не пытался буйствовать, повредить себе... впрочем, это оказалось бы невозможным. Покорно ел и пил; было непонятно - почему? Наверное, тот, с седыми висками, сказал ему, пригрозил... Может, семья, дети... Кто их знает... Право, не стоит так много думать. А - думается.

Опять наступила ночь. В два часа Иван Андреевич сменил ординатора и остался в палате с больным и стражником. Эти дежурства были тяжелее всего, на них доктор тоже как бы превращался в стражника. Но так было приказано, рассуждать не приходилось. Он сел в кресло поодаль, спиной к окну, лицом к койке, и усилием воли заставил себя думать о статье, которую готовил к печати. Это успокаивало, отвлекало. Стражник как каменный сидел на стуле у изголовья, сжимая руками винтовку. Время тянулось. Часы показывали три, половину четвертого. Когда маленькая стрелка стала приближаться к четырем, чекист пошевелился, медленным движением захватил в кулак край одеяла и тоже медленно, с напряжением, сдвинул его со своей груди. И затих. Доктор встал, подошел к койке.

- Вам плохо?..

Больной слегка повернул к нему голову, но не ответил, не открыл глаза и снова застыл без движения. Иван Андреевич взял его руку, нащупал пульс. Веки больного дрогнули, губы шевельнулись. Доктор наклонился. Губы пошевелились снова, легкое дыхание кос-

нулось лица... и в этом слабом дыхании - он не услышал, нет, - ему показалось, померещилось:

- Убейте.

Доктор поднял глаза на стражника - тот тоже смотрел на него, но без любопытства или беспокойства... Человек на койке лежал спокойно, как прежде. Сказал он это слово? Нет?..

Доктор бережно положил руку больного, отошел и опустился в кресло. Сказал или не сказал... этот Филька не Филька?.. И, если нет, что меняется? Убить? Очень легко, один укол. Убить?.. Врачу?! Но какой он врач? Здесь в палате нет больного и врача, а есть жертва, обреченная на пытки и смерть в застенке, и подручный палача, которому приказано подготовить жертву для застенка. Подручный палача - он, христианин, доктор. Неважно, что обреченный - сам вчерашний палач, это роли Ивана Андреевича не меняет. А милосердие к поверженному?.. Куда девались все идеи, которым он поклонялся? Где они, что с ними... и с ним?

Ему следовало поступить не так. Следовало отказаться лечить. А теперь надо другое: убить. Сейчас, сию минуту пойти к себе, взять шприц, убить - во имя милосердия. Почему же он задумался над этим вопросом? Почему?! По одной лишь причине: страх. Проклятый страх за свою шкуру, за жену... за Таню. Больше всего за нее. Таня кончает школу, мечтает о филологическом... у нее такие ясные, светлые глаза с темным ободочком, совсем как были у бабушки, его матери. Чтобы счастлива была Таня... Но разве он одинок в своих мыслях? Нет, он как все обыкновенные люди, не герои... Все ли? Огромное большинство во всяком случае. Это утешение?

Он откинулся головой на высокую спинку кресла. Мысли, цепляясь друг за дружку, плели паутину, опутывали, давили мозг. Нет, недаром пришло вчера в голову... Великий Инквизитор - "кви про кво", но и

страшная действительность: великое заблуждение, что человеку тягостна свобода, что его истинное счастье в слепом подчинении. Темный соблазн! Он существует, ведет, покоряет, запутывает людей до такой степени, что они, тоскуя и мучаясь без свободы, начинают верить, когда называют свободой рабство, и, будучи закованы, кричат, что свободны... Не то ли получилось и с тем на койке? Великий Инквизитор, конечно, не он, было бы глупо и думать так. Но именно волей страшной силы отрицания свободы направлен он на дорогу зла. И сила эта не имеет ничего общего с любовью - пусть даже своеобразной - к страждущему человечеству, со стремлением к духовному совершенству, а переродилась в апостольство противопоставлений жестокого и недоброго добру. Так было и с Филькой: взяв наган, он пошел убивать, веря, что несет людям счастье. Филька был пуст, слаб, упрям, не умел отличить ложь от истины. И человек, которого доктор спас от смерти, если он и не Филька, тоже, наверное, такой. А что, если другой?.. Но нет, все равно: кем бы ни был - это запутавшийся в понимании основ. Жертва, ставшая палачом, раб, превратившийся в поработителя, но и оставшийся рабом: взявший в руки кнут уже не принадлежит себе. Все просто: сжигал на кострах, теперь идет на костер сам. Ничего удивительного: был рабом и погибает как раб. Понятно.

Но о нем, о враче, который не спит ночи, чтобы сохранить Фильку для костра, что можно сказать о нем? Какой силе доверил себя он? Одному древнему пещерному страху за свою берлогу? Он, твердо убежденный, что правильно понимает зло и добро, не перешагнул ли уже грань, отделяющую добро от зла? Нет, так нельзя. Так не может, не должно оставаться. Он порывисто наклонился всем телом вперед; стражник выпрямился и с недоумением посмотрел на него... Иван Андреевич с силой сжал поручни кресла, при-

поднялся на мускулах рук, встал и пошел в свой кабинет. Из стеклянного ящичка доктор достал шприц и коробочку с ампулами; осторожно отломив у одной из ампул кончик, наполнил трубку шприца прозрачной жидкостью, зажал трубку в пальцах и, стараясь изо всех сил не думать, торопливо подошел к двери и рывком потянул к себе ручку... Этот рывок решил дальнейшее: от него что-то рванулось, толкнуло изнутри спрятанное, сжатое в комок чувство. Оно освободилось, вспыхнуло, обожгло... Иван Андреевич не вышел из кабинета: он постоял минуту на пороге, глядя на шприц, потом напряженно осмотрел для чего-то кисти рук, держа их для этого перед грудью и медленно поворачивая, и вернулся. Остановившись у отлива, Иван Андреевич переложил шприц из правой руки в левую и правой нажал поршень. После того как последняя капля сбежала по стенке раковины, он бросил на столик пустой шприц и лег ничком на диван. Вдруг исчезли мысли, ощущения; все покорила и заполнила бездонная и холодная пустота.

* * *

На следующий день заместитель стрелявшегося начальника (наверное, уже сам начальник) приехал не один, а с врачом из поликлиники НКВД, и потребовал консилиума. Больного подвергли тщательному осмотру и вынесли решение: опасности больше нет.

В полночь во дворе больницы остановился "черный ворон"; человека, похожего на Фильку, положили на носилки и увезли.

Иван Андреевич не вышел из кабинета, когда уносили чекиста. Потом он подождал до утра, чтобы не напугать своих ночным возвращением, и пошел домой.

Ему отворила Таня. Она всплеснула руками от радости.

- Папа, - заговорила она, стремительно, как всегда. - Какой ты холодный, какой колючий... Она звонко поцеловала отца в небритую щеку и засмеялась. - Раздевайся скорее, я тебе сделаю чай...

Она сняла у него с головы шляпу и тихо ахнула...

- Папа... знаешь?.. У тебя сильно побелела голова...

Он взял ее ладонями за щеки, пристально поглядел в потемневшие от огорчения глаза и, легонько отстранив от себя девушку, сделал шаг к зеркалу: действительно, голова побелела почти наполовину...

- Ничего, Таня, - сказал он. - Ничего, это не беда. Самое главное, что все уже прошло. Иди, готовь чай, а то я в самом деле прозяб. Только тихонько, не буди маму. Теперь уже все хорошо, все в порядке...

Говорил нарочно много, чтобы успокоить дочь, а сам, не переставая, думал: неправда, нет хорошего, не прошло, не пройдет. И не надо, пускай не проходит... Если не станет и отчаяния, от которого он поседел в прошлую ночь, что делать тогда, где, в чем искать спасения?..

Иван Забелин

НРАВСТВЕННОСТЬ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И В ПОЛИТИКЕ: ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА?

Иван Егорович Забелин (1820-1908) - замечательный историк, археолог, знаток и коллекционер русских древностей, один из создателей и многолетний директор Российского Исторического музея в Москве. Его яркие самобытные книги, посвященные жизни и быту средневековой Руси, пользовались известностью не только в ученом мире, но и среди простых людей, в особенности, москвичей. В прекрасной, очень "московской" книге И. С. Шмелева "Лето Господне" шумный и восторженный трактирщик Крымкин восклицает: "Намедни Иван Егорович Забелин были... во-от ощасливили! Изволите знать-с? Вон как, и книжечку их имеете, про Матушку-Москву нашу? И я почитываю маненько-с...".

Действительно, старая Москва всегда оставалась излюбленной темой ученого. Ее история была для него воплощением истории всей русской жизни, символом и средоточием общенародного земского дела. Многие годы Забелин собирал материалы для капитального труда по истории древней столицы. Первая часть "История города Москвы", посвященная Кремлю и его урочищам вышла в свет в 1902 году.

В научном архиве Забелина сохранились рукописи "Посад" и "Наста быти княжение Московское", которые он не успел окончательно подготовить к печати. Ниже мы помещаем отрывок из второй рукописи, которую автор определил как "начало политической истории Москвы". Этот фрагмент интересен полемикой Забелина с Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым по поводу

нравственной оценки деятельности московских князей - собирателей земли Русской, в первую очередь, Ивана Калиты. Забелин выступает здесь не просто как ученый-фактолог, как его незаслуженно порой именуют в литературе, а как оригинальный мыслитель и остроумный полемист. Его своеобразный, вдохновленный архаическим языком летописей стиль изложения придает отрывку особую прелесть, создавая ощущение удивительной сопричастности событиям далекого средневековья. Поэтому, несмотря на некоторую незавершенность текста, он публикуется без изменения, с сохранением всех особенностей оригинала.

Предисловие и публикация
М. В. Катагощиной

Правила нравственности и добродетели! Но в какой силе должна принимать История эти великие и святые правила? Нам кажется, что нравственность лица и добродетели лица необходимы и в значительной степени отличаются от нравственности и добродетелей Общества, что лицо и общество как основные деятели Истории обладают весьма различными правами и подчиняются весьма различным обязанностям, возникающим, нарождающимся из самой природы этих исторических деятелей.

Природа личной жизни, по естественному закону каждого индивидуального развития каждого организма, сосредоточивается на любви к самому себе. Любить себя есть непреложный естественный закон личной жизни. Но в человеческом мире этот закон ограничивается другим, более возвышенным и по своей идеальной сути не всегда доступным или достижимым для низменных побуждений себялюбия, - этот другой,

возвышенный закон, данный человеку как божественный святой завет, есть любовь к ближнему. Люби ближнего, как самого себя. Такова вековечная заповедь, вполне разъясненная и утвержденная Спасителем человеческого мира. Но кто же наш ближний, как не самое то общество, среди которого каждый из нас существует, которое может иметь весьма разнородные и разнообразные формы или виды, но всегда содержит одну сущность - это ограничение действий и деяний личного блага на пользу блага общего, в котором как часть в целом содержится и личное благо. Во имя любви к ближнему, как к самому себе, она не прощает убийства. Это противно именно человеческой природе, идеалам человечности, которые никак не могут примиряться вообще с кровавыми человеческими делами. А между тем никакая история без кровавых дел даже и не начинается. Повсюду и во все века история создавалась из человеческой крови и развивалась, проходя через трупы и ручьи крови. Это ужасно. И мысль и чувство содрогаются в ужасе перед этим неустранимым законом исторического развития. Вот здесь и возникает или обнаруживается великое различие в целях и задачах этих двух сторон человеческого бытия.

Весьма нередко выходит так, что высокая нравственность и добродетели личного блага оказываются безнравственностью и злодеяниями для общего блага. Мы видим, что между этими двумя началами человеческого существования и человеческой истории происходит нескончаемая война то на поле народных общих битв, то в повседневных уголовных делах, где во имя общего блага гибнут так называемые уголовные преступники.

Как судить Истории тех людей, которые в первобытном хаосе неукротимого своеволия одних только личных, своелично эгоистических, только себялюбивых выгод, пролагая пути к целям любви к ближнему,

встречают соперничество и препону именно только со стороны неукротимых стремлений личного себялюбивого блага и без пощады уничтожают и искореняют эти стремления?

Выезжают в поле два богатыря. Один с именем любви к самому себе, другой с именем любви к ближнему - кого из них мы будем жалеть больше, чем другого, если кто из них погибнет в борьбе этих двух сил человеческого и в собственном смысле исторического бытия?

Суд Истории в этом обстоятельстве несомнителен, а любовь к **своему** ближнему заставит поплакать над убитым тех людей, для которых этот убитый был **свой**, родной или друг-приятель. Но как бы родные или друзья-приятели ни старались оправдать своего, возвысить печальную участь его погибели и очернить за это его сопротивника, - История не может становиться на сторону погибшего только потому, что, побежденный, он трагически погиб. Это дело чувствительного сердца, которое ничего не видит да и не желает видеть дальше и по сторонам совершившегося события. Чувствительное сердце по естественным причинам всегда бывает близоруко, а потому всегда бывает несправедливо к той стороне, которая не возбуждает чувствительности и которая за то самое подвергается безжалостному осуждению даже с оклеветанием.

На беспристрастной высоте суда Истории таких действий близорукого понимания человеческих дел не существует. Для Истории все то нравственно и добродетельно, что служит целям общего блага. Все ее симпатии только на этой стороне. Злодеями и безнравственными людьми она почитает всех нарушителей общего блага во всех отношениях и смыслах, какими бы славными и привлекательными декорациями не обставлялись их недостойные в этом отношении деяния.

"Первое добро государственное, - говорит Карамзин, - есть безопасность и покой; честь драгоценна

для народов благоденствующих, угнетенные желают только облегчения и славят Бога за оное".

Московский Иван Данилович, получив в свое распоряжение Великое Княжение, установил безопасность и покой народу, угнетенному княжескими усобицами и татарскими нашествиями по поводу тех же усобиц. Уже десять лет народ пользовался общей благодетельною тишиною. И вот является бодрый, деятельный, честолюбивый Тверской Александр и готовится разрушить Московское доброе дело, начинает ссору, за которою неотменно последовала бы кровавая драка, ибо защитники земской тишины не отдали бы даром своего доброго дела. Как поступают с неугомонным соседом и как бы поступило каждое чувствительное сердце, особенно во время крепостного права, когда чувствительные барыни наказывали людей плетьми за причиненный вред их любимой собачке?

Разоритель тишины по всей справедливости, особенно по исторической справедливости, должен был понести законное возмездие, по тогдашним уставам должен был лишиться головы. Буйную голову с плеч долой! Так рассуждало и все тогдашнее общество, особенно в вольном, свободном Новгороде по старому княжескому завету - добрых любите, а злых казните. Где было больше убийств, как не в Новгороде. Он судил и осуждал так же, как Ордынский Царь. Так было в обычае и нраве века. Казнь, бесчеловечное убийство всюду. Редко встречались люди мира, и они уходили в монастыри.

Под влиянием особой чувствительности к несчастному Тверскому Александру Карамзин значительно умалил заслуги и достоинства Московского Ивана. По крайней мере, в талантливом своем рассказе оставил их на дальнем плане. Но когда пришлось описывать дела, то историческая правда взяла свое и историк по необходимости воздал должную справедливость деяниям Московского Князя.

"Несмотря на **коварство**, говорит он, употребленное Иоанном к погибели опасного совместника, москвитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя **Собирателя Земли Русской** и государя-отца, ибо сей князь не любил проливать крови их в войнах бесполезных, освободил Великое Княжение от грабителей внешних и внутренних, восстановил безопасность собственности и личную, строго казнил татей и был вообще правосуден. Жители других областей Российских, от него независимых, завидовали устройству и тишине Иоанновых, будучи волнуемы злодействами малодушных князей или граждан своевольных... И этого перечня заслуг Ивана Даниловича было бы достаточно для оправдания его нравственности, но историк продолжает:

Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей...". З. тем историк упоминает о некоторых бедствиях, пож рах, голоде и прибавляет: "Но подданные, облаготворенные деятельным отеческим правлением Калиты, не смели жаловаться на бедствия случайные и славили его счастливое время..." Далее: "Тишина Иоаннова княжения способствовала обогащению России Северной... Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками татарских разбойников... Открылись новые способы мены, новые торжища в России..." Далее: "Добрая слава Калиты привлекла к нему людей знаменитых..." (Указаны выезды в Москву бояр.)

Что же значат перед этим перечнем добрых дел, в полном смысле государственных, то есть совершенных во имя не личного, но общего блага, все подвиги Тверских князей и, в особенности, подвиги Александра Михайловича, о котором сам же историк свидетель-

ствует, что "сын Михайлов не имел добродетелей отца. Видя угрозу (после гибели Шевкала), он пекся единственно о собственной безопасности... Малодушный Александр, оставив свой добрый несчастный народ, ушел во Псков...". И когда псковичи поклялись умереть за него, то сам же историк заметил следующее: "Так народ действует иногда по внушению чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плененный славою великодушия".

Не так ли и сам историк **по внушению чувствительности** написал портрет Александра в образе симпатичного героя-страдальца, погибшего от лукавства и коварства Московского Ивана Даниловича? Между тем как истинный портрет Тверского князя должен изображать рядового себялюбца и честолюбца, не говоря о малодушии, вовсе не неспособного служить общему благу Земли, а тем паче еще и жертвовать собою для целей общеземского блага.

Нарисованный чувствительностью и светло нравственными красками портрет Тверского князя требовал по необходимости темно нравственных красок для изображения Московского Ивана Даниловича, который совершает **коварство**, приходя без всякой утайки в Орду, и без утайки жалуясь на Александра, и предложив рассудить его при свидетельстве всех князей; который совершает обман с Новгородцами, прося у них двойной выход, будто бы для хана; который **искусным образом** льстит хану, сыплет дары, совершенно овладевает доверенностью хана и тогда уже смело приступает к главному делу, то есть к **очернению** Тверского князя. Нет сомнения, говорит историк, что Иоанн описал его закоснелым врагом монголов, готовым возмутить против них всю Россию и новыми неприятельскими действиями изумить легковерное милосердие Узбеково. Царь, устрашенный опасностью, послал звать в Орду Александра и пр. Иоанн же, чтобы отвес-

ти от себя подозрение, немедленно возвращается в Москву ожидать следствий. Он помнил, как погиб его брат Юрий и, конечно, не желая такой же гибели себе, ушел из Орды не иначе как с позволения хана.

От разных наветов и клеветы всегда что-либо остается, какие-либо пятна, которые смыть уже никакому оправданию невозможно. Так и земский благодетель Иван Данилович навеки остается в подозрении как человек очень худой нравственности. Хитрый льстец и хищник, обманом обиравший не только новгородцев, но и самую Орду, от которой утаивал собираемые татарам дани. И все это не более как произвольные, ничем не подтверждаемые домыслы и соображения историков.

Относительно земской собственности Калита является тоже неутомимым приобретателем не только сел и деревень, но и целых княжеств, даже и с возмутительным насилием. Этот портрет написан уже по новой теории историка Соловьева, что князья Северо-Восточной Руси стремились усиливать себя на счет других во чтобы то ни стало. Этим только и объясняются все их усобицы, а потому и Московские первые князья, в особенности Калита, очень горячо работают на этом поприще. Так "Юрий Данилович был совершенно в уровень своему времени: приобретать и усиливаться во чтобы то ни стало было главною его целию... Его отцу Даниилу достался по завещанию Переяславль, потом он пленил Рязанского князя. А сын его Юрий взял Можайск, князя Святослава Глебовича, тоже привел пленным в Москву; историк поясняет: так уже первые московские князья начинают **собирать** Русскую Землю". Затем Калита, погубив Александра, "ставши силен и без соперника, спешит воспользоваться этою силою, чтобы промыслить сколько можно больше к своей собственности... (Рассказан случай насилия над Ростовом, весьма сомнительный и идущий

как предание от крамольных бояр.) "Московским князьям нужны были прежде всего деньги, чтобы, с одной стороны, **задаривать** хана, с другой -покупать как можно больше сел и городов в других княжествах". Не задаривать, а отдавать правильно выходы и иной раз чрезвычайные запросы хана, вообще удовлетворять все требования Орды для спокойствия Земли, чтобы не приходили внезапно грозные послы за поборами, как это было прежде и чего теперь при Калите уже не было. Калита явился приказчиком Орды, толковым, рассудительным.

По теории Соловьева, все князья действуют и мыслят по плану, начертанному для них самим историком. Они хватают, рвут друг у друга вотчины и княжества, чтобы во чтобы то ни стало усилиться за счет других. Они все стремятся быть едино державцами в роде Ивана III, стремятся **собрать** Русскую Землю в одни руки. И так как первый Калита был назван таким **собирателем,** то он и явился неутомимым хищником чужих земель. А при Калите имя "собиратель" вовсе не то значило, что ему присвоено историками. Оно значило... собирателя разбегавшегося от татарских и княжеских нашествий народа, установителя земской тишины и безопасности, за которым разбежавшиеся люди, выходя из лесов, безопасно утверждались по-прежнему на своих местах в городах, селах и деревнях. Конечно, имя собирателя собственности очень хорошо обозначало уже позднейшую деятельность Московских князей, во имя земского единения и княжеского единодержавия, присоединявших к Великому Княжению или к Москве другие независимые княжества и Земли, но Иван Данилович Калита в такой деятельности еще не был виновен. Он славен только тем, что утвердил, насеял и возрастил единство действий в своей родной Москве, в своей семье и в своих бояр, подав живой пример, как можно миролюбиво и безопасно устроить и отношения

в Орде, вследствие чего восстановилась и общеземская тишина - вернейшая заслуга Калиты и перед Землею и перед Историею.

Погубив Александра, Москва стала усиливаться, но как и чем? В то время, в 1339 году, говорит одна летописная запись, Иван Данилович взял из Твери в Москву колокол от соборной тверской церкви Спаса. Это поставляется чертою хищнического насилия со стороны Москвы. Но летописное свидетельство ни слова не говорит, по какому случаю и для какой надобности взят этот колокол.

И в древней Руси колокола составляли тоже предмет добычи, когда князья овладевали каким-либо богатым городом. Так, еще в 1066 г. Полоцкий Всеслав поснимал себе колокола у Новгородской Софии.

Выше мы упоминали о таком же случае с вечевым Владимирским колоколом. Если и тверской колокол был тоже вечевой, то переправа его в Москву могла иметь тот смысл, что народное вече Твери прекращается, как бунтовое против татар, способствовавшее гибели Шевкала. Но, быть может, колокол был перевезен для переливки на новый или для образца отливки новых колоколов, так как в то время в Москве уже заводилось свое литейное дело и был уже литейщик, мастер Борис Римлянин, как именует его одна летопись, который в 1342 г. был даже вызван и в Новгород, где он слил великий колокол к Св. Софии. Как бы ни было, но этот случай с Тверским колоколом может идти в строку для обрисовки московского хищничества только при особом усердии всеми мерами доказывать это хищничество...

Как судить о делах человеческих и о делах в собственном смысле исторических. Нет людей безгрешных. И чтимые святые люди бывали великими греховодниками. В жизни и невозможно уберечься от того или другого греха. Если мы станем осуждать историче-

ские личности по требованиям христианской исповеди, по установленному требнику, то войдем совсем в другой мир человеческих дел и отношений, где все мы окажемся грешниками, а тем более окажутся грешниками люди всякого дела и, в особенности, люди исторического дела.

Но исповедь существует для покаяния и прощения грехов - и вот почему наши князья, славные или бесславные деятели нашей Истории, перед смертью принимали не только иночество, но даже и схиму, то есть в полной мере раскаивались во всех совершенных ими грехах. Церковь, освящая это их желание, самым этим освящением отпускала им все прегрешения.

Князь Всеволод Николаевич Шаховской,
б. в должности Гофмейстера Двора Е.И.В.,
б. Министр Торговли и Промышленности

"SIC TRANSIT GLORIA MUNDI"*
(Так проходит мирская слава)
1893-1917 гг.

ГЛАВА XX
ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

С самого начала этой главы я должен предупредить читателя, что я не намерен ни давать описания и характеристики Императрицы Александры Феодоровны, ни доказывать или отрицать Ее влияние на Императора Николая II. Тема эта слишком сложная и потребовала бы весьма серьезного и беспристрастного историка. Время для этого еще не наступило. Я не вижу даже, кто мог бы из нашего поколения сделать это. У всех, если так можно выразиться, слишком "партийный взгляд". Скажу только, что роль Ее бессовестно искажали деятели революции всех кругов, которые по сей день, вместо сознания своей грубой политической ошибки, считают себя героями.

Достаточно указать на то, что и в России, и у союзников усиленно распространялись слухи о тайных сношениях Императрицы с Императором Вильгельмом и о Ее стремлении привести к сепаратному миру. Не только крайние левые, но и лидеры кадетской пар-

---

* Мы продолжаем печатать воспоминания князя Всеволода Николаевича Шаховского, представленные редакции его родственником протопресвитером отцом Александром Киселевым (начало см. Р. В. № 58-59, 60-61,62).

В апреле 1919 года князь Шаховской с супругой должны были покинуть Россию. Сначала в Дании, потом во Франции потекла жизнь бездомных и бесправных эмигрантов, которые, несмотря на все невзгоды, продолжали жить Россией.

тии, и некоторые считавшие себя "правыми" не стеснялись распространять гнусный анекдот о существовании прямого провода для разговоров с Вильгельмом...

Стоит вспомнить, как Временное правительство схватилось за выяснение этой стороны деятельности Императрицы, как пристрастно был подобран состав Верховной следственной комиссии для расследования "преступлений" Государя и Государыни и какое последовало в этих кругах разочарование, когда даже пристрастная Верховная следственная комиссия должна была оставить окончательно всякую надежду найти что-либо подобное.

Цель настоящей главы моих воспоминаний заключается лишь в возможно точном изложении моих посещений Императрицы за время двухлетнего пребывания моего министром торговли и промышленности.

Этих посещений было три. Кроме них, я имел неоднократно случаи видеть Императрицу и разговаривать с Ней, но не в отдельных длительных аудиенциях, а при различных приемах, например, в Ставке в Могилеве во время завтраков после Всеподданнейших докладов.

Будучи назначен 18 февраля 1915 г. Управляющим Министерством торговли и промышленности, я сразу настолько погрузился в дела и так был захвачен вихрем событий, что только в конце мая, т. е. уже значительно после состоявшегося 6 мая утверждения меня министром, я, наконец, обратился к секретарю Императрицы графу Апраксину с письменной просьбой исходатайствовать мне разрешение представиться Ее Величеству по случаю назначения.

Конечно, такое запоздание с представлением Императрице, хотя и произошло не по моей вине, а в силу чрезвычайных обстоятельств, все же могло быть истолковано, как некорректное, и я даже опасался, что не сразу буду принят. Однако на следующий же день я

получил уведомление, что буду принят Ее Величеством 26 мая в Царском Селе, т. е. без всякого промедления.

По прежней моей деятельности и службе, я имел неоднократно случаи представляться и беседовать с Императрицей, которая хорошо помнила меня особенно по путешествию в мае 1913 года по Волге на пароходе "Межень", где я неотлучно находился. В этот раз я нашел Ее сильно изменившейся и значительно исхудавшей. Кроме того, костюм сестры милосердия, с косынкой на голове, настолько менял Ее, что если бы я не входил в Ее кабинет, то я не узнал бы Ее. Чувствовалась озабоченная сосредоточенность, лицо было даже строгое.

Разговор вертелся главным образом вокруг войны. Императрица высказала твердую уверенность, что война будет трудная и длительная. Хотя аудиенция была довольно продолжительная, но по характеру более или менее безразличная; под конец в кабинете настолько стемнело, что с трудом можно было видеть друг друга. Очевидно, без звонка никто не смел дать свет.

Второе мое посещение Императрицы было 20 сентября 1916 года, через 16 месяцев после первого. Оно, как и последующее, носило чисто деловой характер. В опубликованных письмах Императрицы к Государю оба они нашли видное место.

Вот чем было вызвано посещение 20 сентября.

Во время моих многократных поездок в Ставку со всеподданнейшими докладами я имел каждый раз деловые разговоры с начальником штаба Государя генералом Алексеевым. Я вынес совершенно твердое убеждение, что с каждой новой встречей с Алексеевым, он все больше и больше удалялся от Правительства. Для меня уже не подлежало сомнению, что Государь имеет в Ставке начальника штаба, которым, в политическом отношении, руководили Гучков и Родзянко. Я считал своим священным долгом, долгом верноподданнейшим

данного и члена Правительства, так или иначе довести об этом до сведения Государя.

Но как это сделать? Во-первых, у меня не было в руках фактов; было только чутье, основанное на целом ряде осторожных реплик или недомолвок Алексеева; во-вторых, если бы даже я получил фактическое подтверждение моего убеждения, то ведь не мог же я на своем докладе по делам ведомства торговли и промышленности перейти на изложение моих взглядов по поводу неверности начальника штаба! Ведь Государь мог попросту встать и прекратить этот разговор.

И вот совершенно неожиданно у меня в руках оказались документы, вполне подтверждающие мое убеждение. Ко мне приехал генерал Свенторжецкий, которого я назначил председателем правления электрического общества 86-го года и испросил соизволение Государя о назначении его Членом Совета Министров. Он передал мне копии двух писем Гучкова к Алексееву. По характеру писем не оставалось никакого сомнения, что они не были единичными, а составляли лишь звено из серии осведомлений.

К счастью, в одном из этих писем был затронут и я*. Гучков описывал, совершенно ложно, о том, как будто я противодействовал стремлениям Главного Артиллерийского Управления увеличивать выпуск заводами столь необходимых для армии снарядов крупных калибров. Эпизод этот изложен мною в соответствующем месте настоящих воспоминаний. Его надо считать гнусной клеветой. Обвинение меня в таком поступке, если оно было правильным, составляло бы явное преступление высокого должностного лица. Совершенно наоборот, я указывал на явно негодные средства, которые применяются для достижения улучшения снабжения армии крупными снарядами.

---

* Копии этих писем имеются у меня.

Прочитав эти письма, я решил, не теряя времени, энергично реагировать. Я немедленно отправился в Царское Село к А. А. Вырубовой, с которой мне пришлось разговаривать впервые, и просил ее срочно довести до сведения Императрицы мое усердное ходатайство принять меня, так как, имея в руках копии писем Гучкова Алексееву, доказывающих его противуправительственную деятельность, я хочу доложить все дело лично Ее Величеству. Избрал я обращение к Вырубовой потому, что это был самый быстрый способ получить срочную аудиенцию без оглашения о ней. И, действительно, едва я успел вернуться домой, как получил сообщение Вырубовой по телефону о назначенном мне на следующий же день приеме.

Зная, что всякий выезд министра в Царское Село немедленно попадает в газеты, я отправился туда не по железной дороге, а в своем автомобиле.

С первых слов Императрицы я почувствовал внимательное ко мне отношение, что значительно ободрило меня. По мере моего рассказа прием обратился в высокомилостивый. Я изложил совершенно откровенно все, что у меня было на душе, что я не считаю себя в праве докладывать Государю про Его начальника штаба, но что верноподданнейший долг требует, чтобы я довел до сведения Монарха о крайней сомнительности в верности Ему генерала Алексеева. Поэтому, получив ныне документальные сведения о том, что правительственная деятельность освещается ему неправильно и заведомо искажается Гучковым, который, по моему глубокому убеждению, действует заодно с Поливановым и Родзянко, я решил беспокоить Ее Величество по этому, с моей точки зрения, крайне важному вопросу. При этом я выразил уверенность, что Императрица найдет нужным сообщить эти данные Государю, так как названные лица являются злейшими врагами Престола.

В подтверждение правильности того, что я высказал, я прочитал выдержки из длинного послания Гучкова, наполненного ложными слухами, которые он выдавал за факты.

Мой доклад произвел на Императрицу глубокое впечатление. Она сказала мне, что находится в ежедневной переписке с Государем, что в ближайшем же письме напишет Ему и просила дать ей для пересылки Государю копию одного из писем. Я обещал на следующий же день прислать ее, что и исполнил.

Засим Императрица, по собственной инициативе, перешла на другие вопросы, касающиеся моей деятельности, а именно об обеспечении Петрограда топливом и о степени использования водных путей для подвоза дров и продовольствия. Далее разговор перешел как-то на Протопопова, который за несколько дней до этого был назначен Управляющим Министерством Внутренних Дел и только что представлялся в этот самый день Императрице. Давно зная его и полную непригодность не только для этого Министерства, но ни для какой бы то ни было ответственной и систематической работы, я позволил себе очень холодно отозваться о нем. Не помню точно, в каких выражениях, но смысл был такой, что ничего хорошего я не ожидаю.

Видимо, это было чрезвычайно неприятно Императрице. Она быстро ответила мне, что он очень умный, преданный человек, что она очень его ценит и сразу перевела разговор на другие темы. Между прочим Она меня спросила, почему крестьяне так неохотно продают зерно для продовольствия армии и населения. Мое объяснение, по-видимому, Ее удовлетворило; оно целиком приведено в письме Государю, хотя и своими словами, но по существу довольно точно.

Я делаю здесь выписку из писем Государю: "Я спросила его (Шаховского), как обстоит дело с хлебом. Он ответил, что крестьяне в мирное время спешили

продавать его, боясь, чтобы цены не упали, теперь же они знают, что если выждать, то цены возрастут, а они не гонятся за деньгами, так как у них их достаточно".

Но дальше Императрица высказала по этому поводу смелую и чисто государственную точку зрения, которую я не могу не отметить, а именно о необходимости организации правительственной пропаганды. Это слово не было употреблено, но смысл был ясен. Действительно, у нас ровно ничего не делалось для борьбы со злостной пропагандой, которая проникала во все слои и воспринималась на веру без всякого авторитетного опровержения со стороны правительственной власти.

В результате моего доклада и всех разговоров было ясно, что маленькое неудовольствие за Протопопова было мимолетным, и то же высоко-милостивое отношение оставалось до конца, причем мне даже было дано разрешение, когда понадобится, приезжать к Ее Величеству.

Я уехал из Царского Села с чувством полного удовлетворения, видя цель моей поездки достигнутой и имея сознание честно исполненного гражданского долга.

Все подробности моего доклада и моих разговоров нашли себе место в трех письмах Императрицы: от 20, 21 и 22 сентября. Первое до приема, очевидно, со слов Вырубовой, которая передавала мою просьбу о приеме, а два последующие уже после приема.

Здесь я должен дать пояснение одной фразы в письме от 22 сентября. Она чрезвычайно для меня интересна, потому что открыла мне то, о чем я мог только значительно позже догадываться и явилась следствием моего не особенно одобрительного отзыва о Протопопове. Императрица пишет, что, по словам Распутина, я надеялся быть назначенным министром внутренних дел, а потому, заключает Императрица, я "несколько настроен против Протопопова".

Очевидно, Государь был тоже поражен сообщенным Ему сведением. В ответном письме от 23 сентября имеется такая фраза: "Подумай, Ш. хотел быть на этом месте".

Теперь я считаю необходимым пояснить, откуда могла родиться такая нелепая сплетня со стороны Распутина.

С самых первых дней назначения меня на министерский пост Протопопов всеми силами стремился попасть ко мне в товарищи, с явной целью затем спихнуть меня и занять мое место. Я очень скоро понял эту игру и очень быстро оценил его непригодность для какой бы то ни было работы. Об этом в другом месте моих воспоминаний есть довольно полное объяснение. Тогда Протопопов начал кампанию против меня и учил Распутина, что меня надо перевести на пост министра внутренних дел, а его назначить на мое место, объясняя, что это является и моим желанием. Распутин, который, вероятно, до известной степени приложил руку к проведению Протопопова на министерский пост, будучи чрезвычайно ловким и хитрым, не захотел осложнять комбинацию и рассказал об этом моем будто бы желании уже после того, как Протопопов получил министерский портфель.

Сомневаюсь, чтобы кто-либо из министров того времени мог захотеть занять этот пост. А если принять во внимание, что я уже давно тяготился быть в составе Правительства, и если учесть мою страшную усталость и состояние здоровья, то я думаю, что всякому будет понятен первоисточник переданных Императрице слухов о моем якобы желании быть министром внутренних дел. Никто иной, кроме Протопопова, не мог пустить через Распутина этот слух.

Мое третье посещение Императрицы было 31 октября, т. е. немного более, чем через месяц после второго.

На этот раз оно было вызвано тем обстоятельством, что с каждым днем работа в Совете Министров становилась все труднее и труднее. Председатель - Штюрмер уже потерял всякий авторитет, и, в сущности, его никто не признавал. Трепов всячески старался аннулировать его и забрать в свои руки председательство. С ним очень неудачно пробовал конкурировать Протопопов, не имея никого уже больше в Совете Министров, кто его поддерживал бы. Выходило, что Трепов и Протопопов оба стремятся заменить уже фактически сошедшего со сцены председателя и каждый из них считал себя его преемником. Положение становилось нестерпимым. И вот я вновь решился тревожить Императрицу, изложить Ей все положение и заявить Ей, что для меня не подлежит сомнению, что Штюрмер в ближайшем будущем будет вынужден покинуть свой пост, тем более что он состоит одновременно и министром иностранных дел.

В пояснение существовавшего положения в Совете Министров, я привел печальный и крайне характерный эпизод, происшедший в ближайшие дни.

Заседание Совета назначено, по болезни Штюрмера, у него на квартире в Министерстве Иностранных Дел. Министры еще не все в сборе, Штюрмер лежит с высоко поднятой ногой. Трепов сообщает полученную им из Архангельска телеграмму о взрыве. Григорович опровергает. Трепов в доказательство вынимает телеграмму и читает. Григорович вскипает и раздраженно спрашивает, кто мог такие секретные вещи военного значения телеграфировать Трепову. Этот последний еще более раздраженно отвечает, что начальник станции Архангельска, находящийся в его ведении, обязан сообщать своему министру такие сведения. Происходит резкий разговор. Один доказывает, что так должно быть, другой, - что он запретит местным агентам сообщать военные сведения. Тогда Трепов возвышает голос

и положительно кричит: "Это черт знает что такое! Это нахальство! Черт знает что такое!" Общее смятение. Председатель безмолвствует. Григорович притих.

Помимо непозволительной формы этого инцидента, какая ненормальность и какая грусть, что морской министр находит нужным скрывать от Совета Министров военные сведения.

Видимо, Императрица с неодобрением слушала мой доклад. Когда же я нелестно отозвался о Протопопове, то это Ей тоже сильно не понравилось. Она стала определенно хвалить Штюрмера и Протопопова, упомянула даже, что сегодня она принимала Протопопова, что он дельный и верный человек и т. д.

Когда аудиенция кончилась, Императрица сухо со мною простилась.

В своем письме к Государю Она опять описала свои разговоры со мною менее подробно, чем в предыдущем, но обратила большое внимание на инцидент Трепова - Григоровича, порицая Трепова. Между прочим, в письме есть такая фраза: "Я не соглашалась с Шаховским, он против Протопопова", и в скобках "jalousie de mėtier". Это выражение, конечно, надо сопоставить с письмом от 22 сентября, в котором Она сообщает о будто бы моем желании быть министром внутренних дел.

Возвращаясь с этой аудиенции по Пулковскому шоссе в моем автомобиле и обдумывая создавшееся положение, я был совершенно уверен, что при первом приезде Государя из Ставки я буду уволен с министерского поста.

Мысль эта нисколько меня не пугала; наоборот, я давно просился освободить меня от непосильного бремени, а теперь работа становилась нестерпимой при царившем в то время в Совете Министров нестроении.

Две недели спустя я был чрезвычайно поражен: во-первых, я не был, вопреки моему ожиданию, сме-

щен, а во-вторых, и это главное, в Ставке за завтраком, после моего всеподданнейшего доклада, Императрица, наискось от Которой я сидел, неоднократно обращалась ко мне с улыбкой и явно старалась обласкать меня, по-видимому желая загладить неприятное впечатление от предыдущей аудиенции. К этому времени Штюрмер был уже уволен... Это был последний раз, когда я видел несчастную и многострадальную Государыню, к которой у меня, несмотря на известные мне ошибки в Ее взглядах и направлении, сохранились по гроб моей жизни самые чистые чувства высокого почитания.

ГЛАВА XXI
ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ В БАРАНОВИЧАХ

Когда в феврале 1917 года я вступил в Совет Министерств, ярко обрисовалась скрытая, а временами и открытая борьба большинства, во-первых, с Сухомлиновым, которому никто не доверял, а во-вторых, с Маклаковым и Щегловитовым. Эти двое своими крайними убеждениями представляли постоянную оппозицию Совету. К ним иногда примыкал Саблер, державшийся обычно в стороне.

В конце мая эта борьба значительно обострилась. Как-то в мае 1915 года я позвонил по телефону к секретарю Председателя Совета Министров, чтобы узнать, могу ли я приехать к Председателю. Мне ответили, что Председатель занят, у него идет совещание некоторых министров. Как потом оказалось, это было конспиративное заседание, в котором участвовали Кривошеин, Рухлов, Сазонов и Барк. Искали заместителя Маклакову. Кривошеин провел кандидатуру князя Н. Б. Щербатова, бывшего главноуправляющего Государственным Коннозаводством, бывш. Губернского

Предводителя Дворянства, а засим члена Государственного Совета по избранию, сидящего не на правых скамьях.

Время это совпало также со значительным ухудшением положения Сухомлинова. Сперва его обвиняли в том, что Россия не была готова к войне, вопреки его заявлениям о готовности, потом отсутствие снаряжения целиком легло на его голову, далее стали говорить о будто бы его нечистоплотности в делах о военных заказах, наконец, дошли даже до обвинения его в измене. Все это создавало совершенно невозможное настроение во всех слоях.

Здесь я должен сказать, что при всем моем недоверии к нему, потому что он зачастую сообщал неверные сведения, я ни на одну минуту не допускал и не допускаю мысли ни о его взяточничестве, ни тем более обвинения в измене, но признаю в нем несомненное большое легкомыслие. Во всяком случае, как и весь состав Совета Министров, я считал его далеко не подходящим к роли военного министра в военное время.

Таким образом, смена вышеупомянутых двух министров, т. е. Маклакова и Сухомлинова, считалась неизбежной.

За это энергично взялся А. В. Кривошеин. Он отправился в Ставку в Барановичи к Великому Князю Николаю Николаевичу и договорился с ним о совместных стараниях доказать Государю необходимость замены этих двух лиц. На следующий день ожидался приезд в Ставку Государя.

Дня через два, во время заседания Совета Министров, фельдъегерь привез генералу Сухомлинову пакет от Государя. В нем было собственноручное очень ласковое письмо, в котором Его Величество благодарил Сухомлинова за службу, говорил, что история рассудит, но что для общего блага нужна его смена. Прочитав это письмо, Сухомлинов несколько минут спустя

передал его через стол для прочтения графу Игнатьеву, с которым он был не в дурных отношениях. Заседание уже кончилось; выходя, он сказал некоторым членам Совета, что он больше не министр. Вечером в тот же день мы узнали, что генерал Поливанов был вызван в Ставку. Всем было ясно, для чего. Еще спустя сутки И. Л. Горемыкин получил из Ставки телеграмму с вызовом его самого, графа Фредерикса, Харитонова, Барка и меня. Щегловитов был в поездке в Архангельске и был нежелателен для присутствия там, Саблера не позвали, и, вероятно, чтобы не оставлять его в одиночестве, не вызвали гр. Игнатьева, считая, что он не касается военных вопросов и снабжений.

Предстояло заседание Совета Министров впервые в Ставке под председательством Государя Императора.

Мы прибыли в Барановичи днем. Там уже находились вновь назначенные Управляющие Министерствами генерал Поливанов и князь Н. Б. Щербатов.

Кривошеин, окрыленный успехом своих шагов, решил покончить и с вопросами о Щегловитове и о Саблере, очевидно, им раньше была уже приготовлена почва и в Ставке. Тотчас по нашем прибытии было созвано в вагоне краткое совещание, в котором Александр Васильевич Кривошеин поднял вопрос о заместителях двух министерских постов. Иван Логгинович Горемыкин сказал, что его кандидат на пост министра юстиции Александр Алексеевич Хвостов, Кривошеин же высказывался за назначение сенатора Милютина (либерала), а на пост Обер-Прокурора Синода - Самарина, указывая на то, что этот последний пользуется большим уважением и авторитетом в Москве. Остальные министры своих мнений не высказывали.

Вскоре Горемыкин отправился на всеподданнейший доклад и по возвращении объявил нам, что он сказал Государю, что он может рекомендовать только того, кого он хорошо знает, - Хвостова, и упомянул,

что "министры хотят" Милютина и Самарина. Государь остановился на Хвостове, а о Самарине вопрос был решен лишь через несколько дней.

Здесь же я должен отметить, что выбор Горемыкиным Хвостова надо считать чрезвычайно удачным. Об этом достойном лице я скажу в одной из последующих глав.

На следующий день состоялось заседание Совета Министров на открытом воздухе под навесом, с участием Великого Князя Николая Николаевича и генерала Янушкевича.

К этому же дню был вызван князь Юсупов, граф Сумароков - Эльстон, генерал-губернатор и главнокомандующий войсками Москвы для доклада о бывших в мае беспорядках и погромах под лозунгом борьбы с немецким засилием.

Князь Юсупов говорил около получаса совершенно бессвязно и бестолково. Никто из нас ровно ничего не понял. Видимо, и Государь, и Великий Князь не особенно остались довольны докладчиком, которого скоро отпустили.

Предстоял коренной вопрос: о единении Ставки с Правительством. Благие пожелания были высказаны, но, по-видимому, результаты на практике оказались весьма малыми. Так, например, я напомню о скоропалительном, через короткий срок решении Великого Князя выселить из всей территории военных действий всех евреев для избежания шпионажа. Никакого сношения или обсуждения с Правительством по этому поводу не было. На министра путей сообщения легла тягчайшая задача перевозки миллионов семей евреев в ущерб планомерной работе железнодорожного состава для снабжения углем и всеми необходимыми материалами для работы заводов на оборону. На министра же внутренних дел легла не менее тяжелая задача о размещении этих евреев в глубоком тылу.

Третьим был поставлен вопрос о новом немедленном призыве под знамена ратников ополчения 2-го разряда, которому Правительство не сочувствовало ввиду недостаточности снаряжения и необходимых полевых работ. Государю удалось уговорить Великого Князя отказаться от этой мысли до осени.

Наконец, было решено, что Государь Император даст рескрипт на имя Председателя Совета Министров с призывом всем верным сынам родины к дружной работе для нужд армии и с решением возобновить работы Государственного Совета и Государственной Думы не позднее августа 1915 г.

На этом Государь закончил заседание, а Великий Князь и Министры остались для выслушивания проекта рескрипта на имя И. Л. Горемыкина. Проект этот составлен Кривошеиным и Поливановым совместно. Вот его полный текст:

"Иван Логгинович,

Со всех концов родной земли доходят до Меня обращения, свидетельствующие о горячем стремлении русских людей приложить свои силы к делу снабжения армий. В этом единодушии народном Я почерпаю непоколебимую уверенность в светлом будущем.

Затянувшаяся война требует все нового напряжения. Но в одолении возрастающих трудностей и в неизбежных превратностях военного счастья крепнет и закаляется в наших сердцах решимость вести борьбу до полного, с Божией помощью, торжества русского оружия. Враг должен быть сломлен. До того не может быть мира.

С твердой верой в неиссякаемые силы России я ожидаю от Правительства и общественных учреждений, от русской промышленности и от всех верных сы-

нов родины, без различия взглядов и положений, сплоченной дружной работы для нужд доблестной нашей армии. На этой, единой отныне, всенародной задаче должны быть сосредоточены все помыслы объединенной и неодолимой в своем единстве России.

Образовав по вопросам снабжения особое совещание с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности, Я признаю необходимым приблизить и время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли русской. Предрешив поэтому возобновление занятий Государственного Совета и Государственной Думы не позднее августа сего года, Я поручаю Совету Министров разработать по моим указаниям законопроекты, вызванные потребностями военного времени.

НИКОЛАЙ.

14 июня 1915 г."

ГЛАВА XXII
ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ

Торгово-Промышленный съезд

В Петрограде существовало несколько торгово-промышленных объединений, из которых два пользовались особым влиянием. Это были: совет съездов представителей промышленности и торговли, председателем которого состоял член Государственного Совета по выборам Н. С. Авдаков и совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, имевший председателем члена Государственного Совета по выборам В. И. Тимирязева, дважды занимавшего пост министра торговли и промышленности. Первый из этих съездов объединял главным образом интересы угольной, металлургической и нефтяной промышлен-

ности, почему в нем доминировали Харьковские и Бакинские деятели, второй же имел преобладающее влияние Москвы. Обе эти организации состояли в ведении Министерства Торговли и Промышленности. По своей постановке и влиянию авдаковские съезды стояли на первом месте.

В мае 1915 г. я принял по их ходатайству Н. С. Авдакова и его товарища по совету съездов Э. Л. Нобеля, видного нефтепромышленника, главу фирмы Бр. Нобель.

Целью их посещения было испросить разрешение на созыв съезда в ближайшее время. Я ответил, что хотя решение этого вопроса входит в права министра Торговли и Промышленности, но, ввиду военного времени, я не считаю возможным дать им тот или иной ответ без обмена мнений в Совете Министров; при этом я обещал отнестись доброжелательно к их ходатайству.

Через несколько дней я пригласил их к себе и сообщил о решении Правительства разрешить созыв съезда при условии, что он будет носить чисто деловой характер и не повлечет за собой каких бы то ни было политических выступлений и постановлений, столь модных в то время. Условие это было тотчас же принято, и съезд назначен на 26 мая.

В довоенное время открытие этих съездов носило торжественный характер и зачастую посещалось министрами финансов и торговли и промышленности. И. Л. Барк заявил мне, что он присутствовать не будет. Сам я, будучи вполне уверен, что без резких политических выступлений на съезде не обойдется, тоже не был расположен присутствовать на открытии его. Решение мое по этому поводу чрезвычайно упростилось, так как накануне я получил извещение, что Императрица Александра Феодоровна в тот же самый день назначила мне представление Ее Величеству в Царском Селе.

Представление это было первым со времени назначения меня на министерский пост. Фактически, попасть и на съезд, и в Царское Село я не мог. Поэтому я поручил своему товарищу приветствовать съезд от моего имени и передать мое сожаление о невозможности присутствовать лично.

Всякие съезды принято было начинать с постановления: просить подлежащего министра, в данном случае торговли и промышленности, повергнуть к стопам Его Императорского Величества верноподданнейшие чувства собравшихся. На этот раз, вероятно, ввиду оппозиционного настроения к Правительству, мне были переданы через моего товарища две телеграммы за подписью Авдакова, председателя съезда с просьбою отправить одну Государю Императору, а другую - Верховному Главнокомандующему.

Мною это было исполнено, причем телеграммы эти целиком с подписями Авдакова я включил в текст моей препроводительной телеграммы. Через сутки я получил телеграмму от Государя: "поручаю Вам передать представителям промышленности и торговли..." и т. д. и от Великого Князя Николая Николаевича: "прошу Вас передать д. с. с. Авдакову и представителям...".

Таким образом, явная попытка Авдакова получить ответ Государя и Верховного Главнокомандующего непосредственно, миновав министра, не удалась, и как Государь, так и Великий Князь не пожелали нарушить принятого этикета.

На съезде в первую очередь был заслушан доклад Литвинова-Фалинского под громким названием "Война и Промышленность". Задолго до съезда доклад этот усердно рекламировался. Оказался он чрезвычайно сумбурным, но он собрал много публики вследствие того, что автор его был враждебен министру Торговли и Промышленности, - члену Правительства. По-видимому, умышленно прения и постановления были отло-

жены до следующего заседания, назначенного вечером того же дня. На этом заседании председательствовал уже не Авдаков, а один из товарищей - член государственной думы А. И. Коновалов. Ясно, что его выставили для председательствования потому, что член государственной думы мог и не считаться с условием, поставленным при разрешении съезда, условием, на которое изъявили согласие и Авдаков, и Нобель.

А. И. Коновалов (будущий первый министр торговли и промышленности временного правительства) не замедлил провести резолюцию с требованием "немедленного созыва законодательных учреждений", что, конечно, было заранее условлено.

На следующий день рано утром, по дороге на съезд, ко мне заехал Э. Л. Нобель, который был всегда со мною в самых добрых отношениях, и зачастую бывал у меня в качестве негласного посланника от промышленных кругов. Он усердно просил меня все же посетить съезд и придавал моему приезду очень большое тактическое значение в смысле дальнейшего направления его работ. Не знаю, приезжал ли он на этот раз по собственной инициативе, или был подослан другими. После некоторого колебания я согласился, сказав, что заеду экспромтом в течение дня в часы заседаний.

Каково же было мое удивление, когда по моем приезде туда я никакого заседания не застал, а попал в царившее там полное смятение. Не поднимаясь в зал, я послал за Нобелем. Он вышел ко мне с не менее смущенным лицом, чем у некоторых других членов съезда, которых мне пришлось видеть при входе. Нобель пояснил мне, что только что произошло совершенно непредвиденное обстоятельство. Вернувшийся с фронта московский промышленник П. П. Рябушинский произнес громовую речь, произведшую весьма сильное впечатление на всю аудиторию. Ввиду общего возбуж-

дения заседание было закрыто. Я счел благоразумным немедленно уехать.

Как мне потом доложили подведомственные мне чины, бывшие на съезде, речь Рябушинского была крайне резка, истерична и, под прикрытием горячего патриотизма, сводилась к требованию, чтобы промышленники взяли дело снабжения армии в свои руки. Не обошлось без резких выпадов против Правительства с восклицанием: "Нужно призвать таких людей, которым верили бы!".

После перерыва съезд избрал комиссию по выработке резолюции. Надо отдать справедливость, что член Государственной Думы В. В. Жуковский, входивший в состав съезда как польский промышленник и принадлежавший в Думе к польскому коло, произнес по этому поводу вполне благоразумную и сдержанную речь, призывая к спокойствию.

Вот некоторые выдержки из его речи: "Наши задачи чисто деловые. Мы должны помочь общенациональной работе. Не словами, а на деле, промышленный класс должен доказать, что он не только может, но и умеет работать, что он готов отдать все силы и знания Правительству, в этот ответственный момент, переживаемый нашей родиной"... "Не на вражду, не на митинговые резолюции, не на протесты, а на серьезный деловой шаг, который должен доказать политическую зрелость торгово-промышленного класса, должна звать та резолюция, которая будет представлена Вашему вниманию".

В следующее заседание 29 мая на съезд объявился Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко в сопровождении ряда других членов Думы. В это время он считал своим долгом появляться всюду, где чувствовалась атмосфера, пропитанная противуправительственными тенденциями. Съезд устроил ему грандиозную овацию. Не обошлось без его обычной ми-

тинговой речи, все же на этот раз сравнительно сдержанного характера. Он призывал всех к единению для помощи армии и вместе с тем уверял, что в среде членов Думы нет никаких партийных раздоров, что в этот момент совершенно не соответствовало действительности.

После этого и, как следствие выступления Рябушинского, была внесена подготовленная комиссией резолюция. Участие Жуковского в ее составлении значительно смягчило ее тон. Она была принята единогласно.

Я не счел интересным приводить имеющийся у меня полный текст принятого съездом постановления. Оно является как бы основною грамотою, на которой зиждилась вся дальнейшая деятельность Военно-промышленных комитетов, сыгравших под руководством Гучкова, Коновалова и многих других, столь гибельную роль в развитии революционного движения в нашем отечестве.

Самый текст постановления производит крайне странное впечатление не только своими длиннотами, но и своей редакционной необработанностью. Он, видимо, составлялся впопыхах, включались различные фразы, по требованию отдельных членов редакционной комиссии, в нем масса повторений и нагромождений; но нельзя не признать, что в нем выставлен и патриотический порыв, который, под влиянием упомянутого выступления Жуковского, затушевал резкость противуправительственного выступления Рябушинского. В нем даже нашло место упоминание о желании заслужить одобрение "Державного Хозяина", но дальше, очевидно уступая более левым тенденциям, включено постановление об "особой делегации", которая должна повергнуть "верноподданнейшие чувства". Это последнее выражение ярко доказывало, что под видом верноподданнейших чувств пойдет требование об ответственном Правительстве.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ

Тотчас после этого началось лихорадочное формирование по всей России областных, губернских и даже уездных военно-промышленных комитетов. В Петрограде были учреждены центральный и областной военно-промышленные комитеты; во главе первого стал на первых порах тот же Авдаков, членами же комитета, в виде основного ядра, вошли члены Совета съездов представителей промышленности и торговли с привлечением многих профессоров высших технических учебных заведений.

В одно из первых заседаний центрального военно-промышленного комитета были приглашены князь Г. Е. Львов, - главноуполномоченный всероссийского земского Союза и М. В. Челноков, - главноуполномоченный всероссийского союза городов. Целью их приглашения было согласовать деятельность всех этих трех организаций, причем явная тенденция центрального военно-промышленного комитета была стать во главе всех общественных организаций. Стремление это особенно ярко выразилось в Москве, где в Московском военно-промышленном комитете был избран председателем промышленник П. П. Рябушинский, а кн. Львов и М. В. Челноков, т. е. оба председателя земского и городского союзов, оказались товарищами председателя Московского областного комитета.

Далее, желая возможно шире охватить круг своего влияния, центральный военно-промшленный комитет решил пригласить в свой состав членов особого совещания при военном министре, в коем участвовали Председатель и четыре члена Государственной Думы.

Пропаганда деятельности военно-промышленных комитетов велась чрезвычайно интенсивно. Во всех газетах печатались сообщения о кипучей деятель-

ности этих новых образований, еще ничем, кроме словоизвержений, не успевших себя зарекомендовать. Наконец, на первых страницах газет печатались, за подписью Авдакова, крупные объявления о том, что центральный военно-промышленный комитет при совете съездов представителей промышленности и торговли "обращается ко всем предприятиям, техническим обществам и организациям с призывом к совместной работе". При этом пояснялось, что задачи комитета состоят "в организации русской промышленности для снабжения армии и флота всеми необходимыми боевыми снабжениями и довольствием".

Таким образом, доступ в центральный военно-промышленный комитет, а засим и во всю организацию снабжения армии и даже в заседании особого Совещания по обороне, бывшего под председательством военного министра, был самым широким образом открыт всем, кому угодно, вплоть до самых подозрительных личностей.

Скоро последовала организация особого "президиума" центрального военно-промышленного комитета, в который были приглашены А. И. Гучков, как явный враг режима и Правительства, и В. П. Литвинов-Фалинский, как оппозиционный деятель Министерства Торговли и Промышленности, состоявший под особым покровительством председателя Государственной Думы. Этот последний зачастую посещал заседания центрального военно-промышленного комитета, где произносил речи и срывал бурные овации революционно настроенной интеллигенции.

Центральный военно-промышленный комитет образовал в своем составе ряд секций по всевозможным отраслям, число которых все время увеличивалось. Так, появились секции: механическая, химическая, по снаряжению армии, вещевая, продовольственная, санитарная, рабочая, по изобретениям, автомо-

бильная, авиационная, перевозок, угольная, нефтяная, торфяная и лесная, мобилизационная, крупных снарядов, станков и пр.

Вначале отношение большинства Правительственной власти было вполне сочувственное к этому новому общественному порыву, который как будто обрисовывался исключительно с точки зрения патриотической. Очень немногие из состава Правительства, к которым, с самых первых шагов комитетов, принадлежал я, усматривали в этом новом направлении весьма опасные признаки и предвидели чисто оппозиционную политическую опасность, так как дело захватывалось явно оппозиционными и даже революционными кругами, стоявшими много левее существовавших уже общественных организаций - земской и городской. Кроме того, я определенно был убежден в преобладании чисто наживных интересов некоторых промышленных и хищнических кругов. Оба эти опасения скоро вполне оправдались, как будет видно из дальнейшего.

Подтверждение благоприятного отношения Верховной Власти и Правительства к новой организации явно видно из изложенного в главе XXI рескрипта Его Величества на имя Председателя Совета Министров от 14 июня 1915 г.

Тем временем местные комитеты, не имея никаких правил и инструкций, действовали все вразброд и входили между собою в резкие разногласия по многим вопросам, в особенности относительно установления районов своих действий. Поэтому в центральном военно-промышленном комитете сперва была высказана мысль о необходимости объездов членами центральных военно-промышленных комитетов для инструктирования местных органов, но им это показалось недостаточным, и было решено созывать периодические съезды представителей комитетов. По этому вопросу оказалось трудно согласовать

бывшие в то время течения; Московские промышленники настаивали на съездах в Первопрестольной Москве, а другая часть промышленников, во главе с Харьковскими горнопромышленниками, отстаивала столицу Петроград. В конце концов последние имели перевес, и первый съезд был назначен на 25 июля в Петрограде.

За двухмесячное существование центрального военно-промышленного комитета выяснилось большое недовольство членов комитета Председателем Н. С. Авдаковым. Действительно, он совершенно не подходил для руководства тем кипящим котлом, который представляла из себя вся новая организация. К тому же здоровье его было чрезвычайно подорвано*.

В конце концов Авдакова уговорили отказаться и вместо него на первом съезде военно-промышленных комитетов единогласно избрали заранее приготовленного преемника А. И. Гучкова, а товарищем его А. И. Коновалова. Следует при этом принять во внимание, что никогда за свою жизнь Гучков не занимался созидательной работой, а специализировался исключительно на политических интригах. Но надо отдать справедливость, что едва ли возможно было найти более подходящего деятеля для объединения революционизировавшейся интеллигенции. Таким образом, деловая сторона деятельности комитетов всецело легла на А. И. Коновалова, который в то же время не уступал А. И. Гучкову в придании яркой политической окраски всему новому образованию. С устранением Авдакова разрешался и другой назревший вопрос о полном отделении военно-промышленных комитетов от совета съездов промышленности и торговли, так как до сих пор уния осуществлялась лишь в лице общего председателя.

---

* Авдаков умер в сентябре того же года.

Гучков заранее подготовил проект положения о военно-промышленных комитетах, на том же съезде, который избрал его председателем, получил его одобрение и решил провести это положение для утверждения Правительством. Благодаря его близости к Кривошеину, наиболее влиятельному в то время члену Правительства, это ему блестяще удалось.

При письме на имя Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина, Гучков препроводил проект положения с просьбой утвердить его. Подготовленный Кривошеиным, Горемыкин назначил его к рассмотрению в ближайшем заседании Совета Министров 4 августа 1915 г. на Елагином Острове и пригласил на заседание самого Гучкова. Все тут было ненормально: во-первых, направление вопроса непосредственно председателю, во-вторых, назначение дела к слушанию в Совете без предварительного обсуждения подлежащими министрами (военным, внутренних дел и торговли и промышленности), наконец, приглашение в заседание Гучкова, постороннего правительству лица. Срочность была проявлена исключительная: подлежавший слушанию проект был разослан членам Совета в самый день слушания дела. Ясно, что Кривошеин оказал сильное воздействие на Горемыкина, который не проявлял никогда симпатий к Гучкову и всей его деятельности.

Совет Министров внес несколько второстепенных поправок в положение и с этого дня военно-промышленные комитеты стали узаконенными органами, наделавшими много забот Правительству и сыгравшими первейшую роль в подготовке революционного движения.

Таким образом, избранный 25 июля председателем Гучков сумел уже 4 августа получить утвержденное положение военно-промышленных комитетов и тем на много опередить своих старших собратьев - земский и городской союзы, которые за год действий не могли добиться этого.

Если Гучков сумел так удачно для себя использовать его близкие отношения с Кривошеиным, то он еще больше извлек из его тесной дружбы с Поливановым. В момент избрания Гучкова Председателем центрального военно-промышленного комитета Поливанов состоял председателем Высочайше утвержденного 17 мая 1915 г. Совещания по снабжению армии, которое через три месяца после этого было преобразовано, на основании закона 17 августа 1915 г., в Особое Совещание по обороне.

Тут начинается, или, вернее, возобновляется, самое тесное сотрудничество Поливанова с Гучковым.

От деятелей военно-промышленных комитетов военное министерство не имеет больше никаких секретов в смысле снабжения. Члены военно-промышленного комитета получают свободный доступ в управление Военного Министерства, занимающиеся заказами и заготовками. Работа Особого Совещания по обороне стала скоро сливаться с военно-промышленными комитетами. Начальники отдельных частей, видя, что попасть в милость министра можно только через общественных деятелей, начали всячески перед ними заискивать.

Особо в этом отношении выделился начальник Канцелярии Военного Министерства генерал Лукомский, скоро получивший назначение помощника военного министра. Не меньшую изворотливость проявил начальник Главного Артиллерийского Управления генерал Маниковский.

ФИНАНСЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ

Для надлежащего освещения деятельности военно-промышленных комитетов следует прежде всего остановиться на тех финансовых средствах, которыми располагали эти учреждения.

Если не считать сравнительно незначительного

на первых порах взноса из средств совета съездов представителей промышленности и торговли, составившего всего 160 тыс. рублей, все остальные крупные поступления в кассу военно-промышленных комитетов были сделаны исключительно из казны. Прежде всего, им было ассигновано 300 тыс. руб., а засим им было предоставлено отчисление в 1% со всех казенных военных заказов, размещенных при том или ином участии военно-промышленных комитетов. А так как все этого рода заказы были на громадные суммы, измеряемые многими миллионами рублей, то этот 1% составлял крупные суммы, достигавшие несколько миллионов рублей. Наконец, у военно-промышленных комитетов был еще один источник дохода. Они организовали коллективные заказы промышленных предприятий, работающих на оборону различных предметов, например станков. На эти заказы комитеты начисляли весьма существенную мажорацию в свою пользу, доходившую до 20%, по тем соображениям, что если бы предприятия делали эти заказы врозь, то их стоимость была бы много выше. Так это или не так, проверить трудно, но факт тот, что многие предприятия усиленно уклонялись от этих коллективных заказов, предпочитая их делать непосредственно.

Из изложенного видно, что военно-промышленные комитеты, имели в своем бесконтрольном распоряжении весьма крупные суммы. Расходование их было чрезвычайно широкое на содержание целого ряда органов, учреждаемых с явною целью конкурирования с Правительством. Достаточно указать на то, что на второй год деятельности пришлось возбуждать вопрос об увеличении одного процента отчисления на военные заказы.

Переходя к самой деятельности комитетов, на первое место следует отнести организацию широкой и бессовестной рекламы. Прежде всего, на разные лады пропагандировалась фраза: “Правительство не сумело, -

взяли все в руки мы". Для достижения широкой рекламы в определенные дни и часы устраивались собеседования руководителей центрального военно-промышленного комитета с представителями прессы. Впрочем, собеседования эти кончились довольно скандально, так как журналисты, столь жадные обычно на всякие сенсационные новости, просто перестали их посещать и являющимся для собеседований очередным ораторам не перед кем было делать своих сообщений.

Вот другие примеры методов рекламы.

Военное министерство отправляло на фронт снаряды, заготовленные главным артиллерийским управлением. Центральный военно-промышленный комитет предложил, что он закажет для них ящики и упакует. На всех ящиках была поставлена крупная надпись: военно-промышленные комитеты. Очевидно, что, получая эти снаряды на фронте, и командный состав, и солдаты решили, что вся эта партия есть уже результат работы общественности.

Во многих случаях в ящики вкладывались объявления от военно-промышленных комитетов: "Снарядов не жалеть". Опять в представлении фронта это был результат деятельности общественности, так как до сего времени снаряды экономили, а с приходом к делу общественников, их можно не жалеть. Авторы этих листовок не постеснялись даже использовать столь ненавистную для них фразу приказа С.-Петербургского генерал-губернатора Трепова во время укрощения беспорядков 1905 г. "патронов не жалеть"*.

Реальная деятельность центрального военно-промышленного комитета вылилась главным образом в распределении заказов между заводами, т. е. между старыми поставщиками военного ведомства. Иначе го-

* Кстати сказать, эта фраза была в приказе для публики, а войскам и полиции были даны строгие указания применять оружие только в исключительно трудных случаях. В результате патроны в ход не пошли.

воря, он являлся посредником между властью и заводом. Казалось бы, что для чисто посреднической деятельности не требовалось учреждения столь громоздкой и дорогостоящей организации. Результат же получался весьма печальный, а именно постоянное, беспрерывное удорожание всех заказов не только вследствие естественного во время войны удорожания производства, но и искусственное взвинчивание цен. Сильная общественная организация своим влиянием могла легче проводить в военном ведомстве чрезмерные цены, чем то могли сделать непосредственно заводы. Кроме того, за эти "услуги" военное ведомство уплачивало им 1% с суммы заказа.

Искусственное вздорожание стоимости военных заказов, конечно, в значительной степени отражалось на все растущей дороговизне жизни.

Туг, мне кажется, уместно отметить, что целый ряд заказов был выдан с явным преувеличением возможной производительности заводов. Раз заводу не ставилось суровых карательных мер за несвоевременное исполнение заказа, а в то же время ему выдавался в счет заказа при подписании договора аванс на дополнительное оборудование, доходивший до 75%-ной стоимости заказа, то получался полный интерес для завода искусственно забрать возможно больший заказ, зачастую зная, что его выполнить нельзя. Были даже случаи, когда операции такого рода производились в надежде, что война скоро, до наступления сроков сдачи, кончится, и тогда возможно будет воспользоваться авансом, не исполняя поставки.

Известны случаи, когда центральный военно-промышленный комитет проводил в Особом Совещании по обороне крупные заказы тем лицам или объединениям, которые не имели вовсе завода, обещались его выстроить и на постройку и оборудование получали громадные авансы. В другом месте моих заметок я

излагаю случай, когда такой завод предполагалось строить на казенные авансы со скрытой целью погубить находившийся в том же городе казенный завод, так как этот последний прекрасно исполнял военные заказы по ценам во много раз меньшим, чем частные заводы. Не является ли этот факт ярким доказательством, насколько у некоторых промышленников наживные интересы играли роль в этого рода делах.

Наконец, необходимо пояснить, чем было вызвано постоянное и неудержимое увеличение числа секций центральных военно-промышленных комитетов. Дело объяснялось просто стремлением руководителей захватить в свои руки все экономические рычаги. С этой целью деятели комитета усердно пропагандировали среди своих последователей, что совершенно лишнее обращаться по тем или иным делам в соответствующее министерство. Обо всем надо идти в надлежащую секцию военно-промышленного комитета, который лучше пойдет навстречу всякому ходатайству, чем правительственные органы. Иначе говоря, преследовалась определенная цель - дискредитирования власти.

Примерно через девять или десять месяцев после образования этой сверхобщественной организации, когда Правительство отдало себе отчет о крайне сомнительной ее полезности для военного снабжения, Совет Министров поручил Государственному Контролеру сделать обследование того, что реально достигнуто комитетами. Картина оказалась потрясающей: заказов роздано много, процент исполнения их ничтожный.

Это обследование нисколько не смутило руководителей комитетов. Они тотчас же стали доказывать неблагоприятность условий, при которых они работали, противодействие правительственных органов и пристрастность сделанных подсчетов. В общем, чрезвычайно ловко замяли и затушевали дальнейшей рекламой.

(Продолжение следует)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ СЕРГЕЯ ФРЁЛИХА "ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ"[1]

Честь и слава Ю. К. Мейеру за большой и очень своевременный труд - перевод на русский язык книги Сергея Фрёлиха "Генерал Власов". В год 50-летия окончания Второй мировой войны книга доступна читателю в России, где (как и раньше - в СССР) о генерале Власове и о РОА или пишут заведомую ложь ("предатели", "продались" и т. п.) или стараются обойти эту тему как незначительную, к делу победы не относящуюся, или сознательно "замалчивают" ее. Например, в журнале "Новый мир" в 1989 году был напечатан труд Александра Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", а все главы о Власове и власовцах были опущены. (Правда, о детях в лагерях и об ужасном положении в них женщин, словом, то, о чем особенно стыдно вспоминать, тоже не было напечатано.)

О том, что миллионы советских солдат сдавались в плен в годы Второй мировой войны, было опасно упоминать, как во времена Сталина, так и после него. Сейчас же можно было бы сказать правду об этом - народ никогда не хотел навязанной ему власти и делал отчаянную попытку от нее отделаться[2]. Вопрос всегда

---

[1] С. Фрёлих. "Генерал Власов". Перевод с немецкого Ю. К. Мейера при участии Д. А. Левицкого. Издательство "Эрмитаж", Tenefly, N. J. 07670, USA. 400 стр. Иллюстрации.

[2] О том, что это была наиболее многочисленная, но не самая отчаянная и уж, конечно, далеко не единственная попытка см.: Ю. Сречинский "Как мы покорялись. Цена Октября". Изд. "Заря", Канада, 1974.

был - как? Еще в 1942 году И. Солоневич писал[3], что Красная армия в "...подчинении всех интересов страны интересам армии" стоит выше дореволюционной армии, но "по духу" и "по целям войны" - ниже. Он дальновидно заключает: "Единственная ныне мыслимая цель Красной армии, т. е. вооруженного советского народа - есть свержение советской власти. Отсюда - и жажда войны"[4] - войны, как реального способа поднять вооруженное восстание против ненавистного режима. Относительно возможной помощи Запада русскому народу в его борьбе за свободу проф. И. А. Ильин пишет: "...Европа **боится** России. "Что, если этот нависающий с востока массив, двинется на запад?"... **мир изобилует "русофобами", врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех**"[5].

Первого июня 1994 года по телевидению (канал CSPN) передавали запись беседы с генералом Волкогоновым. Он упоминал об архивах. В частности, говорил, что в августе 1942 года, когда были крупные битвы под Сталинградом и Москвой, Берия просил усилить охрану советских концлагерей, так как боялся восстаний. Охраняющие лагеря 400 тысяч НКВДистов плюс сами отбывающие заключение (в большинстве своем - жертвы террора власти - *Т. М.*) - сколько людей могло бы влиться в армейские ряды на защиту страны, сетует генерал Волкогонов. (Он, однако, не нашел нужным упомянуть, что эту же мысль до него развил в "Архипелаге ГУЛАГ" А. Солженицын). И Фрёлих пишет о том, что у генерала Власова был план (о, если бы немцы допустили его реализацию!) двинуть части РОА прямо к

---

[3] Иван Солоневич. Сборник статей. Шанхай 1942 год, стр.130.

[4] Там же.

[5] Проф. И. А. Ильин "О грядущей России". Джорданвилл, 1991 г., стр. 134-135.

Весна 1942 года. Писатель Илья Эренбург и генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов со штабом 20-й армии Западного фронта, деревня Середа, Шаховской район, Московская область.

Слева направо: генерал Сандалов, журналист газеты "Правда" Цветов, член Военного совета генерал Куликов, Начальник политического отдела генерал Паша, Илья Эренбург, генерал-лейтенант А. А.Власов, неизвестный.

лагерям, поднять там восстание и пополнить свою армию сидящими в лагерях людьми. Но Волкогонов о генерале Власове - ни слова. Правда, он сказал, что при Сталине народ сам не мог проявить инициативы, а ожидал "Мессию" (?!?). Такой же политики молчания о генерале Власове и о РОА (как и о других - Русском корпусе, казаках) придерживаются и Советская историческая энциклопедия, и Военная Энциклопедия 1980 года, и Энциклопедия Великой Отечественной войны 1985 года. Под буквой "В" о Власове - ни слова. Под "Вторая мировая война" - о власовцах нет даже в отрицательном смысле, вроде - "вот были такие изменники" и т. п.

В то же время подготовка к тому, чтобы по-новому осветить события Второй мировой войны, идет. Исследователи пишут о неподготовленности армии к войне. Причин к тому было много. Огромную роль сыграли аресты и расстрелы высшего офицерского состава в 1937-39 гг. "Массовые репрессии и террор нанесли огромный урон Советскому государству, подорвали его обороноспособность, явились главной причиной страшных поражений Красной армии в начале Великой Отечественной войны"[6]. А Фрёлих пишет: "Пребывание Власова в Китае спасло его от чистки, которая была связана с так называемым предательством Тухачевского. Я называю "так называемым", потому что позже мы узнали, что это не было изменой. Это была провокация, подготовленная шефом группы СС Хейдрихом, которую Сталин использовал, чтобы во время задуманной общей чистки уничтожить и военное руководство"[7]. И то, о чем выше пишет Фрёлих, и бездарное руководство операциями на фронте, стоившее не-

[6] "Сталин и Красная Армия" (Архивные находки), журнал "История СССР" № 5, сент.-окт. 1991 г., стр.175.

[7] С. Фрёлих. "Генерал Власов", стр. 26.

исчислимое количество зря потерянных человеческих жизней, и то, что Власов - крестьянин по происхождению - не мог забыть и простить коллективизацию, и настроение в армии, неспособной и не желающей воевать и массами сдававшейся в плен, все это подтолкнуло Власова решиться на борьбу со Сталиным.

К Западу, особенно к США, у РОА враждебных чувств не было. Но непонимание руководством РОА отношения Запада к антикоммунистической освободительной войне оказалось роковым. Генерал Власов надеялся, что Западу ясна суть борьбы РОА и что он будет готов в ней помочь. Как и подавляющее большинство людей в Советском Союзе, Власов и не представлял, насколько на Западе никто не хотел верить ужасам, происходившим в СССР, насколько общественное мнение Запада было настроено с симпатией к Сталину и насколько Запад, учитывая **собственные** интересы, не был расположен чем-либо Сталину перечить. Фрёлих описывает попытки деятелей РОА разъяснить западным политикам ситуацию, в которой они пытаются вести борьбу со Сталиным, объяснить, что они вынуждены были принять помощь Третьего Рейха в войне против коммунизма, т. к. никто другой им этой помощи не **предлагал**[8]. (Тут интересно упомянуть, что генерал Драже Михайловичу в конце концов тоже пришлось обратиться к немцам, чтобы спасти национальные части сербской армии, т. к. Союзники его не только игнорировали, но и его достижения приписывали сторонникам Тито. Знакомый почерк! Дело-то было в том, что почти весь идеологический фронт Западных сил был в руках или коммунистов или им симпатизирующих.)

"Совершенно непонятным образом они (американцы. - *Т. М.*) смотрели еще на Сталина как на "хоро-

[8] С. Фрёлих. "Генерал Власов", стр. 227.

шего старого Джо"[9] со всеми вытекающими из этого последствиями. Например: Руководство РОА возлагало надежды на генерала Паттона, командующего 3-й Американской Армией, который как будто понимал "коммунистическую опасность" и был "серьезно намерен не допустить выдачи РОА Советскому Союзу"[10], но Паттон "тем временем получил другие указания"[11], и надежда на переговоры с РОА превратилась в ничто. В книге М. Блуменсона "Паттон" есть такая фраза (перевод мой. - *Т. М.*): "Презирая русских, называя их монголами, он (Паттон) был уверен в конечной конфронтации американцев и Советов"[12]. Ясно, что ему было все равно, с какими русскими иметь дело, отсюда и его отношение к Власовцам, несмотря на его "антикоммунизм". Или другой пример: в книге "The American Heritage" (на стр. 251-252) сначала читаем о Власове как о герое СССР, а потом, даже без упоминания каких-либо идейных причин, его побудивших так или иначе действовать, без упоминания наличия и массовости Власовского движения, как об "изменнике в самых высоких чинах" (перевод мой. - *Т. М.*) Второй мировой войны. Еще сказано, что он **помогал** Гитлеру до мая 1945 года и что генерал Паттон **взял** его в плен в Чехословакии, и т. д. Такое "знакомство с фактами" и "знание" истории встречаются не только в СССР!

Чтобы показать, как в России и в 90-е годы дезинформируют и обманывают людей, в данном случае в вопросе, касающемся и личности генерала Андрея Андреевича Власова и самой идеи Власовского движения, хочу сопоставить ряд мыслей и доводов, которых касаются В. Г. Бортневский и С. Б. Фрёлих.

---

[9] Там же, стр. 266.
[10] Там же, стр. 244.
[11] Там же, стр. 247.
[12] М. Блуменсон. "Patton". Изд. Berkeley Book, 1987 г.

В журнале "Soviet Studies in History's Journal of Translation" была напечатана статья под названием "Против своего Отечества: ген. Власов, Власовцы и другие" (обратный перевод всюду мой. - *Т. М.*). Ее автор - В. Г. Бортневский, профессор исторического факультета Ленинградского государственного университета. Ссылаясь на материалы газеты "Аргументы и факты", № 9 1989 года, он пишет, что во время Второй мировой войны около миллиона советских граждан надело немецкую форму. Тот факт, что их было так много, - еще один пункт против Сталина, заключает он. Но у Бортневского позиция далеко не нейтральная, он старается унизить образ генерала Власова и Власовцев. Признавая, что пленных было более 5,7 миллионов, он утверждает, что: "Большинство было уничтожено гитлеровцами, а некоторые были **освобождены** (sic! Выделено мной. - *Т. М.*) Красной Армией и ее союзниками"[13] (и сразу же опять сосланы, уже в советские лагеря, скажем мы. - *Т. М.*). Все русские, находящиеся на территории Германии в 1945 году, прекрасно знали, что их ждет по возвращении на родину, и почти никто не хотел попасть в руки Советской Армии - "освободительницы". Тот факт, что "профессор" истории Бортневский не знает об этом в 1991 году (дата публикации его статьи), говорит сам за себя. С. Фрёлих прекрасно написал о том, как все старались договориться с Западными союзниками и попасть к ним в плен. Сейчас мы уже знаем, что Западные союзники почти всех потом выдали Сталину, и не потому, что не знали, что с выданными будет, а потому, что слишком много прокоммунистически настроенных лиц занимало ключевые позиции. Кроме того, нелюбовь к нацио-

[13] В. Г. Бортневский. "Против своего Отечества: ген. Власов, Власовцы и другие", журнал "Soviet Studies in History of Translation", winter 1990-91.

нальной России вообще всегда отмечалась у Западных держав.

Мне хочется привести здесь отрывок из книги Ю. Власова "Огненный крест"[14]: "Едва последний узник нацистов покинул Бухенвальд, как в лагерных бараках появились первые жертвы НКВД. Это произошло 12 августа 1945 года.

Мир праздновал победу, а в это время в лагеря сгоняли людей, чтобы снова убивать... Нацистов там было куда как меньше, чем взятых по доносам и разного рода подозрениям. Было много и 12-13-летних детей, тоже обреченных на смерть.

Таких бывших гитлеровских лагерей было одиннадцать. На весь мир известный Заксенхаузен был закрыт лишь в марте 1950 года. Было сделано все, дабы замести следы. Это означало одно: практически все узники были уничтожены или исчезли в Сибири.

Дематериализация людей - главное и любимое занятие чекистов со времен Ленина".

Разве мог Запад об этом не знать?!

В 1992 году вышла книга Михаила Назарова "Миссия русской эмиграции", где об этом же сказано так: "... ни Гитлер, ни демократии не были заинтересованы в свободной России. Гитлер погубил в концлагерях миллионы противников коммунистического режима, а Запад после войны выдал уцелевших на расправу Сталину тоже миллионы"[15].

Но вернемся к Бортневскому, к его ответам на им же поставленный вопрос - почему так много людей перешло к немцам? Во-первых, желание отомстить за свои замученные режимом семьи и друзей, во-вторых,

---

[14] Ю. Власов. "Огненный крест", часть 2, стр. 498, 499, изд. "Новости", Москва, 1992 г.

[15] М. Назаров. "Миссия русской эмиграции", изд. "Кавказский край", Ставрополь, 1992 г., стр. 347.

стремление сдаться при первом удобном случае. (Это уж совершенный вымысел; мы читали у Солженицына о том, как отчаянно дрались Власовцы. Он и причины этому указал: сдавшихся тут же расстреливали или ссылали в лагеря). В-третьих, продолжает Бортневский, на сторону немцев встали "настоящие "враги народа", сидящие тихо в мирное время и показавшие свое истинное лицо в годы тяжелых испытаний"[16]. Бортневский как будто и соглашается с фактом существования "врагов народа", но тут же признается, что именно "сталинизм сделал все, чтобы вытравить понятие чести, собственного достоинства"[17]. Но ведь именно то, что столько народу хотело отмежеваться от наводящей на всех ужас безбожной Красной Армии, хотело сбросить коммунистический режим, и показывало, что народ сохранил понятие чести, понятие собственного достоинства, понятие добра и зла. Об этом же читаем в книге М. Назарова, где о Власове и о РОА выдержано в положительных тонах: "Даже если бы они знали, что не победят, все равно столь очевидному злу необходимо было сопротивляться"[18]. М. Назаров в своей книге заключает, что попытка создать "независимую третью силу" (по типу РОА. - *Т. М.*), была безнадежна, "... но не пришлось ли бы всем нам еще больше стыдиться... если бы этой попытки не было?"[19].

Бортневский всюду называет Власовцев "изменниками". И тут же объясняет, что для того, чтобы "изменников" было меньше, пришлось заговорить о патриотизме, о героях бывших войн, заручиться поддержкой Церкви. Чтобы люди не переходили к Власову, пришлось им дать те же патриотические лозунги и ду-

---

[16] В. Г. Бортневский. "Против своего Отечества: ген. Власов, Власовцы и другие", стр. 63.
[17] Там же, стр. 64.
[18] М. Назаров. "Миссия русской эмиграции", стр. 396.
[19] Там же, стр. 347.

ховные ценности, которые провозгласил генерал Власов, которые утверждались в РОА. Как проводились занятия в Дабендорфе, чему учили курсантов, подробно описано у Фрёлиха. Бортневский же, в своем желании дезинформировать читателя, доходит до того, что сообщает, будто большинство старых эмигрантов не приняли Власовского Движения, что встали на его сторону только те, кто мечтал о возвращении им семейных имений (!?), большинство же будто жертвовало деньги Красной Армии и хотело записаться в ее ряды.

Тут можно добавить, что из старых эмигрантов в РОА пошли главным образом бывшие военные и их дети, родившиеся уже за границей. Может быть, кое-кто из них, бывших гвардейских офицеров, и был богат, но большинство все же были просто военными, и не богатыми, а глубоко идейными и любящими Россию людьми. У Фрёлиха написано, что генерал Власов относился к старым эмигрантам как к носителям всех старых русских "моральных, культурных и религиозных убеждений, которые были затоптаны коммунистами"[20], и просил их передать эти ценности будущим поколениям. Генерал Власов говорил, что во время гражданской войны обе стороны проиграли. Одним пришлось покинуть родину, а другие оказались под игом Советской власти. Обращаясь к эмигрантам, Власов писал: "Нам надо забыть прежние предубеждения и как братья, как дети одной матери, освободить наш народ от несчастья, которое его постигло"[21]. Согласно статье Бортневского, генерал Власов телеграфировал советским властям: "Я могу ударить в тыл немецкой армии в Праге. Мои условия - прощение для меня и моих людей"[22]. У Фрёлиха же сказано, что и Власов, и

[20] С. Фрёлих. "Генерал Власов", стр. 210.
[21] Там же, стр. 210.
[22] В. Г. Бортневский. "Против своего Отечества: ген. Власов, Власовцы и другие", стр. 69.

Буняченко, генерал-майор РОА, хотели спасти свои части от выдачи Красной армии и к советским властям Власов не обращался[23]. И никакого "трагикомического захвата", описанного у Бортневского[24], - будто Власов хотел спастись, спрятавшись в свернутый ковер, - не было. У Фрёлиха читаем: "Власов сам не пытался бежать, как и большинство его генералов этого не предпринимали"[25]. Он мог укрыться в католическом монастыре, но "не хотел покинуть свои войска во имя личного спасения"[26].

Своеобразен и конец статьи Бортневского. Он утверждает, что люди в РОА боролись не против Сталина, а против своей страны и ее "многолетней истории"[27], совсем игнорируя тот факт, что именно эта "многосотлетняя история" и была объектом искажения и вытравливания из памяти народной Советской властью. Сталинизм не был лишь "эпизодом", как его определяет Бортневский, а вся система была построена на бездуховности, на отметании всех традиционных, исторических и культурных норм. То есть именно того, как показывает в своей книге Фрёлих, что пытался восстановить Власов, и всего того, что с таким трудом сейчас возрождают в России.

Конец генерала Власова и его сотрудников и сподвижников был мученическим. В книге Фрёлиха сказано: "Приговор от 1 августа 1946 года гласил: "Смертная казнь через повешение..." Он был немедленно после его обнародования приведен в исполнение"[28].

---

[23] С. Фрёлих. "Генерал Власов", стр. 238-240.
[24] В. Бортневский. "Против своего Отечества: ген. Власов, Власовцы и другие, стр. 70.
[25] С. Фрёлих. "Генерал Власов", стр. 270.
[26] Там же, стр. 271.
[27] В. Бортневский. "Против своего Отечества: Ген. Власов, Власовцы и другие", стр. 70.
[28] С. Фрёлих. "Генерал Власов", стр. 304.

Во время судебного процесса генерал Власов и его сподвижники "отказались признать себя виновными в измене родине. ... Их целью было освободить свой народ от этого (сталинского. - *Т. М.*) режима"[29]. Показательного процесса над Власовцами у советских властей не получилось, так как подсудимые не признали никаких ложных обвинений, навязанных судом. Они умерли как герои, не отказавшись от своих идей.

"Современникам и участникам непосильна оценка всей полноты исторического значения событий, в которых они участвовали. Кто о своих днях может безошибочно сказать, в чем и когда было поражение и когда победа? Беспристрастность и правильность оценок, поскольку таковые вообще существуют, требует перспективы, полнота обладания которой, естественно, может принадлежать только нашим потомкам. Власовское Освободительное Движение, как не было началом, так не является и концом известного периода русской истории.

Генерал Власов не был лишен пророческого дара, когда сказал: "Наши идеи будут жить дальше, когда мы погибнем, после нас семя взойдет когда-нибудь. То, что мы делаем, не напрасно".

Немецкой журналистке Власов сказал: "Если судьба уготовила нам смерть - мы умрем. Но семена истины лежат в земле, они взойдут и дадут свой плод".

И простой русской девушке - "остовке": "Если тебе удастся вернуться домой, Надя, не забудь меня. Расскажи своим друзьям, что намерения наши по отношению к нашему народу были честные"[30].

Татьяна Мурзина

---

[29] Там же, стр. 308.

[30] Прот. Александр Киселев. "Облик генерала Власова", издательство "Путь жизни" (Св. Серафимовский Фонд), Нью-Йорк, 1977 г., стр. 146.

ХРОНИКА

Ниже мы помещаем два сообщения о деятельности, происходящей сейчас в России.

Первое - "Галлиполийский вечер в Москве", прислано нам из Центрального Дома ученых в Москве.

Второе - из Томска, где состоялись V Духовно-исторические Чтения на общую тему "Православие и духовное возрождение России".

К отчету о Чтениях в мае 1995 года приложена брошюра с тезисами лекций, прочитанных там же в 1994 году. Из 40 лекций (причем 9 из них на темы скорее лингвистического характера) 5 посвящены И. А. Ильину (например, "Преображение духовности как возвращение к тотальной очевидности в концепции религиозного опыта И. А. Ильина") и одна - Ив. Шмелеву ("Христианские мотивы в прозе И. С. Шмелева"). Оба они, как известно, эмигранты, но это уже не играет роли, т. к. они теперь стали частью духовного достояния России. Читать и слушать лекции именно на такие темы десятилетиями собирались и мы, эмигранты, на зимние и летние Съезды (у нас так называется то, что в России называется "Чтением", "Конференцией") во всех уголках нашего рассеяния.

Мы выбрали именно эти два события из хроники современной жизни, потому что они свидетельствуют как о широком диапазоне духовных, культурных и исторических интересов, бытующих сейчас в России, так и о происходящем естественном процессе духовного воссоединения русского народа "во Отечестве и в рассеянии сущего".

Приславшим нам эти сообщения В. Ф. Ершову - организатору "Галлиполийского вечера" и Ольге Тимофеевне Лойко - Ученому Секретарю Чтений в Томске мы приносим свою глубокую благодарность.

РЕДАКЦИЯ

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ ВЕЧЕР В МОСКВЕ

В течение нескольких последних лет секция истории Московского Центрального Дома ученых Российской Академии наук проводит вечера, посвященные русской эмиграции. Нынешний год памятен тем, что 75 лет назад произошел исход Русской армии генерала П. Н. Врангеля из Крыма. За долгие десятилетия своего существования русская эмиграция стала заметным явлением в политической и культурной жизни ряда европейских стран. Этой дате был посвящен вечер, состоявшийся 28 марта в уютных стенах старинного московского особняка на Пречистенке.

В программу вечера были включены: рассказ историка о Галлиполийском периоде борьбы Белого движения, впечатления журналиста о поездке в Гелиболу-Галлиполи и сообщение академика Е. П. Челышева о культурной жизни русской эмиграции в Турции. Вечер вел член-корреспондент Российской Академии наук Ярослав Николаевич Щапов.

Первый доклад сделал военный историк Александр Дерябин, президент Общества истории Гражданской войны в России 1917-1920 гг., представитель молодого поколения российских ученых, известный работами по истории Белого движения. Он рассказал присутствующим, как вначале деморализованные поражением и исходом с родины люди, высаженные в маленьком, разрушенном войной турецком городке, через непродолжительное время стали образцовой военной организацией в лучших традициях импера-

ской армии. Докладчик подчеркнул, что Галлиполи по праву стало символом несгибаемого мужества русских людей, их веры в освобождение России. "Чудо Галлиполи" стало началом нового этапа гражданской войны, в котором тяжесть борьбы переместилась из области военной в область политическую. Этот этап нес в себе возможность конечной победы, как случилось в Испании при генерале Франко или во Франции при генерале Де Голле. А. Дерябину было задано много вопросов, показавших интерес слушателей к теме русских в Галлиполи.

Своими впечатлениями о поездке в Галлиполи летом 1994 г. поделился с собравшимися Владимир Лобыцын, специальный корреспондент старейшего русского журнала "Вокруг света". В его рассказе прозвучала горечь от того, что никаких заметных следов пребывания русских в Галлиполи не осталось. В городском музее, расположенном в той самой башне, где когда-то генералом Кутеповым была устроена гарнизонная гауптвахта, оставившая яркий след в галлиполийском фольклоре, нет даже упоминания о пребывании в Галлиполи русской армии. Русского военного кладбища с 255 могилами и Галлиполийского памятника с начала 60-х годов не существует. На месте лагеря русской армии нет никакого памятного знака. И это при том, что отцы города заявляют, что Гелиболу гордится тем, что вошел в историю. Однако при этом имеют в виду только Дарданелльскую операцию во время 1-й мировой войны.

Присутствовавшие на вечере могли ознакомиться с выставкой, среди экспонатов которой были подлинные корниловские марковские погоны, нагрудный знак "Галлиполи-Кабакджа" и ряд подлинных фотографий из Галлиполи.

На вечере собрались члены Дома ученых, журналисты, историки. Среди них - один из патриархов те-

мы Белого движения А. Г. Кавтарадзе, который и в прежние времена "истории СССР" показывал в своих работах, что Белая армия была не "армией помещиков и капиталистов", а народной армией, подавляющее большинство офицерства которой составляла русская демократическая интеллигенция.

Присутствовал также Андрей Кручинин, редактор "Военной Были", издания, принявшего эстафету от замечательного парижского журнала, хорошо известного историкам и всем интересующимся русской эмиграцией. Отрадно было видеть на вечере много молодых лиц. Еще совсем недавно трудно было себе представить, что молодые люди будут увлеченно и благоговейно методами компьютерной графики делать изображение Галлиполийского креста для пригласительных билетов.

Выступления докладчиков, музейные экспонаты, сама атмосфера вечера вызвала в собравшихся боль за трагическую судьбу наших дедов, занявших горькую вахту в Галлиполи в 1921 г., и в то же время - гордость за их духовный подвиг.

Заканчивая вечер, Я. Н. Щапов сказал: "Пришло время вспомнить с сочувствием тех, кто не уронил чести, оказавшись далеко на чужбине. Приходит новое поколение, - может быть, оно будет более счастливым. И оно восстановит русский памятник в Галлиполи. Это будет выполнением долга новой России перед теми, кто нашел успокоение далеко за ее пределами. И вместе с тем - восстановлением подлинной истории и памяти о людях, к ней причастных".

В. Ершов

КУЛЬТУРА ОТЕЧЕСТВА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

(О. Т. Лойко, к.ф.н., доцент)
Томский политехнический университет

24-26 мая 1995 года в Томске состоялись V Духовно-исторические Чтения "Православие и духовное возрождение России". На четырех пленарных заседаниях рассматривались вопросы взаимосвязи Православия и духовной культуры России, историко-философские и богословские аспекты жизни общества, проблемы образования и духовной культуры. Обсуждение поставленных проблем нашло свое развитие в дискуссиях, которые развернулись на 9-ти круглых столах: "Духовное влияние Русской Православной Церкви на общество", "Философия и богословие: истоки и грани взаимодействия", "Язык как основа духовной культуры", "Концепция Русской Православной школы", "Воинство - Церковь - армия", "Отечественная культура и российская словесность", "Рынок - труд - духовность", "Русская философия и русская духовная культура", "Классическое образование и проблемы духовности".

В докладе Благочинного Православных церквей Томской области, протоиерея Леонида Хараима "Православие как основа духовной культуры России" особое место было отведено характеристике исторических, культурных, богословских и философских реалий становления и развития отечественной культуры. Анализ победы советского народа в Великой Отечественной войне в контексте понимания российского патриотизма прозвучал в выступлении профессора Ю. В. Купперта (Томский ун-т): "Традиции российской истории и Великая Отечественная война". Проблема "виновности" невиновных - солдат, вернувшихся с войны, нашла свое отражение в докладе доцента

Т. Л. Рыбальченко (Томский ун-т) "Проблема вины в литературе о войне". Тема женщины, ее роли в духовном становлении ребенка, семьи, общества на основе всестороннего анализа Библии осуществил в своем докладе протоиерей собора Петра и Павла Олег Безруких.

Не только духовные ценности определяют жизнь общества. Важнейшее место в развитии социума принадлежит экономике. Россия, как уже неоднократно случалось в истории, вновь стоит перед выбором: каким путем обустроить хозяйственную жизнь нашего Отечества. Возможно ли, исходя из ценностей Православия, создать достойную человека безбедную жизнь? Утвердительный ответ на эти вопросы участники Чтений получили в выступлении профессора А. П. Бычкова (Томский ун-т) "Рынок и духовность труда".

Проблемы, поставленные на первом пленарном заседании, были раскрыты в сообщениях, рассматривающих богатейшие традиции российской словесности в контексте возрождения духовных ценностей отечественной культуры. На современном и историческом материале доцент О. Н. Бахтина (Томский ун-т) обосновала необходимость разработки региональной программы "Возрождение духовной культуры России".

Культура - это, прежде всего, диалог. И оттого, насколько участники диалога сумеют "услышать", понять друг друга, зависит в определенной мере направление культурно-исторического процесса. Эти проблемы нашли свое отражение в докладах профессора А. С. Янушкевича "Диалог И. В. Лопухина и И. М. Карамзина" и члена-корреспондента Ф. З. Кануновой "Религиозные основы позднего русского романтизма". Диалог культур находит свое отражение в языке. Как быть "услышанным", как сделать общение истинной интеллектуальной радостью, которая, в свою очередь, приводит к рождению новых смыслов. Эти проблемы были проанализированы в выступлениях

профессора Н. С.Болотновой (Томский педагогический институт) "Проблема гармонизации общения в современной лингвистике" и доцента Е. В. Иванцовой (Томский ун-т) "Прецедентные тексты как источник изучения духовного мира личности".

Отечественная культура - явление не только многогранное, но и предельно гармоничное. Поэтому не является случайностью, что проблемы развития Церкви и общества рассматривались в неразрывной связи. Вопросы развития богословской мысли России, роли и места Русской Православной Церкви в истории Отечества были раскрыты в докладах доцентов Томского университета М. М. Петрухиной и В. Ю.Соколова.

Взаимосвязь знания и веры в познании неоднократно анализировалась в философских и богословских работах. Эта проблема нашла свое отражение в докладе профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, протоиерея В. Мустафина, "Наука, религия, философия" и профессора Томского университета, академика Международной академии Высшей школы А. К. Сухотина, "Религиозная схоластика как метод исследования".

В работах, посвященных истории философии в России осталась незамеченной фигура первого историка русской философии архимандрита Гавриила (В. Н. Воскресенского). В докладе О. Т. Лойко (Томский ун-т) "Философы могут существовать во всяком народе" был проанализирован вклад архимандрита Гавриила в становление историко-философских исследований в России. Выступление было приурочено к 200-летию со дня рождения архимандрита.

Неотъемлемой составляющей духовной культуры является образование. Как справедливо отметила в своем выступлении доцент Томского педагогического института, Т. А. Костюкова, человек получил свой "талант" - физические, духовные и интеллектуальные возможности - не для сокрытия, а для возделывания и

творческого развития. В докладах профессоров Томского университета М. П. Завьяловой "Понятие классического образования" и Г. И. Петровой "Религиозное и светское понимание духовности", профессора Томского политехнического университета Л. С. Сысоевой "Эстетическая культура и воспитание духовности" были поставлены проблемы определения исходных теоретических посылок для разработки концепции христианского образования и воспитания.

Теоретические поиски ученых были дополнены концепцией Русской Православной школы, которую представил коллектив учителей Русского лицея под руководством доцента Томского педагогического института Р. Е. Моховой.

Организационный комитет, подведя итоги работы, предложил в мае 1996 года провести VI Духовно-исторические Чтения "Православное Российское Отечество: история и современность". В рамках предстоящих Чтений предполагается рассмотрение следующих вопросов:

- философия и богословие;
- Православие и российская экономика;
- классическое образование и православные традиции;
- Православие и российская словесность.

Тезисы выступлений (2-3 стр. через 1,5 инт.) направлять до 1 марта 1996 года ученому секретарю Чтений Ольге Тимофеевне Лойко.

634029, Томск, ул. Алтайская, 29, Благочиние Православных храмов Томской области.

По итогам предыдущих Чтений выпущены сборники докладов "Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее". Выпуски 1, 2, 3, 4.

Заказы направлять: 634061, Томск, ул. Красноармейская, 48-32.

Лойко Ольге Тимофеевне.

20 ноября 1994 года в Москве скончалась Елизавета Романовна Миркович, урожденная баронесса фон Кнорринг, которую в трагические военные годы мне довелось знать и венчать в Берлине.

Покойная была на редкость целостною личностью, всецело предавшая себя служению России. Умереть на русской земле, в первопрестольном граде Москве быть похороненной, думаю, есть высшая награда человеку, отдавшему всю свою жизнь, все свое человеческое счастье Отечеству.

"Нет больше той любви,
как если кто положит душу свою за друзей своих"
(Ин. 15, 13).
Да примет ее Господь во Царствие Свое.

Протопресвитер о. Александр Киселев
с семьями Киселевых и Холодных

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА КЛАВДИЕВИЧА ЗАВАЛИШИНА

Мы благодарим Сергея Львовича Голлербаха за присланную нам памятную заметку о Вячеславе Клавдиевиче Завалишине.

С. Голлербах прекрасно описал многогранный облик покойного, но об одной грани, смеем думать, для него самой важной и его личность наиболее определяющей, хотелось бы сказать со всей определенностью - Завалишин превыше всего любил Россию! Несмотря на то, что из своих 80 лет жизни он более 50 прожил за границей, что у него был чрезвычайно широкий и разнообразный круг знакомых, было бы совершенно невероятно (даже смешно!) представить себе Завалишина американцем или немцем. Он до мозга костей был русский. Этим определялись его глубокие познания в области русской старины и русской культуре в целом. Его по-русски широкая натура могла вместить в себя все то, что предлагал ей Запад - познать, принять, вместить, - не поступясь при этом ни пядью всей полноты своего русского самосознания.

Да будет ему легка земля американская!

РЕДАКЦИЯ

31 мая 1995 года ушел от нас еще один из представителей старого русского Нью-Йорка - литератор, журналист, переводчик, поэт, искусствовед и критик Вячеслав Клавдиевич Завалишин. Казалось, что он ве-

чен. С начала 50-х годов его можно было видеть на всех нью-йоркских вернисажах, концертах, выставках и театральных представлениях, в которых участвовали русские артисты. Его знали все, и он тоже знал всех. Но не так уж много людей, хорошо знакомых с его биографией. Поэтесса Валентина Синкевич, редактор альманаха поэзии "Встречи", где печатались стихи Завалишина, любезно предоставила мне целый ряд данных о его сложной и трудной жизни.

Вячеслав Клавдиевич Завалишин родился 13 октября 1915 года в Петрограде. То, что он из морской семьи, было известно. "Мои предки по отцовской линии с 15-го века были моряками", - писал он в своем сборнике стихов "Плеск волны". "Мой отец... не стал русским морским офицером лишь потому, что примкнул к партии эсеров, сделался революционером" (там же). Я знал, что отец его был расстрелян в ежовщину, но не знал, что мать провела долгие годы в концлагере под Карагандой и была освобождена только после смерти Сталина. О ней Вячеслав Клавдиевич не говорил, возможно не зная долгое время о ее судьбе.

Завалишин закончил перед войной историко-филологический факультет Ленинградского университета, был призван в армию, попал в плен к немцам, из плена бежал и жил под чужой фамилией в Новгороде и во Пскове. Там, по ложному обвинению в партизанской деятельности был арестован немцами, подвергнут избиениям и пыткам и отправлен в штрафной лагерь в местечке Погулянка в Латвии. Оттуда его освободили благодаря заступничеству экзарха Сергия (Воскресенского). После окончания войны Завалишин остался на Западе, в Германии, где уже в 1946 году издал свою небольшую брошюру "Андрей Рублев". (В 1948 году она вышла и на немецком языке.) Вообще, немецкий период его жизни оказался плодотворным. Появились книги "Конек-Горбунок" Ершова (Мюнхен, 1946), од-

нотомник Есенина (Регенсбург, 1947) и четырехтомник Гумилева (Франкфурт-на-Майне, 1948-50). Еще в 1947 году Вячеслав Клавдиевич Завалишин стал сотрудничать с нью-йоркской газетой "Новое Русское Слово". По приезде в 1951 году в США он стал ее постоянным корреспондентом вплоть до 1987 года. С 1951-го по 1958 год Завалишин работал при Колумбийском университете над книгой о советской литературе 1920-29-х годов. Его труд "Ранние советские писатели" вышел по-английски. Кроме того, с 1958-го по 1976 год он писал скрипты на темы литературы и искусства для радиостанции "Свобода". С 1952 года публиковался в "Новом Журнале". Почти с самого его основания в 1978 году печатался в журнале "Русское Возрождение", а также принимал самое деятельное участие в Съездах (1978-1990) Русской Православной Общественности - подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси. Наконец, Завалишин был долголетним корреспондентом сан-францисской газеты "Русская жизнь". Такова, вкратце, его деятельность.

Но факты - холодная вещь. Мы все, его друзья и знакомые, помним Вячеслава Клавдиевича Завалишина как друга поэтов и художников, всегда внимательного и готового написать рецензию, посвятить стихи, включить репродукцию картины в книгу. Завалишин, таким образом, стал хроникером русско-американской художественной жизни, рецензентом и свидетелем творческой деятельности многих художников, большинство из которых принадлежит ко второй, послевоенной волне российской эмиграции.

Но знакомство Завалишина не ограничивались русским Нью-Йорком. Он встречался, например, с Сальватором Дали и его русской женой Галей, он часто бывал в Гринвич Виллидж, этом "Латинском квартале" Нью-Йорка, и среди его друзей были американцы разного этнического происхождения. Когда вышло

в свет его поэтическое переложение на русский язык "Центурий" Нострадамуса, обложку для книги сделал известный мексиканский художник русского происхождения Владимир Викторович Кибальчич (Влади).

Как многие русские творческие люди, Вячеслав Клавдиевич Завалишин был романтиком и субъективистом в душе и открыто об этом заявлял. "Почву для восприятия романтических откровений для меня подготовила живопись Николая Константиновича Рериха", - писал он. О субъективизме он говорил так: "Пусть меня упрекают в чрезмерном субъективизме, как уж не раз в том же "тяжелом" грехе упрекали меня за мои историко-литературоведческие статьи и советские и русские зарубежные критики. А что в сущности плохого в субъективизме?" Думаю, что этим субъективизмом и ценна книга Завалишина о Малевиче, которого он лично встречал в свои студенческие годы.

Завалишин видел живую связь между поэзией и живописью и любил цитировать Заболоцкого:

"Любите живопись, поэты,
Ведь ей единственно дано
Души изменчивой приметы
Перенести на полотно".

Картины художников часто вдохновляли Завалишина. Под впечатлением картины Владимира Шаталова "Ничего вокруг" он стал переделывать свою поэму "Летучий голландец", надеясь, что ему "удастся обобщить беженский опыт в диких, странных образах" ("Плеск волны").

Много ли поэтов, которым живописный образ помогает найти поэтическое, словесное выражение их чувств?

Глубокая заинтересованность в контактах живописи и поэзии и заинтересованность в творческих лю-

дях - вот что характерно для всей жизни Вячеслава Клавдиевича Завалишина.

Несмотря на обилие знакомств он был, я думаю, довольно одинок. Но в последние годы жизни судьба дала ему верную жену, русскую пианистку Галину Владимировну Орловскую, которая трогательно заботилась о нем, когда тяжелые недуги стали разрушать его здоровье. Все же ему удалось дожить до крушения коммунизма в России и увидеть свои книги на родине - то, о чем мечтали и до чего не дожили многие писатели и поэты Зарубежья. Мы всегда будем хранить добрую память о нашем Славе и всегда будем ощущать пустоту, которая образовалась в наших рядах с его уходом в лучший мир.

Мир праху твоему, дорогой Вячеслав Клавдиевич!

Сергей Голлербах

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи журнала 3
Идейный стержень эмиграции 5
Милица Холодная - 50-летие дома "Милосердный Самарянин" 8
О. П. Ильинский - Стихи 49
Владыка Сергий Пражский - О подвиге общения .. 52
Архимандрит Тихон (Белавин) - О подвижничестве 63
Проф. И. А. Ильин - Почему мы верим в Россию .. 84
Глеб Рар - Сообщения 94
М. Н. Соловьева - Стихи и парафраз 96
В. Белов - По мотивам сербских народных песен ... 108
Татьяна Ильина - Весна. Случай с хирургом 116
Иван Забелин - Нравственность в частной жизни и в политике: есть ли разница? 136
Кн. В. Н. Шаховской - "Sic transit gloria mundi" 147

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Татьяна Мурзина - Размышления о книге Сергея Фрёлиха "Генерал Власов" 178

ХРОНИКА

В. Ершов - Галлиполийский вечер в Москве 191
О. Т. Лойко - Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее 194

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Елизавета Романовна Миркович 198
Сергей Голлербах - Памяти Вячеслава Клавдиевича Завалишина 199

НАШИ ИЗДАНИЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
В. Н. Ильин.
206 стр. 10 долл.

ИЗБРАННОЕ. Борис Зайцев.
252 стр. 10 долл.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ (Сборник статей).
Е. Е. Климов
263 стр. Иллюстрации 10 долл.

ЛЕТО ГОСПОДНЕ. Ив. Шмелев. 15 долл.

ОБЛИК ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА (Записки военного священника). Прот. Александр Киселев. 200 стр. Фотографии. 15 долл.

ВОСПОМИНАНИЯ. М. В. Добужинский.
400 стр. Иллюстрации. 15 долл.

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ. Прот. Александр Киселев. 144 стр. Многочисленные изображения икон Богородицы в красках. (Издание Комитета русской молодежи). 17 долл.

АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ САРОВСКОМУ. Приложение.
1. Биографический и библиографический материал
2. Ноты
3. Богослужебные тексты из всенощного бдения — 4 долл.

О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ (Беседы). Архиепископ Сергий Пражский. — 4 долл.

...ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД (то, что надо знать, сохранить, донести). Прот. Александр Киселев. 112 стр. Твердый переплет, редкие фотографии. — 12 долл.

ПУТИ РОССИИ (Опыт рассмотрения прошлого как основы будущего). Протопр. Александр Киселев. 184 стр. Иллюстрации в красках. — 15 долл.

Заказы можно направлять по адресу:
Put' Zhizni
St. Seraphim Foundation
53 Duane Lane
Demarest, N. J. 07627

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
Независимый русский православный национальный журнал

Подписка:

	США и Канада	Франция	Германия	Россия
На 1 год	28 ам. долл.	150 фр.	50 н. м.	
Воздушной почтой	45 ам. долл.			
Отдельный номер	10 ам. долл.	55 фр.	20 н. м.	5000 р.

Подписную плату следует посылать:

В США: Russkoe Vozrozhdenie. 53 Duane Lane, Demarest, N. J. 07627

В России, Европе, Канаде и Австралии - нашим представителям

Желаю подписаться на "Русское Возрождение" на 199 г.

Фамилия: .....

Имя и отчество: .....

Адрес: .....
.....

С пересылкой
обыкновенной почтой.....
воздушной почтой.....
добавляю поддержку.....

Подпись: .....
Дата: .....

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Отпечатано в России, г. Москва

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

АВСТРАЛИЯ:

Сидней - Mr. N. M. Serebriakov. P. O. Box A 310., Sydney South 2000. N. S. W. Australia.
Мельбурн - Mr. A. Souprounovich. 7 Rendell Crt., Oakleigh 3166. Victoria. Australia.
Аделаида - Miss G. N. Lobatchevsky. 58 Elizabeth St., Croydon. South Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ и АВСТРИЯ:

Herr V. A. Kutsche. Diesel Str. 19. Munchen 50. Germany.

КАНАДА:

Торонто - Mrs. I. Bielay. 474 Palmerston Blvd., Toronto Ontario M6G 2P1 Canada.
Монреаль - Miss Sofia Apraxine, 5316 Duquette, Montreal, Quebec, H4A 1J4 Canada.

РОССИЯ:

Русское Возрождение. Донской монастырь. Донская площадь, 1. Москва, 117419.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк - St. Seraphim Foundation, 53 Duane Lane, Demarest, N. J. 076227. Mr. A. O. Rodzianko, 272 Germonds Rd., West Nyack, N. Y. 10994.
Вашингтон - Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N. W., Washington, D. C. 20016-2615.
Массачусетс - Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street. Jamaica Plain. MA. 02130.
Калифорния - Mr. A. Miroshnichenko, P.O. Box 1353, Belmont, CA 94002.

ФРАНЦИЯ:

Париж - Mme Marina Deruguine. 17, rue de Boulainvilliers, 75016 Paris. France.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай, не торопясь, несколько минут:

Отец наш Небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас, грешных, молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю Русскую - удел Богоматери - и русский народ от всех врагов его и укрепи державу Твою и веру православную.

Святый Боже! Святый крепкий! Святый бессмертный, помилуй нас! (три раза)

И. Ланской

Присоединяясь к идее И. С. Ланского, призываем всех участвовать в молитве за спасение России. Другим издательствам предлагаем перепечатать воззвание.

Редакция